

ISSN 0130-2574

КОСТЁР

ОКТЯБРЬ 1990

10





КОСТЁР

ОКТАБРЬ 1990

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Издается с июля 1936 года
© «Костер», 1990

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

1

ХРАНИТЕЛЬ
ТОЧНОГО ВРЕМЕНИ
очерк
Т. Волынкиной

4

ТВОРЧЕСТВО
ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

5

СОЛНЦЕ —
ЖЕЛТЫЙ КАРЛИК
повесть
Т. Пономаревой

16

КАК МЫ ЕЗДИЛИ
ПОМОЩНИКОВ
ИСКАТЬ
очерк
Е. Пожидаевой



18

БАРАБАН
сообщения юнкоров



22

РАССКАЗЫ О БИБЛИИ

25

ОРЕЛ
ДЕВЯТОГО ЛЕГИОНА
повесть
Розмэри Сатклиф

33

КОНКУРС
«НЕЗНАКОМКА-90»



34

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА
В БОЛЬШОЙ ПЕЩЕРЕ
очерк
А. Карданова

36

СТИХИ
Г. Кацерики

37

ВСТРЕЧИ С ПРИШЕЛЬЦАМИ
ИЗ КОСМОСА
очерк
Г. Лисова

39

ДЕТИ, В ШКОЛУ
СОБИРАЙТЕСЬ
заметка
Е. Перехвальской

40

МАЙКЛ ДЖЕКСОН

42

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ



44

ВЕСЕЛЫЙ ЗВОНОК

47

АРЧЕБЕК
шахматы и шашки

На обложке
рисунок В. Шаронова
к очерку
«Маленькая девочка
в большой пещере»





ХРАНИТЕЛЬ ТОЧНОГО ВРЕМЕНИ

1. ВЫ — НЕ ПОТОМОК ПУШКИНА!..

Я толкнула тяжелую дверь и вошла внутрь подмосковного института. Того самого, где хранились сверхточные эталонные часы Советского Союза. О чем говорила и табличка у дверей: «Государственный эталон времени Советского Союза».

Но в вестибюле не было никаких часов, кроме обычных, настенных. Короче, учреждение, и где эти самые точные часы искать — совершенно непонятно. Я спросила сотрудника:

— Скажите, пожалуйста, кто здесь самый главный хранитель Времени?

— Сергей Борисович Пушкин.

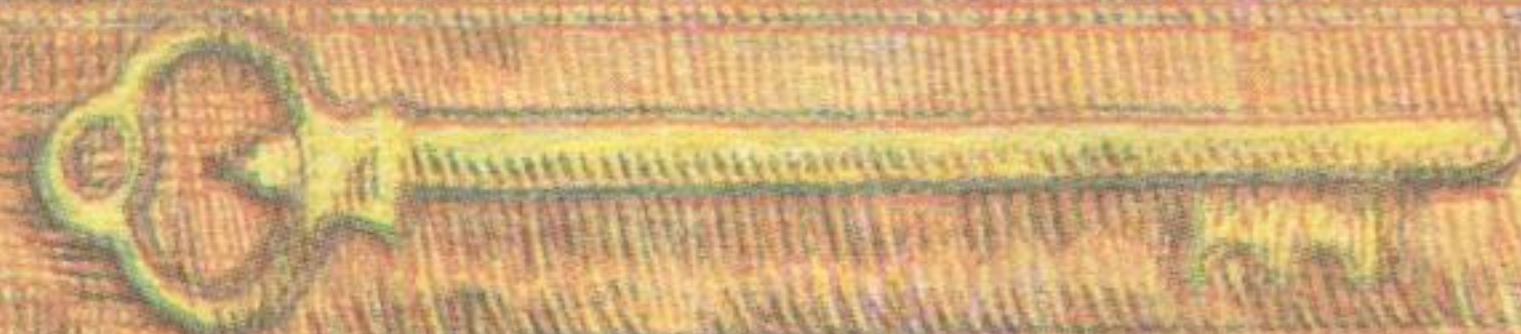
— Потомок великого поэта? — поинтересовалась я шутя. И получила серьезный ответ:

— Пра-пра-правнук Александра Сергеевича!

И не успела удивиться, как появился сам Сергей Борисович. Человек, прошедший войну и награжденный орденами. Лауреат Государственной премии СССР. Ученый. Физик. Хранитель времени. Это по простому. А называется его должность мудрено: ученый хранитель государственного эталона времени Советского Союза.

Однако увидеть сверхточные часы оказалось не так-то просто. Сергей Борисович сказал, что хранятся они в этом доме в глубоких подвалах, на специально подвешенных фундаментах, при точно выдержанной температуре, вдали от шумных городских дорог — чтобы ничто не могло нарушить их точнейшего хода...

А по дороге, где коридоры сменялись лестницами, а лест-



ницы новыми коридорами, я припомнила все, что читала или слышала о часах и времени.

2. ОГОНЬ, ВОДА И ПЕСОК

На Земле часами всегда было Солнце. И первыми часами, которые люди придумали для себя, были солнечные часы. Их не надо было заводить, и шли они точно. Но, к сожалению, только днем и в солнечную погоду.

Впрочем, родились эти часы в стране, где много солнца и мало пасмурных дней — в Древнем Вавилоне. И оттуда разошлись по миру.

Их можно было встретить в южных городах — на площадях и на стенах домов, в окнах церквей и даже... в карманах горожан — вытащил на солнышко, посмотрел, как падает тень от гномона, и опять спрятал. Очень удобно. Гномон — это такой штырек, от которого тень падает на циферблат.

Немного позднее греки изобрели часы водяные. Назвали их клепсидрой. Клепсидра по-гречески — «Похитительница воды». Работали эти часы так: вода переливалась через отверстие одного сосуда в другой. Разметки на сосудах и уровень воды, соответствующий им, показывали, сколько времени прошло после наполнения сосуда. Главное было — вовремя наполнять часы водой.

Еще позднее придумали песочные часы. Из одной полушеры песок пересыпался в другую. Особый песок делали мастера для таких часов: кипятили его в вине и в лимонном соке, просеивали, вновь кипятили, и так девять раз.

До сих пор простыми на вид песочными часами пользуются медики и фотографы.

Были даже огненные часы! Это были свечи с часовыми разметками по всей длине. Помимо того, что они показывали время, они еще и освещали жилища.

И наконец люди изобрели первые механические часы — с гирями. Делались они долго — годами. Стоили дорого. И поэтому во время войны даже считались почетными трофеями. Их разбирали и перевозили к себе победители.

Но все это были еще простые часы. И вот в часах появился маятник. А вместе с ним и множество всяких приспособлений. Часы стали показывать время точнее во много раз. Но их никак не удавалось сделать маленькими, а ведь не будешь всякий раз бегать на городскую площадь, чтобы посмотреть, который час. Ни минутных, ни секундных стрелок тогда еще не было.

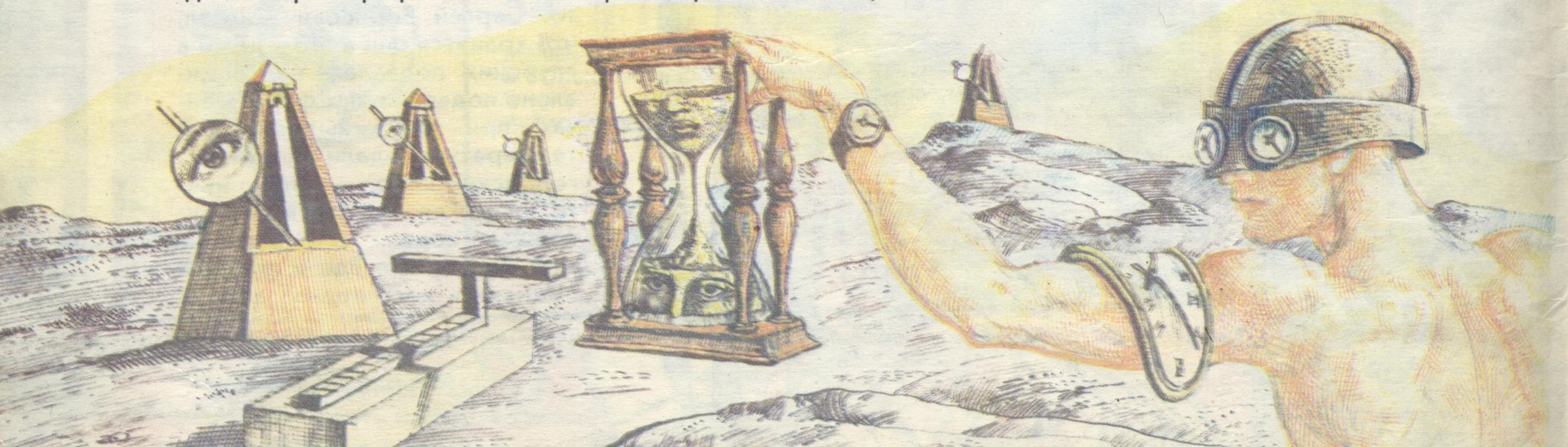
Придумал, как сделать маленькие механические часы, Питер Хейнлейн в XVI веке. Заменял гирию спиральной пружиной. Просто, да не просто — надо было додуматься. Но прошло два столетия. Уже на часах появилась минутная стрелка, а затем и секундная. И наконец англичанин Джон Гаррисон изобрел долгожданный морской хронометр, превзошедший все ожидания моряков. За 81 день плавания бригада «Депфорд» он отстал всего на одну секунду! Эти часы стали настоящими хранителями времени!

3. В ПОГОНЕ ЗА СЕКУНДОЙ

Но прошло еще время, и наступил век наш — с бешеными скоростями и невиданным ранее развитием науки и тех-



ники. И хотя хронометр Гаррисона оставался достаточно точными часами, для этого века они уже не годились. Их точность была мала для науки и техники — ведь секунду научились делить уже на сотни и тысячи частей. Но и часы, умеющие хранить такое время, долго придумать не могли. Опять ломали головы инженеры, часовые мастера и ученые: как, из чего сделать современные сверхточные часы? Только найдут, обрадуются, глядь — часы оказываются несовершенными — не умеют безукоризненно хранить время... Ну что тут будешь делать? И опять склонялись головы над сложными чертежами, и опять проводились опыты в лабораториях... И наконец — нашли! Придумали часы атомные! Которые не отстают, не устают и не изнашиваются. Было это в пятидесятые годы. С тех пор атомные часы усовершенствовались и научились делить секунду не только на миллионные, но и миллиардные доли. Кто знает, что ждет их дальше? Погоня за секундой продолжается...



4. САМЫЕ-САМЫЕ ТОЧНЫЕ...

— Ну вот, мы и пришли! — сказал Сергей Борисович, открывая дверь в подвал-хранилище. — Хранятся здесь не одни часы, а целая группа атомных часов. Поэтому бояться, что часы выйдут из строя и мы останемся без точного времени, никаких оснований нет.

Внешне, как вы видите, эти часы совсем не похожи на обычные, и постороннему наблюдателю ничего о себе не расскажут. Нет ни стрелок, ни маятников, ни колесиков: потому что спрятана за непривлекательной оболочкой драгоценная начинка — электроника... Но Джон Гаррисон потерял бы рассудок, если бы узнал, что через два века после его изобретения появятся часы, которые могут ошибаться на секунду за... 500000 лет!

— Скажите, — спросила я, — а вот голос диктора: «Передаем сигналы точного времени...»?

— Это — по нашим часам, — сказал Сергей Борисович.

Кстати, потом я узнала, что разработкой передачи этих шести сигналов по радио занимался непосредственно Сергей Борисович. И не такая это простая была работа... И в том, что мы сейчас проверяем по радио точное время, немало и его заслуги.

— Нам хватает такого точного времени: сверил часы, и все в порядке. А кому нужно сверхточное время — миллионные и миллиардные доли секунды?

— Прежде всего космонавтам. За одну миллионную долю секунды космический корабль пролетает триста метров. Ошибешься при запуске — и улетит он совсем не туда, куда нужно. Точное время необхо-

димо астрономам, чтобы узнать расстояние до далеких планет. И летчикам, чтобы даже в самую темную ночь навигационные приборы правильно показали место посадки. И многим-многим другим.

Да и нам с вами оно тоже не помешает. Мало проверить часы. Надо уметь не терять попусту если не миллионные доли секунд, то хотя бы обычные минуты, которые тоже имеют способность исчезать очень быстро и неизвестно куда. Поди потом догони!

— Вы, наверное, знаете о времени все? — спросила я у Сергея Борисовича.

— Нет, — ответил он, — все о времени не знает пока никто. И я отношусь ко времени так же, как и многие люди. Мне кажется, что оно бежит слишком быстро.

Но даром Сергей Борисович времени не терял никогда. Он очень любит читать, заниматься спортом и, конечно, серьезной научной работой. Свыше 80 трудов написано им только о точном времени!

А о том, что он потомок великого поэта, Сергей Борисович как-то не задумывается. Однажды в детстве услышал, как бабушка, подойдя к портрету Александра Сергеевича, сказала негромко:

— Мой дед.

— Бабушка, — сказал в свою очередь Сережа, — это же Пушкин!

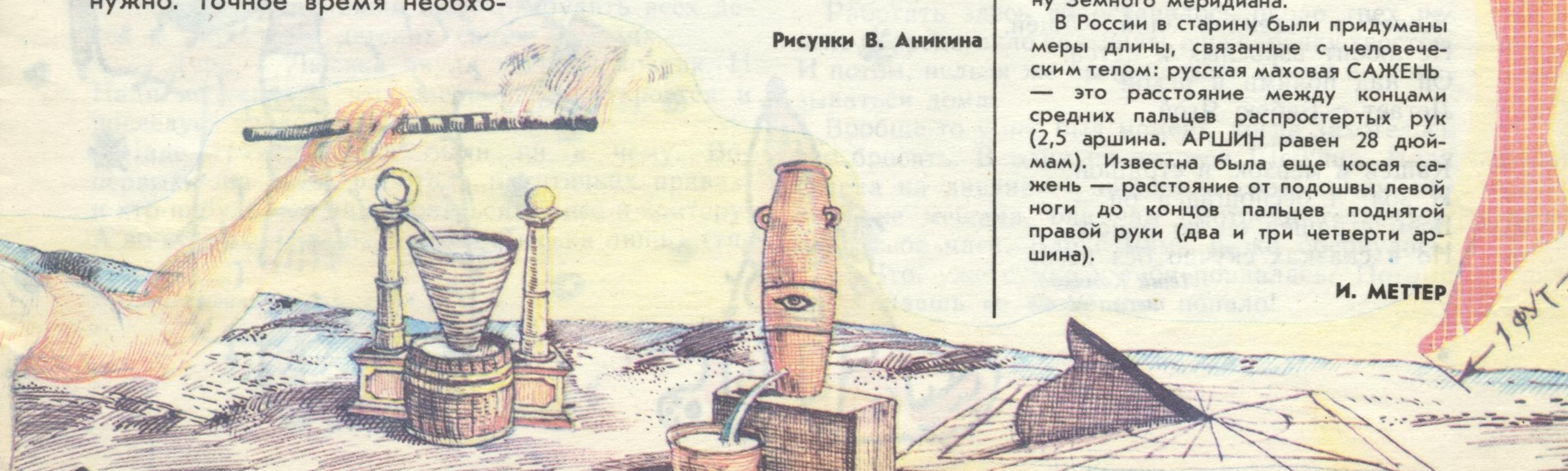
На что бабушка ответила:

— Всем он Пушкин, а мне он — дед.

Это не важно, — думала я, возвращаясь, — какую работу ты делаешь. Важно, чтобы люди потом могли назвать ее поэзией. А работу Сергея Борисовича Пушкина поэзией, наверное, назвать можно...

Т. ВОЛЫНКИНА

Рисунки В. Аникина



ПОЧЕМУ ТАК НАЗВАНЫ?

В старину у всех народов для обозначения единиц длины использовались названия каких-либо частей тела человека. Вот примеры.

Из Библии известна такая мера длины — ПЯДЬ, то есть длина кисти руки. И ПАЛЕЦ — то есть ширина пальца руки. Еще в XIII веке в указе короля Богемского Оттокара написано: «Четыре ячменных зерна, положенных рядом, дают один поперечник пальца. А десять поперечников пальцев дают одну пядь».

Была еще одна распространенная единица длины — ЛОКОТЬ. Это расстояние от конца среднего пальца руки до изгиба в локте. В Англии локоть считался равным 27 дюймам. А ДЮЙМ приравнивали к шести толщинам ячменных зерен, взятых из середины колоса. Или к длине трех зерен того же ячменя, но приложенных концами друг к другу. (Нынешний дюйм равен 2,5 сантиметра).

Подсчитайте, какой высоты был библейский гигант Голиаф, которого сразил царь Давид, если известно, что Голиаф был ростом «в шесть локтей и одну пядь»?

Многие народы за единицу длины считают ФУТ. В переводе с английского фут означает «ступня». Один английский фут равен 12 дюймам.

Римляне когда-то определяли расстояние при помощи тысячи шагов. По латыни слово тысяча — миллиа (millia). Отсюда и пошло название меры длины — МИЛЯ. Нынешняя морская миля равна 1852 метрам.

В древних книгах рассказывается, как арабские астрономы, вскоре после смерти Гарун аль-Рашида, измерили длину одного градуса Земного меридиана. Он оказался равным 56 арабским милям. Об этой миле нам известно, что она равнялась 400 локтям. А арабский локоть считался равным 50 сантиметрам. Вот и подсчитайте, насколько точно арабы измерили длину Земного меридиана.

В России в старину были придуманы меры длины, связанные с человеческим телом: русская маховая САЖЕНЬ — это расстояние между концами средних пальцев распрямленных рук (2,5 аршина. АРШИН равен 28 дюймам). Известна была еще косая сажень — расстояние от подошвы левой ноги до концов пальцев поднятой правой руки (два и три четверти аршина).

И. МЕТТЕР

ТВОРЧЕСТВО ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

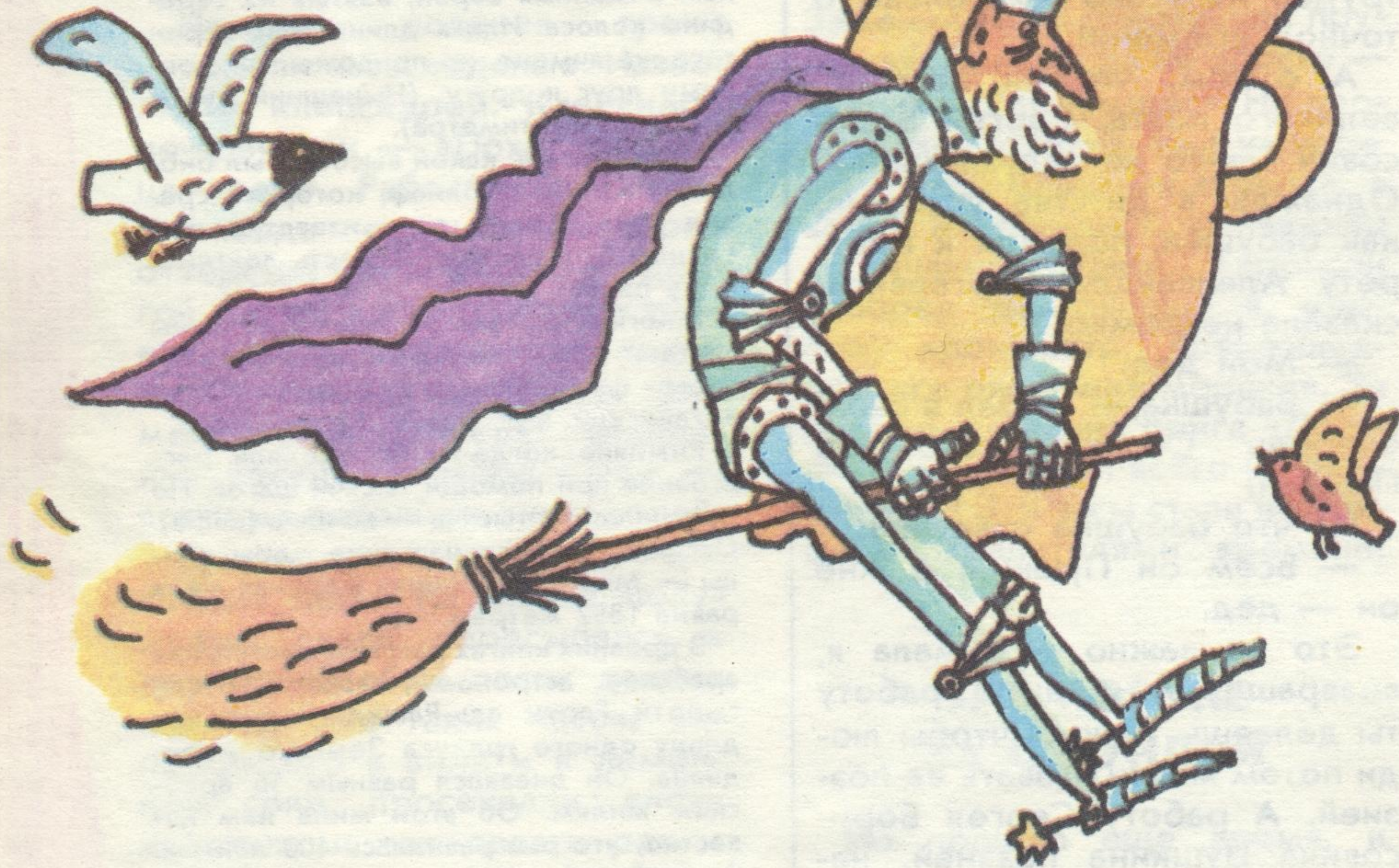
Поэтический клуб «Альтаир» — наш старый знакомый. «Костер» не раз предлагал читателям новые стихи юных поэтов из Липецка. Руководит клубом Анатолий Евгеньевич Фесенко, человек увлеченный, энергичный и веселый. Тот же, кстати, поэт. Поэтому, знакомя вас, ребята, с творчеством «альтаировцев», мы решили напечатать и стихотворение их бессменного руководителя.

ПТИЦЫ

Я люблю красивых птиц:
Попугаев и синиц,
Канареек и щеглов,
Перепелок и орлов.

Кружат птицы высоко,
Смотрят очень далеко,
Видят реки и поля,
Ведь под ними — вся Земля.

Андрей Белянский,
школа № 60



КАЩЕЙ

Живет в легендах злой Кашей,
Не любит взрослых и детей.
Он над полями и рекой
Летает с Бабою Ягой.

Кашей и мерзок, и страшон,
И зол, и беспощаден он —
Всем страшен он до одного,
Но в сказках скучно без него.

Леша Комяков,
школа № 49



МЕЧТА

Анатолий ФЕСЕНКО

Вглядишься в ночные облака,
Летящие во мгле,
Они как бурная река,
А ты — на корабле.

Согласно правилам игры,
И вечером и днем
Он заколдован до поры
В обыкновенный дом.

А ты храни его секрет,
Верь в детские мечты,
Пройдет совсем немного лет,
И море встретишь ты.

Взовьются к звездам паруса
И мачты заскрипят
Для всех, кто смотрит в небеса,
Пока другие спят.

ВРЕМЕНА ГОДА

Пришла зима, застыли реки —
Полезли в шубы человеки.
Пришла весна, открылись реки —
Из шуб полезли человеки.

Леша Ершов,
школа № 60

Рисунок Н. Куликовой



Татьяна ПОНОМАРЕВА
Рисунки А. Ивашенцовой

СОЛНЦЕ — ЖЕЛТЫЙ КАРЛИК



— Дай сюда, копуша! — Люська отобрала у Нади швабру с накрученной на нее тряпкой и широкими сильными движениями стала намывать лестничный пролет. Швабра мокрым своим концом то взмывала в воздух, то вновь смачно шлепалась на кафель, покрывая все вокруг грязными брызгами. По светло-зеленой стене, которую Надя только вчера оттирала, ползли друг за дружкой тяжелые темные капли. Швабра металась, как зверь в засаде, громко, с вызовом ударяясь в чужие двери. Одна дверь приоткрылась, из нее высунулась удивленная детская голова... Собаки: подняли лай. Люська хохотала, ведро, подталкиваемое ногой, звенело и грохотало на выщербленном полу, и в конце концов это ведро, задетое в рвении шваброй, перевернулось и покатило, отсчитывая ступеньки, выплескивая из себя коричневую жижу... Они не успели его словить, как оно победно влетело в только что раскрывшуюся дверь на третьем этаже, подскочило и аккуратненько встало у ног изумленной хозяйки. Хозяйка запоздало отскочила в сторону, словно это было не ведро, а бомба, и ударилась ногой о калошницу.

— Девочки, что вы здесь хулиганите?

— Извините, мы не хулиганим. — Надя виновато подхватила ведро. — Нечаянно получилось...

— Чего ты оправдываешься? — перебила Люська. — Они дома сидят, кофий пьют, а ты подъезды драишь... Это они извиняться должны, что всю лестницу заплевали!

— Я ничего не заплевывала! — Женщина возмущенно пожала плечами.

— Ну там вы, или ваши дети, или соседи, не знаю. А на втором этаже... спуститесь, посмотрите, это тоже не вы? Пусть даже не вы... Но убирать-то вы тоже не спешите!

— Какие вы грубые, — сказала женщина. — И потише, ребенок спит! — Она ушла и хлопнула дверью так, что можно было разбудить всех детей в окрестных детских садах и яслях.

— Дура, — Люська пнула дверной коврик. И Надя испугалась, что дверь вновь откроется и последует продолжение скандала.

Наде такие стычки были ни к чему. Во-первых, она здесь работала на птичьих правах, и кто-нибудь мог пожаловаться на нее в контору. А во-вторых, этим балаганом Люська лишь оття-

гивала время. Вначале, когда Надя только начала здесь работать, она радовалась появлениям Люськи, хотя на болтовню уходило времени больше, чем на саму работу. Но был рядом близкий человек, и становилось не так одиноко и не так противно. Зато домой она еле доползала к восьми, отчаянно завирала, что ходит теперь на аэробiku, пряча при этом в карманы красные распаренные руки. С уроками, конечно, приходилось туго. Если мама дежурила в больнице, то можно было, позвонив ей, чтоб не волновалась, тут же завалиться спать часов до трех-четырёх утра. А утром самое главное — встать! Вытащить себя из теплого уютного логова постели, но и это не все: даже встав, можно незаметно опять прилечь, якобы потянуться и... все! Самый сладкий сон, говорят, до обеда. Один раз так проспала, но было всего два урока и поездка на ВДНХ, так что пронесло. Вообще утром заниматься неплохо: читаешь и запоминаешь почти сходу. И потом, раньше это время суток было ей совсем не знакомо: она не знала этой удивительной тишины и теперь сделала для себя открытие: оказывается, шум мешает видеть. Она пятнадцать лет прожила в этом доме, пятнадцать лет каждый день смотрела в окно, но только сейчас, в ночной тишине, увидела, что одна из веток тополя, ее любимого тополя, растущего под окном, изогнута в виде лиры! Она ощутила, что такое одиноко идущий в ночи человек — о нем обязательно подумаешь, проследишь за его торопливыми шагами...

— Ладно, хрюкай дальше! Может, еще забегу. — Тяжело прыгая через две ступеньки, Люська побежала вниз. — Слушай, — крикнула она уже с первого этажа, — пойдем сегодня к Зотову, он видушник починил!

— Ты что, Люсь, — отказалась Надя, но входная дверь, как ей показалось, захлопнулась до ее ответа.

Работать здесь ей оставалось около трех недель, а предстояло подтянуть еще парочку хвостов. И потом, нельзя же было целыми днями не показываться дома!

Вообще-то у нее был момент, когда захотелось все бросить. В один из визитов Шошина. Надя сидела на диване — зашивала свою сумку, никому не мешала, они там смотрели телевизор, пили себе чаек. Вдруг мама резко обернулась:

— Что, уже сумка у тебя порвалась? Потому что кидаешь ее везде как попало!

— Просто эта сумка очень старая! — ответила тогда Надя и пошла сидеть на пушках возле Панорамы. «Все,— решила,— больше не выйду! Черт с ними, с этими сапогами...» Зашла к Люськиной бабушке, предупредить. Но ее не оказалось дома. А на следующий день Надя, заскочив домой и переодевшись в тренировочный и куртку, опять отправилась намыывать лестницы.

Если бы год назад Наде сказали, что она пойдет мыть лестницу, чтобы купить матери сапоги, она бы сильно удивилась. Ей, конечно, всегда хотелось видеть маму современно, красиво одетой, хотелось, чтоб она носила браслет, как Люськина мама, пользовалась дорогими духами... Ей хотелось выкинуть на помойку мамин доисторический бежевый сарафан, эту грустную серую кофту. Мама была совершенно не толстая, она еще вполне могла бы носить и джинсы, и легкие спортивные куртки! Но она как-то слишком поспешно согласилась с возрастом и даже перестала хной подкрашивать волосы. Иногда Наде становилось страшно, ей казалось, что мама начала как-то особенно быстро стареть. Ведь есть же люди, старящиеся очень быстро... Надя этого боялась, но еще больше боялась, что это заметят другие. И вот она здесь, моет лестницу, пережидает у батареи боль в спине... И никакой это не подвиг — на днях Люська ей сказала, мол, я тоже люблю свою мать и глотку за нее перегрызу любой гадине, но на такие подвиги ради пары каких бы то ни было сапог она просто не способна! Еще бы! Если у тебя отец каждый месяц приносит чистыми триста пятьдесят — четыреста рублей, мытье подъездов можно считать за подвиг, а можно и просто блажью. Но если у вас на двоих неполные двести, то тогда это просто необходимость, просто жизнь, просто работа. Конечно, одни, тем более осенние сапоги — это слишком мало, когда нет многого другого, тоже крайне необходимого. И в то же время пусть хотя бы это появится у мамы сейчас, а не в каком-то неведомом будущем. Ради этого можно и потерпеть, и наступить на горло своей брезгливости. Но долго заниматься этим — Надя чувствует — не смогла бы. Как же люди работают на таких местах годами, а некоторые — и всю жизнь? Как вообще случается, что люди становятся вдруг почтальонами, дежурными в метро, гардеробщиками, вахтерами, дворниками? Что, они все в свое время были круглыми двоечниками? Или ни у кого из них не было никогда хоть самых маленьких способностей, самой скромной мечты заняться чем-то не только ради зарплаты, но чтобы еще и — интересно? Почему одним суждено ездить в экспедиции, ходить с караванами верблюдов, залезать в кратеры вулканов, выступать на сцене или вести дипломатические приемы, а другим мыть грязные тарелки в столовой или до оцепенения глядеть на бесконечную вереницу людей на эскалаторе? Ведь для того чтоб так неумело распорядиться своей жизнью, так обделить себя, надо иметь очень веские причины. Или очень больных родственников, за которыми нужен постоянный уход, как это, например, у тети Кати, убирающей соседние подъезды. Или же это

вполне понятно, когда человек на пенсии или же учится и ему нужно просто подработать. Но чтобы, имея все же какой-никакой выбор, застрять на самом скучном, самом безрадостном и добровольно тянуть эту лямку всю жизнь? Немыслимо...

В кармане Надя нащупала рубль, вспомнила, что дома кончился чай. Пришлось свернуть к гастроному. На углу она вдруг увидела Федора Ивановича. Он остановился возле газетного киоска, купил что-то незаметное — скорее всего стержни для ручки. Потом повернулся и пошел к подземному переходу. Куда это он? Надя хотела его догнать, просто из любопытства, но поленилась. Она лишь замедлила шаг и проследила, как он поднялся из перехода с той стороны улицы, сел в троллейбус и покати к центру.

VIII

Надина мама уже который день мучилась, не зная, как сказать обо всем Наде. Хорошо бы эта новость раскрылась сама собой — где-то в общем разговоре, на кухне, например, как бы между прочим... Но и Федор Иванович, и Нина держались так, будто ничего не происходит, хотя ужинали они теперь отдельно в своей комнате, у телевизора.

Надина мама тянула, скрывая, сколько могла, а теперь справки уже были собраны и, можно сказать, пора было упаковывать вещи.

Обмен затеяла Нина. У них с Федором Ивановичем нашлась престарелая родственница, живущая в однокомнатной квартире. Правда — далеко, в одном из новых районов на юге Москвы. Но там уже пустили метро — двадцать пять минут до центра. Нина поговорила с родственницей, и та согласилась перебраться в комнату Нади и ее мамы, а им уступить свою квартиру.

Практически для Нади и ее мамы это была единственная такая скорая возможность занять отдельную, пусть и однокомнатную квартиру. В исполкоме никто даже не поставил бы их на очередь — не полагалось по метражу. А кооперативы были им не по карману. Впрочем, Надина мама всегда жила со своими соседями в полной дружбе, и они ей, особенно пока Надя была маленькая, здорово помогали. Так что мыслей о каком-либо обмене у нее до этого не водилось. И даже когда Нина завела с ней этот разговор, первой шевельнулась не радость, а обида: как так — столько лет прожили вместе, а теперь, выходит, надоели? Она, конечно, виду не показала, ответила, что подумает. Но когда она, съездив с Ниной, увидела эту квартиру, и до нее дошло, что открылась реальная возможность в ней поселиться, став полной хозяйкой, она согласилась сразу, больше не раздумывая. Тем более, Надя выросла. А там, в просторной кухне можно было поставить диван, да и вообще превратить ее в комнату, оклеив стены обоями, — благо плита электрическая и от нее никакой копоти...

Конечно жаль, прожив здесь двадцать два года, уезжать с Панорамной улицы! Да и место, что говорить, одно из самых красивых в городе, и работа недалеко... Но отдельная квартира! Ведь



соседи, какими бы прекрасными ни были, все же — чужие люди. Правда, о Федоре Ивановиче и Нине она никогда не думала, как о действительно чужих: слишком многое было пережито вместе, скрыть они друг от друга ничего не могли — все слезы, все радости на виду. Это в последнее время Нина стала замкнутая, раздражительная. Надина мама сколько раз говорила дочери — не торчи постоянно у них! Ты уже не маленькая: куда захотела, туда и пошла... Люди устают за день, им хочется ото всех отдохнуть, у Нины болит голова — она даже бросила репетиторство, как Медовар ее ни умолял! «Хорошо, мама, не буду!» А сама, не успела мать отвернуться, уже сидит в кабинете Федора Ивановича, делает уроки. Он, конечно, сам ее на свою голову приучил: «Она мне совершенно не мешает!» Ну как не мешает? Просто вежливый человек... А эта и рада стараться, даже учебники перетащила туда. Нина молчит, терпит, пока она челноком туда-сюда мотается, но, конечно, ей это не нравится! Или — еще новости: как-то настирала Федору Ивановичу рубашки! Нина приготовила их нести в прачечную и забыла в коридоре. Вечером возвращается с работы — вся кухня увешана мокрыми рубашками... «Я, — говорит ей Надя, — свое стирала и рубашки заодно». Молодец, конечно, позаботилась, она не лодырь. Но начнешь объяснять, что нельзя без спросу внедряться в чужое хозяйство, — не понимает, обижается: «А что я такого сделала?»

Сказать Наде о переезде будет трудно. Здесь вся ее жизнь: школа, подруга, да и, пожалуй, не обрадует то, что они теперь будут жить только вдвоем. Если бы не Нина, Федор Иванович вряд ли сам согласился бы на этот обмен. Он привязан к Наде, а про нее и говорить нечего!

Если бы несколько лет назад соседи взяли, как они хотели, девочку из дома ребенка, сейчас и Нина была бы другой, и Федор Иванович переключился бы на свои семейные проблемы. Жаль, что не получилось. Наверное, права Нина, не стоило Федору Ивановичу уходить из школы. Ну поругался он с директором из-за своего неугомонного характера, директор его просил: мол, прекрати, Федор Иванович, свою отсебятину, дай мне спокойно уйти на пенсию. Не дал! Комиссия за комиссией, проверка за проверкой... Ученик выучил урок по учебнику, все рассказал, а он ему вместо оценки — точку, чтоб переписал пропущенный урок с конспекта товарищей и пересдал на следующем уроке. Мама, разъяренная, сыночка за руку и — в РУНО, что это, мол, за издевательство?.. «А вы что, хотите, чтоб из ваших детей вырастали истуканы? — Федор Иванович им в ответ. — Я стараюсь, чтоб дети изучали историю, а не параграфы про историю из негодных учебников». Эти «негодные учебники» не прошли даром! Перед каждым уроком нервничал и в конце концов не выдержал, пришлось уйти. «Лучше, — сказал тогда, — стулья да столы пересчитывать, краску и гвозди добывать, чем заниматься враньем и притворяться перед детьми, что все у нас восхитительно!..» Так и ушел из школы и характеристику для удочерения не взял —

не у кого было. Правда, сейчас, хоть он и работает не по специальности, но историей занимается вечерами дома или в библиотеке, пишет статьи и даже, говорит, учебник для школы. Конечно, хорошо, когда такой человек живет рядом. Он и Надю заставил завести какую-то папку, вместе складывают туда газетные вырезки, какие-то фотографии — целый архив!

Вот со школой теперь неизвестно, как быть? Придется поехать сюда до окончания восьмого класса. А там — видно будет, может, дочь еще надумает поступать в техникум. С переездом можно бы и подождать до лета, но Нина опасается — родственница чувствует себя плохо, и неизвестно, что будет через месяц, не то что через полгода...

Надина мама всегда жила так, что от дочери у нее почти не было секретов. Она даже решилась было рассказать ей про Шошина, но отложила разговор лишь потому, что надумала эти встречи прекратить, чтоб не мучить ни его, ни себя, ни Надю.

Конечно, теперь она это понимает, про обмен Наде нужно было сказать в первый же день. Наверняка дочь обидится, что все решили без нее и даже мать потихоньку съездила посмотреть квартиру. А может, ничего — в этом возрасте все так непредвиденно!

Там в квартире две лоджии: одна из кухни, другая из комнаты. Только высоко — пятнадцатый этаж, непривычно, жутковато даже... Холодильник можно поставить в прихожей, чтоб кухня совсем как комната, тем более, мойку даже не видно — она очень удобно спрятана в нише. И светильник повесить красивый немецкий, как у Вари.

Что и говорить, это, конечно, везение, думает Надина мама. Надя это сразу может и не оценить, у нее еще детские представления о жизни. Привыкнет. А тем более, если замуж потом выйдет и придется вместе жить, на первых порах будет хоть где разместиться. Надина мама вполне сможет и на кухне, пока подоспеет очередь на квартиру, но это, как говорится, дальний прицел, а как без него? Кто еще о них позаботится?

IX

Федор Иванович уже не раз замечал, что в его жизни мечты если и сбывались, то, по крайней мере, не в виде самостоятельной бескорыстной радости, а в момент потери чего-то другого, не менее ценного и необходимого — в виде успокоительной и примиряющей с судьбой замены. Вот и теперь он был счастлив и несчастлив одновременно. Счастлив, потому что лишь за последнюю неделю в одном из архивов напал на целую россыпь бесценных документов, и его работа, в которой он пытался исследовать судьбы русского офицерства после Октябрьской революции, пошла в три раза быстрее. Более того, ему предложили сотрудничество в одном из журналов — им понравились две предыдущие статьи Федора Ивановича, за одну из которых, в ней он касался правил «филтрации» и использования офицеров и чиновников белых армий на фронтах гражданской войны, — еще восемь лет назад после разгромной,

бездоказательной рецензии он был практически отлучен от этого же самого журнала как тенденциозно подходящий к теме и использующий неавторитетные в научном плане источники автор. Он тогда заработал жестокую бессонницу, не потому, что статьи не были опубликованы, а потому, что кончился срок на пропуске в архив и нужно было где-то добывать новое письмо с просьбой предоставить возможность работать в архиве. Сделать это было не так-то просто — преподавание в школе не давало на это права, а серьезных, влиятельных знакомств в нужных организациях он не имел. Потом уже, через какое-то время, он встретил на Пушкинской площади бывшую сокурсницу Тамару Котко, работавшую в Музее истории советской печати, она и помогла, даже не столько через музей, сколько через мужа, полковника Генштаба. Этот же полковник, Андрей Васильевич Котко, пытался подыскать Федору Ивановичу работу, когда он вынужден был уйти из школы. Была возможность попасть в один институт, там собирались расширять отдел — требовалось подождать месяца три-четыре. Федор Иванович временно устроился на первое подвернувшееся место — завхозом в стройуправление. Но с институтом ничего не вышло. Вместо расширения пошли сокращения штатов, и Федор Иванович застрял в завхозах. В последнее время он серьезно подумывал, а не вернуться ли ему в школу? Он был еще не стар и достаточно вынослив, чтоб совмещать преподавание с научной работой. По школе он скучал. Единственное, что его всегда раздражало в школе, это звонки. В урок он никогда не укладывался. Были темы, требующие серьезного, искреннего разговора, через них нельзя было перескочить, как через дождевую лужу. Ему хотелось давать материал в совокупности времен: прошедшего, настоящего и будущего, где настоящим временем освещался именно изучаемый период. Ему хотелось побороть эпизодичность восприятия детьми своего предмета, не делить его на параграфы, как нельзя разделить на параграфы большую, долгую дорогу. Он чувствовал, что необходимо учить детей жить не только в клетке сегодняшнего дня, тем более они и сами этого не хотели, им было тесно только в сегодняшнем дне, не зря они с такой жадностью поглощали фантастику. Может, и учебники по истории должны были быть написаны по законам сопричастности, духовного соучастия происходящему, чтоб там действовала не аморфная, безликая масса канувших в лету соотечественников и чужестранцев, а побольше личностей, с цветом глаз, с характером, с пороками и добродетелями, вбирающих в себя время, группирующих вокруг себя события! Строчки из писем и дневников людей, их сдезда, жилища, портреты и фотографии, музыка, которую слушали, улицы, по которым ездили, их имена, их еда, их лекарства, обивка мебели, цены на их хлеб и шляпы, их эпидемии, их похороны и рождения... Но, кроме истории, были и другие предметы, в любой эпохе, как бы далеко они ни забирались, их отыскивал пунктуальный школьный звонок, приглашая в буфет или в раздевалку.

Даже сейчас, копаясь в архивах и библиотеках, находя живые отзвуки человеческих судеб, он представлял себе, как смог бы рассказать об этом на уроке, и делал длинные, подробные выписки с уверенностью, что они пригодятся...

Итак, работа у Федора Ивановича налаживалась, он готов был заниматься ею без выходных и отпусков, не потому, что он был какой-то там фанатик, а потому, что она была для него как бы и не работа, но способ жизни.

Но кроме этих радостей было и то, что в последнее время постоянно мучило и угнетало Федора Ивановича, — это предстоящий переезд соседей. Он пытался убедить жену, что делать этого не нужно, что к родственнице можно поехать, поухаживать за ней и без обменов. Нина же восприняла этот разговор раздраженно и ревностно, попрекая излишней привязанностью к чужим и нежеланием подумать о собственной старости. Чужими теперь значились Надя и ее мать. Нина забыла, как она часами таскала маленькую Надьку на руках, как меняла ей колготки, как не вылезала из «Детского мира» и заплетала ей косички, как готовила с ней уроки, как вместо матери потихоньку шла за ней по пятам, когда та в первый раз самостоятельно отправилась в булочную. Все теперь куда-то ушло, и ничего ей не надо, кроме покоя, как она говорит, и тишины. А что он, Федор Иванович, будет делать с этой тишиной? Конечно, Нину можно понять: не свой ребенок, как ни старайся, а вся ласка, вся любовь девочки все равно идет к матери, а ты — просто тетя Нина, соседка, хорошая, добрая тетка...

Федор Иванович хочет, но никак не может решиться поговорить с Надей, объяснить эти нелепые перемены, уверить ее, что и дальше они будут видаться, и в любой момент, когда ей захочется, она сможет приехать и даже переночевать в любимой «задвижке». Он жалеет, что не окликнул ее сегодня: заметил же, как она идет через сквер... Не хватило духа, не смог начать разговор там, где учил ее кататься на велосипеде, где разыскивал с ней сбежавшую собаку — бездомную, приведенную Надей, сутки прожившую в их апартаментах. Ему хотелось еще хотя бы на час, на сутки оттянуть мучительную беседу. Он знал, чувствовал, что ни мать, ни его жена Нина — никто ей пока об этом не говорил, должно быть, надеялись на него.

Он вернулся поздно, около одиннадцати. Нина спала, из-под двери соседской комнаты сквозила желтая полоска света. Федор Иванович взял сломанный утюг и пошел чинить на кухню. Он разобрал его до винтика, собрал, опять разобрал... Ни Надя, ни ее мама из комнаты не выходили. И тут Федор Иванович вдруг отчетливо понял, что он уже со своим разговором опоздал.

Х

Окно без тополя — это не окно, а дырка в пространстве. Небо без веток голое, скучное. В нем слишком много простора, и этот простор не радуется, а угнетает. С пятнадцатого



этажа мир внизу несерьезный, игрушечный, в него не хочется спускаться — слишком очевидна его хрупкость. Надина мама ходит из комнаты в кухню, из кухни в комнату и по двадцать раз на дню:

— Мы с тобой кухню оклеим обоями, моющимися или самоклеющимися, потом, после твоих экзаменов. Варя поможет достать...

Варя, мамина приятельница по работе, приехала сюда на второй же день с тяжелой дорожной сумкой. Она вела себя так, будто это не квартира, а тайно открытое подземелье, набитое сокрови-

щами, и люди даже сами не понимают, чем завладели. За неимением наглядных сокровищ, лишь предчувствуя их тусклый жемчужный блеск, скрытый, возможно, под паркетом или в стенных нишах, она доставала из сумки подарок за подарком: то фаянсовую тарелку с пестрой птицей, то вазу, то расписную деревянную солонку, то коврик для ванной... Все это сама тут же прилаживала, пила чай, расхаживая с чашкой по квартире, вытягивала из кармана сантиметр, обмеривала стены и окна, что-то умножала и складывала на полях старой «Вечерки», аккуратно от-

рывала записи, прятала в карман кофты, таинственно при этом улыбаясь, как бы намекая на предстоящие дары. Варя сама жила в коммунальной квартире с четверьмя соседями, терпя с одной стороны слесаря-композитора Васютина, а с другой круглосуточно работающую на «Олимпиа» машинистку Арину. У нее каждый год регулярно подходила очередь на квартиру, но «потусторонние» силы пускали в ход все свои связи, и Варя оставалась на месте, утончая и совершенствуя далее сам процесс ожидания.

Может, поэтому мама и Варя так неумеренно восторгаются, что знают — дом нужно обласкать и к себе приучить... Мебель тоже пока как бы гостит, болезненно поскрипывая после переезда. Наверное, есть люди, которым суждено всю жизнь колесить: они легки, они — везде, у них особое родство с воздухом и пространством. А есть такие, которым суждено всю жизнь просидеть на месте. У них, похоже, даже вещи пускают невидимые корни: их шкафы и диваны грузчики еле-еле сдвигают с места. Скорее всего, Надя с мамой из этих — оседлых.

Переехали так переехали, нужно жить дальше. До школы Наде добираться час, можно и за сорок пять минут, но в таком случае пришлось бы проходить мимо бывшего дома, а ей не хочется. Бывший дом для нее теперь, как Атлантида, провалившийся под воду материк. Правда, придется пройти мимо еще раз, когда отправится за сапогами к Лизке. Но, в конце концов, можно договориться и встретиться у метро. Она звонила ей, все в порядке, сапоги ждут. Осталось получить деньги. На днях вернется Люси́на бабушка, она где-то у родственников нянчит младенца. Хорошо хоть Надя успела отработать до переезда. Мама так ни о чем и не догадалась.

Без Люськи тяжело, не будешь ведь ездить по вечерам гулять на Панорамную. Так что встречаются они только в школе, на переменах, и то не всегда — Люська имеет привычку на переменах списывать домашние задания, а после уроков ее теперь поджидает Андрюха Попов из девятого «А». Иногда они бродят втроем, но Надя понимает, они ждут не дождутся удрать от нее и, обижаясь, тянет время. Хотя обижаться, в сущности, глупо. У Люськи эти ее влюбленности — как шаровые молнии: вспыхивают и безвозвратно гаснут. Люська как-то посчитала, что влюблялась одиннадцать раз, а впервые — в четыре года.

Надя с четвертого класса, кроме Люськи, дружила еще с Морозовой Юлей. Она их постоянно мирила, ссорились они жестоко, до драк. Теперь Юля живет в другом районе, где-то в Отрадном. И перестала звонить, а ее телефон, если он и появился, Надя не знает. Юля здорово рисовала портреты — всем нравилось, а Люське нет, ей казалось, что Юля над ней смеется, и поэтому она ее била.

Сейчас, потеряв на время Люську, именно тогда, когда одной быть непереносимо, Надя опять вспомнила о Юле. Она даже подумала, а не поехать ли к ней? Поболтали бы... Вот именно, поболтали! Обо всем и ни о чем.

Надя поехала домой, купив в метро белую гвоз-

дичку, смотрела на нее всю дорогу, повторяя про себя: «Все будет хорошо. Все будет хорошо...»

Дома в голубой вазе ее встретил веселый букет из разноцветных гвоздик. Из-за букета выглядывал Шошин, он ел сосиску.

XI

В тот день, когда классная восьмого «Б» Рябова Лидия Григорьевна на всю галактику возвестила, что Надя посещает подвалы, не произошло ни крупных землетрясений, ни извержений всемирно известных вулканов. Природа вела себя тихо, настороженно наблюдая за тем, как сами люди, беря с нее худший пример, устраивают все эти извержения и землетрясения в душах друг друга, и что из этого получается...

После того как вслед за Надей громко захлопнулась дверь ее родного класса, еще громче — школы, она услышала самый отчаянный стук третьей невидимой двери, разделяющей ее прошлое, окончившееся минуту назад, и будущее, вместо которого зияла безразмерная дыра, темная и всепожирающая, от нее веяло смертельным холодом, в ней не было ни запахов, ни звуков, ни желаний, ничего!

За что с ней так поступила Рябова? Что Надя ей сделала? Рябова же ее опозорила! Да, опозорила перед всем классом, и не случайно, а специально! Надя видела, какое у нее было ненавидящее лицо! Надя сначала даже не поняла, не могла поверить, что т а к о е серьезно и при всем народе можно сказать человеку. И как сразу стало в классе тихо. Кто-то присвистнул, может — Кузин. А Митрохин, сосед по парте, сразу уткнулся в стол, она увидела — он даже не взглянул на нее! Почему они замолчали? Почему никто, ни один человек не вскочил, не перебил Рябову: у вас что, мол, Лидия Григорьевна, крыша поехала? Ладно — ребята, но девчонки! Светка Кудрявцева, Фомина, Жезлова Оксанка? Они-то уж не могли поверить? Или... могли? Или Рябову испугались... Господи, что же — все трусы?

Да, Надя вчера была в подвале соседнего пятого дома. Искала там Лизку, чтобы отдать ей деньги и забрать, наконец, сапоги. До этого Надя зашла к Лизке домой, ее дома не оказалось, но брат сказал, что она, скорее всего, в подвале: они с ребятами чего-то красят, делают из него клуб. Надя и пошла в этот подвал. Вошла, там страшно орала друг на друга две тетki, одна — кто позволил брать щиты и обивать их мешковиной, другая — не ваше, мол, дело... Лизки не было. Надя стала выбираться наверх, задела ногой о край деревянного ящика, порвала колготки и расцарапала ногу. Она поднялась из подвала на ступеньку, наклонилась, послонявила палец, чтоб приостановить кровь и стереть пятно. Но тут краем глаза увидела, что, наискосок переходя дорогу, приближается Рябова. Надя терпеть не могла ее высокомерные взгляды, поэтому быстро поднялась и завернула в подъезд дома — переждать, пока Рябова пройдет. Есть люди, от которых хочется убежать, если ты даже ни в чем не

виноват. Наде тут же в подъезде стала неприятна эта глупая, трусливая затея. Не нужно было удирать! Шла бы Рябова мимо и шла, на нее вообще не нужно было обращать внимания. Если же ей так интересно, если она так печется о нравственности, могла бы позвать там, на улице, и тут же на месте все выяснить. Надя б ее на экскурсию в этот подвал сводила — к теткам! Или ладно, допустим — не захотела на улице звать, можно же было сегодня утром, у раздевалки, — встретились же лицом к лицу, — спросить по-человечески, узнать, что к чему. И вокруг никого не было, они одни... Но так поступить! Это же подло! Это все равно что ударить по голове спящего человека, даже еще хуже! Да и вообще, как можно под одну мерку подгонять всех людей? Ну ходил человек в подвал, ну и что, мало ли, зачем он ходил? К чему же сразу думать про него гадости, да еще говорить, тем более про какие-то консультации!

Знала бы Рябова... Да нет, ей об этом знать как раз ни к чему! Просто Надя никогда в жизни еще не целовалась ни с одним парнем! Конечно, если бы даже и целовалась по тысяче раз в день, и то — кому какое дело! Но она не целовалась, а только думала об этом, как это могло бы у нее быть. И слушала, как это бывало у других. Ей казалось, девчонки всегда немного привирают, приукрашивают, набивая себе цену... А может, все так и было, как они рассказывали. Одно время Наде очень нравился Агапов Сережа, но Агапов стойко любил математику, читал научные журналы на английском языке, и всякие там романтические настроения одноклассниц его не интересовали. Или он просто умел скрывать. Но не это сейчас важно, не об этом речь.

Непонятно было, как после всего жить дальше? Ходить в школу на уроки этой же самой Рябовой, сидеть в одном классе с теми, кто ни словом не защитил ее, говорить с ними о чем-то, улыбаться... Даже если не улыбаться, просто существовать в одних стенах!

Надя автоматически шла по улице, по излюбленному, тысячу раз промерянному с Люськой маршруту. Она двигалась, как с завязанными глазами, и было так плохо, что даже воздух казался шершавым. Неужели бывает так много несчастий и предательств сразу, в такой ничтожно маленький промежуток времени? И все это спрессовано, доведено до плотности камня. Камня, который с силой в тебя швырнули!

Началось все с обмена. Эх вы, Федор Иванович! Любитель высоких истин! Вы говорили, что человек волен выбирать себе эпоху и роль? В какой же на этот раз оказались вы? Уютно ли вам в ней? Наверное, все же поуютнее, чем нам здесь, в сегодняшнем дне... Во всяком случае, у вас там уже никаких непредвиденностей. У нас же — поопаснее, хотя все кругом улыбаются и друг другу сочувствуют... Как вам живется в отдельной трехкомнатной квартире с видом на великого полководца тысяча восемьсот двенадцатого года? Жива ли старушка или ее до смерти напугал тополь, стучащий ночами в окно? А еще вы как-то говорили, что не надо бояться иллюзий, иллю-

зии, мол, это то, чего меньше всего остается к концу жизни. Наверное, как и друзей, которым можно верить...

Потом — вчерашний день. Сапоги. Надя долго бегала за Лизкой, разыскивая ее по дворам. Наконец встретила возле Панорамы. Лизка заулыбалась и повела Надю домой. Вытащила из шкафа сапоги, сказав:

— Ладно, давай на десятку меньше... Тут у меня тетка их парочку раз надела.

И Надя увидела, во ЧТО превратились эти долгожданные сапоги! Подошва стерта, на одном сапоге сбоку тонкая длинная ссадина... Кроме того, сапоги уже притерпелись к чьим-то ногам, заметно растянулись и поперек подъема пустились ветки морщин.

— Лиз, ты обещала ведь никому не давать, — сказала потерянно Надя. — Обещала, что подождешь! И Люська просила, она тебе даже пуловер оставила в залог...

— Да много ты знаешь! Твоя Люська, между прочим, свой пуловер через неделю пришла и забрала! Ей, видишь ли, на дискотеку не в чем было идти. Так что — я вообще могла их продать! У меня знаешь сколько народу спрашивало?.. Чего ты раздумываешь? Такие нигде, ни в одной комиссии не достанешь. Не все ли равно, подумаешь — два-три раза недели! Я же тебе говорю, давай на десятку меньше...

Надя повернулась и пошла, чтоб не разреветься тут же, в Лизкиной роскошной квартире. Не для этого она возила грязь, чтоб принести в подарок ношенные сапоги! Черт с ними, пусть подавится! Но как Люська могла? Почему ж она ее не предупредила, Надя так надеялась на этот пуловер! Неужели без него Люська не могла прожить какие-то полтора месяца? Ведь у нее полно этих тряпок! Выходит, сначала дала, а потом — пожалела?

— Да мать у тебя старая, куда ей — розовые? — крикнула Лизка вдогонку. — Бери себе, четвертак скину!..

А сегодня — Рябова. Общественный обличитель тайных пороков человечества!

Более сильные люди в таких ситуациях, наверное, топятся, думает Надя. Тем более, если ноги сами приводят их к подходящему месту. Надя не заметила, как спустилась к набережной под Бородинский мост. Тоже по привычке. Они с Люськой здесь часто гуляли. Здесь Люська еще в пятом классе рассказывала, как ее в лифте поцеловал Зотов. Здесь же они окончательно решили, что во взрослой своей жизни поселятся в одной большой квартире, все будут покупать сообща, а также сообща воспитывать шестерых детей: троих Люськиных и троих Надиных. Правда, они расходились в одном: Надя хотела, чтоб с ними жила ее мама, а Люська убеждала, что к родителям лучше всего ходить в гости, а жить нужно отдельно и весело. Река подхватывала и уносила листочки из блокнота, на которых фломастером была нарисована схема будущей квартиры и обозначены места расположения в ней кресел и телевизоров, диванов, детских кроваток и разных столов... Они даже как-то составляли

список необходимого для семейной жизни, но не смогли составить до конца, потому что в ручке кончилась паста.

Хотелось жить вместе, а через три года стало жаль пуловера, чтоб выручить человека? Тем, более, не насовсем же она его отдавала... Надя знала, что Люська всегда была человеком бурных затей, она с размахом начинала каждое новое дело, но и в одну минуту, без объяснений, все бросала, как только затея надоедала ей. Но если ты ведешь самолет и вдруг решаешь выпрыгнуть с парашютом, предупреди хотя бы пассажиров, что у штурвала никого нет. Может, пассажиры изловчатся и сами посадят самолет!

По Москве-реке прошла баржа. Наде захотелось спрыгнуть на нее, чтоб всю оставшуюся жизнь плыть и плыть, смотреть на облака, на берега с далекими домами, с лесами, с любопытными детьми, с песчаными откосами, и чтобы молчать, даже забыть все слова, просто смотреть и дышать запахом речной воды.

Надя вновь поднялась по лестнице, даже не оглянувшись, но подумав про себя о том, что постарается никогда в жизни здесь больше не появляться. Но сейчас она не знала, куда идти, что делать, как быть дальше. Лучше всего было пойти домой, лечь и уснуть, желательно летаргическим сном. Но дома была мама с ее усиленной интуицией. Мама не могла сейчас помочь: с того букетного вечера призрак Шошина постоянно мелькал за маминой спиной.

Вот так, не зная и не зная, куда идти, Надя продолжала петлять по городу: шла проходными дворами, сворачивала в переулки, спускалась и поднималась подземными переходами и в конце концов была насильно загнана усталостью туда, куда только раз в жизни ходила с классом — в Планетарий. Она подумала, что сейчас в самый раз посидеть в темноте, и пусть кто-то что-то рассказывает о далеких звездах и планетах, не имеющих к ее жизни никакого отношения. Она купила билет, устроилась на заднем ряду. Вошел лектор, высокий и худой, заговорил неуверенным голосом троючника. Поначалу лекция вообще показалась Наде похожей на дополнительный урок для отстающих учеников. Правда, ученики были от пятилетнего возраста до позднепенсионного. Надя почти не слушала, до нее долетали отрывочные сведения о силах гравитационного притяжения, какой-то конвективной зоне, фотосфере... Погас свет, над головой поехал-закружился звездный купол, зазвучала музыка...

Однажды Надя с Люськой забрались на крышу двенадцатиэтажного дома. Они только что помирились и купили по этому поводу шоколадку. С крыши небо казалось гораздо ближе, а звезды ярче. Хотелось сидеть и смотреть на них всю ночь. Люська, разворачивая шоколад, шуршала фольгой и на звезды не обращала внимания. Но, что удивительно, при всем равнодушии к ним, она прекрасно разбиралась в созвездиях! Если Надя ее спрашивала: а это, мол, какое? Она коротко взглядывала по направлению руки и тут же называла: Лебедь, Гончие Псы, Лира... Правда, как-то летом, кажется в июле, Надя сказала Федору

Ивановичу, что они с Люськой видели Близнецов, чему Федор Иванович сильно удивился, так как до этого твердо был уверен, что это созвездие можно разглядеть только зимой.

Музыка смолкла. Лектор продолжил: «...так что наше светило, товарищи, является весьма заурядной звездой!» Тут он стал приводить всякие цифры: длину радиуса, силу светимости, перечислять химический состав... У Нади сами собой стали закрываться глаза. Ей даже показалось, что она на минуту отключилась, но голос лектора методично долбил пространство, и до нее долетело: «...солнце — желтый карлик...» Как это — желтый карлик? — не поняла Надя. Солнце — желтый карлик?! Их с о л н ц е и какой-то гадкий, сморщенный желтый карлик?..

Надя еще не проходила в школе астрономию и не посещала астрономических кружков. Поэтому она не знала, что среди звезд бывают не только желтые, но и белые, красные карлики и такие же гиганты. Что это обоснованные математическими расчетами научные факты.

Но, видимо, к этим фактам Надя была еще не готова... Может, слишком сильным, неизжитым оказалось детское благоговение перед светом, теплом? Когда солнце рисуют в пол-листа и самым ярким карандашом! Когда его рисуют в первую очередь, а потом уже — домик, собачку, дерево!..

А может, Надя в душе была тайной язычницей и не могла примириться со столь грубым осквернением? Хотя в детстве, похоже, все немного язычницы.

Детство ушло, тело стало почти взрослым, но разве меньше от этого нужно ему тепла и света? Солнце — это ярко мерцающие косицы весенних ручьев, это тяжелые теплые июльские вишни на ветках, это коричневый крупный речной песок, прилипающий к мокрым ногам, это маленькие, звенящие цикадами ночи летом и ослепительные снежные бабы зимой... Солнце — это самое большое, самое радостное и самое надежное, что есть у человека! Если оно даже и закатится, на день, на неделю спрячется в облаках, то все равно наступит момент — и оно вернется!

И вдруг — «желтый карлик»!

Надя была, наверное, единственным посетителем за всю историю существования Планетария, который лил горькие слезы по поводу данного научного факта. Она ничего не могла с собой поделать! Голос лектора то взмывал под купол, то спадал к подножью кафедры, публика шуршала бумажками, кашляла, шепталась... Включенные созвездия плыли сначала в одну сторону, потом, словно испуганные овцы, в другую, над креслами занималась пурпурная заря, светлело, казалось, сейчас зазвонят будильники и, как было у них на Панорамной улице, потрескивая проводами, тяжело потянутся из парка троллейбусы.

Надя рыдала над желтым карликом. Может, так оно и есть, и, выйдя из дверей Планетария, она увидит над головой вместо солнца оскудевший тусклый диск, похожий на стертый пятак? Мир стремительно терял свою надежность. Он становился жалким, незащищенным, и тепло его было на исходе.

Может, Рябова, Федор Иванович с Ниной, Люська, Шошин и тысячи других людей знали об этом? Оттого и поступали, как им заблагорассудится, не ущемляя своих прихотей, не тратя сил на других — а вдруг на себя не хватит! Медный хмурый кардик висел над ними. А теперь он повис и над Надей.

XII

Мамина записная книжка всегда лежала в коричневой сумке. Надя перерыла всю сумку, даже просунула руку под распоровшуюся подкладку, — куда же могла эта книжка деться?

Надя старалась не шуметь, было уже около часа ночи. Мама спала, но беспокойно — ворочалась, вздыхала во сне. Неужели книжка потерялась? Или мама забыла ее на работе... И, главное, не спросишь у нее об этом!

В записной книжке Надя хотела найти рабочий телефон Шошина. Адреса там, конечно, нет: какой дурак в такой ситуации станет давать адрес, по которому проживает его законная семья! А не могла ли мама с ее сверхинтуицией специально спрятать эту книжку? Да вряд ли, думает Надя. Она поискала в хозяйственной сумке, в пальто и плаще. Тихонько вошла в комнату и скользнула рукой в карман мамино халата, но там лежали только маникюрные ножницы и катушка ниток. В коридоре она еще раз выдвинула из тумбочки ящик, в котором хранились квитанции, приехавшие со старой квартиры поздравительные открытки... Стоп! Здесь должны быть две открытки от Шошина! Мама получила их в прошлом году, когда Шошин долго не появлялся — одна поздравление с Восьмым марта, а другая с днем рожденья. Надя стала перебирать пачку, скопившуюся за несколько лет. Маме писали в основном пациенты, они присылали свои поздравления и пожелания на больницу, но мама всегда приносила их домой.

На конвертах, в которые были вложены Шошинские открытки, обратного адреса, конечно же, не было. Стояли только цифры индекса и закорючка вместо фамилии. Надя пригляделась к штемпелю и прочитала: «Мечено». Шошин жил за городом.

Утром Надя проводила маму на работу. А сама, надев вместо формы джинсы и куртку, вытряхнув из сумки учебники, отправилась на Комсомольскую площадь, чтоб ехать на станцию Мечено.

На вокзале была субботняя толчея. Люди с поклажей бежали наперерез друг другу, — нигде так не ценятся минуты и секунды, как здесь. И если в метро Надя держалась уверенно и спокойно, то, покрутившись несколько минут у железнодорожной схемы, затем у табло и касс, вдруг внутренне как бы поддалась общей спешке, заразившись ею, как гриппом. Она заторопилась так, что попала не в ту электричку, и лишь в последнее мгновение успела соскочить на перрон и вырвать сумку из резинового прикуса дверей.

Еще вчера Надя и не думала никуда ехать. Всего лишь хотела позвонить Шошину на работу.

А сейчас она распаренно и нервно мечется по вокзалу, запрыгивая не в те поезда, ошалело выскакивая из них, напададая с разбегу на чужие рюкзаки, и вообще производит, наверное, впечатление человека, которому сообщили, что у него сторел дом.

Надо успокоиться, думает Надя, разыскивая нужную электричку. Прежде всего — успокоиться и все обдумать. Во-первых, где в этом Мечено искать Шошина? Нелепо же бродить по улицам, надеясь на случайность! Может быть, зайти и спросить адрес в милиции? Там наверняка есть. А если поинтересуются — зачем? Что сказать? Лучше всего ответить: приехала, мол, в гости, а бумажку с адресом потеряла! Должны поверить... Хотя страшно не хочется врать! Все кругом врут, врут, и она с ними, получается, за компанию! Хорошо, как же тогда быть? Можно, конечно, было бы выяснить адрес Шошина в справочном бюро, но там спросят год рождения, а кто его знает, какой у него год. Мама что-то говорила, будто в интернате он учился в более старшем классе. Для справки нужно знать точно. И потом, все эти узнавания, как обычно в конторах: зайдите в конце недели! Он ведь живет не в Москве... А ей нужно сейчас, немедленно! Не каждый день человек может решиться на такое.

Ладно, допустим, адрес тем или иным путем раздобыт. Что дальше — идти к Шошину домой? К жене, детям... и при них это все говорить? Нет, специально она этого не хочет. Как бы ей ни было тяжело — она не из мстительных дур. Ей нужно от Шошина только одно, чтоб он оставил н а в с е г д а маму в покое. Она так и скажет: если вы действительно уважаете маму, это самое лучшее, что вы можете для нее сделать! Потому что так нечестно — самому жить в семье, а другого человека держать про запас, как какую-нибудь дополнительную, на случай отрыва основной, пуговицу для пиджака. И что у них с мамой — зона отдыха для утомленных семейных мужей? Она хочет ему сказать, что он просто унижает маму своими посещениями, а мама очень, очень добрая, поэтому не понимает этого.

Конечно, этот заранее заготовленный монолог не так легко будет произнести, глядя на живого Шошина. Она никогда еще так прямо не говорила людям, тем более взрослым, что не собирается больше видеть их в своем доме. Даже Федору Ивановичу не говорила, когда они с мамой переезжали, она просто отдала ему все книги, которые он ей дарил, и не ответила на два его письма. Теперь же нужно было сказать, защитив этим маму и себя, и никто, кроме нее самой, не мог этого сделать. Почему какие-то люди должны постоянно распорядиться их жизнью? Почему им с мамой все всегда — второго сорта: использованное, подержанное, да и просто чужое — на время! Один может подсунуть тебе поношенные сапоги, другой переселить по своему усмотрению, третий — заранее уверен в твоём беспутстве, четвертый — является к тебе домой когда вздумается, в полной непоколебимости, что его всегда ждут... Надо же когда-то выращивать в себе голос не только для внутреннего, но и для внешнего

пользования! Такой особый голос для поступка, перед которым бессильно хамство и наглый напор. Такой голос не заменит ни один пистолет: потому что выстрелить и убить — это еще не значит переубедить...

Для объяснений с Рябовой, с Лидией Григорьевной, такой голос был жизненно необходим, только Наде неоткуда было его взять. Надя хотела на следующий день — как раз Рябова вела первый урок — встать и сказать: «Извинитесь передо мной за вчерашнее!» Но — не сказала, не сумела... Сидела, как морская свинка, покорная, готовая к новым опытам. Ненавидела себя до головной боли, до аллергии, от которой чесались уши и щеки! Девчонки на перемене предлагали пожаловаться директору. Но жаловаться для нее — не метод: есть вещи, которые нужно говорить самому, без посредников. Рябова хоть и взглянула на нее с видом раскаявшегося отравителя и, что удивительнее всего, — ни разу за весь урок никого не обозвала, все равно своими невидимыми презрительными токами пронизывала до позвоночника, заставляя, ни на минуту не расслабляясь, держать глухую оборону. Наде казалось — еще немного, и кожа превратится в панцирь или покроется шипами.

Да, она не смогла ничего сказать ни Рябовой, ни Федору Ивановичу с Ниной, ни Люське. Не смогла она — та, вчерашняя мямля. А сейчас, вот в этой электричке, она едет на неизвестную станцию Мечено, чтоб родить там себя заново! Она должна смочь, иначе все дальнейшее не имеет смысла! Все теперь сходилась на Шошине и все с него начиналось.

Надя чуть не проехала станцию: микрофон не работал, остановки не объявлялись. Она вышла, спустилась с платформы и заглядывалась, совершенно не представляя, куда идти. Ей начало казаться, что прохожие смотрят на нее с недоверием, как будто они здесь все знают друг друга и лишь она среди них чужая, да еще с непонятными намерениями... Но это глупость, успокоила она себя. Не захолустная же деревенька Мечено, а пригородный поселок, похоже, серьезно освоенный дачниками.

Через дорогу возле цистерны с молоком стояла большая очередь. Надя стала внимательно разглядывать людей в этой очереди — нет ли там Шошина? Потом к рынку, миновала его ряды с рассадой и картошкой, вышла на маленькую площадку с газетным киоском и вдруг увидела почтальоншу. Спрошу, решила Надя.

— Шошины? Знаю! — кивнула почтальонша. — Некрасовская, двадцать пять. Это, девушка, сейчас вам до шоссе, а потом направо и до бани. Возле бани будет сначала Школьная улица, а следующая Некрасовская. Здесь недалеко, минут двадцать. Можете от рынка на автобусе подъехать до бани...

Простота, с которой удалось раздобыть адрес, поразила Надю. Она сразу пошла быстрее, как человек, имеющий неотложное дело. Возле бани остановилась. Ей показалось, что легко доставшийся адрес будет сегодня бесполезен. Возможно, и даже скорее всего, Шошин куда-нибудь

уехал. И она бессмысленно проторчит, поджидая у забора. И это заранее испытанное унижение еще больше подтолкнуло ее все же идти, все же ждать, сколько бы ни пришлось, и сказать то, что она решила.

И вдруг она видит его! Скорее даже не видит, а чувствует — это он! За редкой акацией мелькает его спина в синей майке, белые полные руки что-то шарят внизу, в траве. С ненавистью Надя разглядывает, что в траве стоит таз, из которого Шошин длинно вытягивает мокрое белье, выжимает и, старательно расправляя, развешивает на веревке. Потом он поднимает таз и уходит с ним на террасу, тщательно вытирая о полковик ноги.

Надя стоит, вцепившись в шершавую планку забора, и ее трясет. Ей хочется сорвать это чистое, деловито развешанное белье, ей хочется одним разом, одним махом разрушить тишину и уют этого садика, взорвать, уничтожить ту благодушную, умелую ложь, благодаря которой спокойно живут в этом доме! Но она знает, что не сделает этого, не позволит себе опуститься до скандала, до крика. Немного успокоится, войдет в калитку и скажет то, что хотела сказать, спокойно скажет, но так, чтобы он понял раз и навсегда!

Надя всматривается в полуоткрытую дверь террасы, и в голове у нее только те слова, которые она скажет сейчас. Скажет, глядя ему в глаза, вот сейчас скажет, как только он появится. Главное — сразу открыть калитку, войти и сказать...

Шошин выходит, но что за странное сооружение ползет впереди него? Возле чего он суетится, поправляя на ступенях крыльца какие-то доски? Нагибаясь и что-то придерживая, Шошин спускает на землю высокое плоское кресло и катит его, посверкивая спицами колес, по дорожке. Он ставит кресло на солнце, раскрывает над ним зонт, прикрепленный к спинке, и идет на террасу.

Надя не может понять — что происходит? Минуту назад была она, был Шошин и были те слова, которые она должна была сказать, жизненно важные слова, без них она не могла нормально жить дальше! И вдруг выплзает это странное, неожиданно для нее существующее явление, страшный смысл которого очевиден. Надя идет вдоль забора, сворачивает за угол и видит теперь близко кресло-коляску, бледное бессмысленное лицо мальчика, его неправдоподобно тонкие запястья рук, безвольно лежащие на подлокотниках и синие, ровно стоящие ортопедические ботинки.

Опять, спускаясь с крыльца, Шошин идет по дорожке, помешивая на ходу ложкой в стакане, на плече — полотенце. Он кладет полотенце мальчику на грудь, подтыкая концы за шею, и с ложки вливает что-то в открытый рот. И оранжево-синий зонт, распростертый над этой коляской, как флаг беды...

Надя возвращается домой. Надевает мамин халат — самую уютную одежду на свете, открывает балконную дверь и долго смотрит, как садится солнце. Солнце доходит до горизонта и оттанавливается. Оно держится изо всех сил до тех пор, пока Надя, догадавшись, не машет ему рукой.

КАК МЫ ЕЗДИЛИ ПОМОЩНИКОВ ИСКАТЬ

В Петрозаводске я на всякий случай решила зайти в Центральный государственный архив Карельской АССР. А Хельви Осиповна Инно — она там работает историком — решила показать мне подшивку старинных документов. Тоже, видимо, на всякий случай: вдруг заинтересуюсь. Подшивка называлась «Дело Олонецкого горного правления» и с виду была похожа на большую толстую книгу.

И вот только я стала переворачивать листы этой книги-подшивки, как раздался... треск. Плотные, как пергамент, они переворачивались не с обычным мягким шелестом, а с самым настоящим треском.

— Представляете, какой шум стоит в нашем зале, когда несколько читателей работают с такими «единицами хранения»? — заметила Хельви Осиповна. И тут же обратила мое внимание на школьные ведомости 1856 года — «Успехи, способности и поведение учеников Рыборецкого сельского приходского училища».

К ведомостям были прило-

жены работы по чистописанию, написанные в середине прошлого века: «Бойся Бога, повинуйся Царю и уважай начальников», «Противен Богу и бесчестен сын, оставляющий родителей своих без помощи».

Но самым любопытным мне показался документ, из которого можно было узнать, когда ребята поступали в школу. Так, братья Иван и Михаил Станиславовы 11-ти и 10-ти лет начали учиться 5 октября, восьмилетний Ваня Арестов — 1 декабря, а Петр Нифантьев 10-ти лет — только 9 декабря 1854 года.

— Почему так? — спросила я Хельви Осиповну.

— Как почему? Когда родители отпускают. В то время многие смотрели на школу более чем равнодушно. Некоторые матери даже плакали, отпуская детей учиться.

— Что ж, люди совсем темными были?

— Нет, против грамотности крестьяне ничего не имели. Однако они считали достаточным, если их ребенок или выу-

чит молитвы, или начнет разбираться в церковных праздниках. Поэтому основное время на школьных занятиях уделялось чтению по часослову и псалтырю. Выглядело это так: сначала читал учитель, за ним несколько раз прочитанное повторяли ученики. Чем громче и проворнее выговаривал ученик, тем больше имел успехов. Запомнив название букв алфавита (аз, буки, веди...), ученики хором заучивали слоги согласных и гласных. Отсюда и поговорка: «Азбуку учат, на всю избу кричат!»

Слушая рассказ, я невольно подумала: интересно, знают ли пионеры села Рыбрека историю своей школы? Есть ли у них школьный музей? Берегут ли они свою историю? И когда поделилась своими мыслями с Хельви Осиповной, она ответила:

— Что гадать? Дорога — два часа езды на автобусе. Съездим, и вам все станет ясно.

И вот мы приехали в школу. Знакомимся с ребятами седьмого класса. Один говорит: «Меня зовут Слава Ершов». И другая: «Я тоже Слава Ершова». Моя спутница насторожилась: «Уж не родственники ли Сафония Дмитриевича?» — «Точно, — говорят, — родственники. В нашем классе есть еще Лёля Ершова, тоже — родственница».

— Понятно, — улыбается Хельви Осиповна, — все понятно. — А мне шепчет: «Знаешь, это внучатые племянники Сафония Дмитриевича Ершова — первого профессионального художника-вепса».

Потом она стала показывать ребятам разные исторические документы, в которых сообщается об их родном селе, а под конец достала из папки какую-то открытку и обратилась к семиклассникам.

— Друзья, требуется ваша помощь! Уже много лет я собираю материалы о вашей школе. Между прочим, ей в этом году, в декабре месяце, исполняется 185 лет. Мне казалось, материалов собрано уже достаточно. Но недавно к нам в архив пришел один исследователь и говорит: «Посмотрите, какие



Хельви Осиповна Инно (за столом) показывает семиклассникам исторические документы, рассказывающие об их школе.



С января 1898 года по 1916 год в этом доме, который принадлежал крестьянину Егорову, размещалось Рыбрекское приходское училище.

я купил открытки». Стала смотреть. На одной — ярмарка на Сенной площади в старом Петрозаводске. Я случайно повернула открытку и вижу: «Петроград, ее высокородию Марии Степановне Барашниной. Воистину Воскресе, милая Маня! Как ты живешь? Встречаешь ли наших? Может быть, найдешь времячко черкнуть о себе. Я ведь учительницей в Рыбреке. Адрес мой: Вознесенская пристань, Рыбрека. Твоя Лиза».

Так я узнала об учительнице, которую звали Лиза и о которой мне, к сожалению, до сих пор ничего неизвестно.

Семиклассники слушали ее молча, сперва с интересом, затем все чаще стали поглядывать на часы.

— И так — всегда, — печально вздыхала Хельви Осиповна, когда мы вышли из школы. — Сначала загорятся, порой даже задания себе требуют, а на следующий день весь интерес пропадает, и никто ничего не делает. А мне без помощников никак нельзя — сама видишь, село большое. Всех не обойдешь и с каждым не поговоришь.

Я не знала, как ей ответить, и сказала первое, что пришло в голову:

— А вы меня в помощники возьмите!

Так я стала вместе с Хельви Осиповной ходить по домам и

записывать по ее просьбе воспоминания старожилов.

Ольга Ивановна Тимофеева, учительница-пенсионерка: «Моим учителем был Михаил Иванович Мишин — на всю жизнь его запомнила. Такой был добрый, живой человек. У меня и фотография хранилась, где он с пионерами. И я там на фотографии — в шапочке с помпоном и шерстяных чулках с бантиками. Еще был Николай Иванович, фамилии не помню. Он еще заикался. И тоже ко мне хорошо относился. Очень маленькая была ростом, и меня, наверное, учителя жалели. Вот я их и запомнила».

Бабушка Праскева Кузьминична: «Два года ходила в школу. На третий отец не пустил. Лошадей, коров, овец держали — работать надо было. Учиться не велели. Учителя были Александра Евгеньевна и Христина Ильинична. А школа — при церкви избушка. Мальчики и девочки учились отдельно. Вместе учителя не велели, сказали: ребята балуются, а девочкам что ж? Александра Евгеньевна придет в класс, поздоровается. Возьмет две цепи, на них гири. Если кто смеется, плачет, говорит, — она как стукнет по столу гирями-то! Так на столе и держала их. Это я, дочки, все помню».

Мы идем по селу, от одного дома к другому. Дорога то поднимается, то под горку торопится. И на подъемах Онеж-

ское озеро сразу в глаза бросается. Многие дома вокруг больше на дачи похожи. Бревенчатые стены досками обшиты и выкрашены. А другие дома старые, с потемневшими балконами и деревянными «полотенцами» над маленькими оконцами. Идем и думаем: сколько еще они простоят и не развалятся: год, два, три?

Вдруг видим — выходит из одного такого дома старушка с кошелкой и к поленнице направляется. Положила в нее несколько поленьев и назад поворачивает. Мы остановились. Заметила: «Вроде незнакомые гости-то?» Провела в избу, усадила на длинную лавку, сама напротив села. Треть комнаты занимает ткацкий станок. Стоит с заправленной в него работой. Рядом со станком — стол и телевизор. Хозяйка — Прасковья Ивановна Сорокина начинает рассказывать о своей жизни:

— Пол мыть уже не могу. Вот дров еще могу принести, да и то не охапку. Стирать тоже силушки нет. Живу одна, дети помогать приходят. В школу? Ходила. Месяца полтора. Матери не было — была мачеха. Так детей надо было нянчить. Замуж выходила — подписаться не умела. Учителя были Сафоний Дмитриевич Ершов, Александр Константинович. Да и в школу-то ходить было далеко — а погоды плохие, дороги никакие...

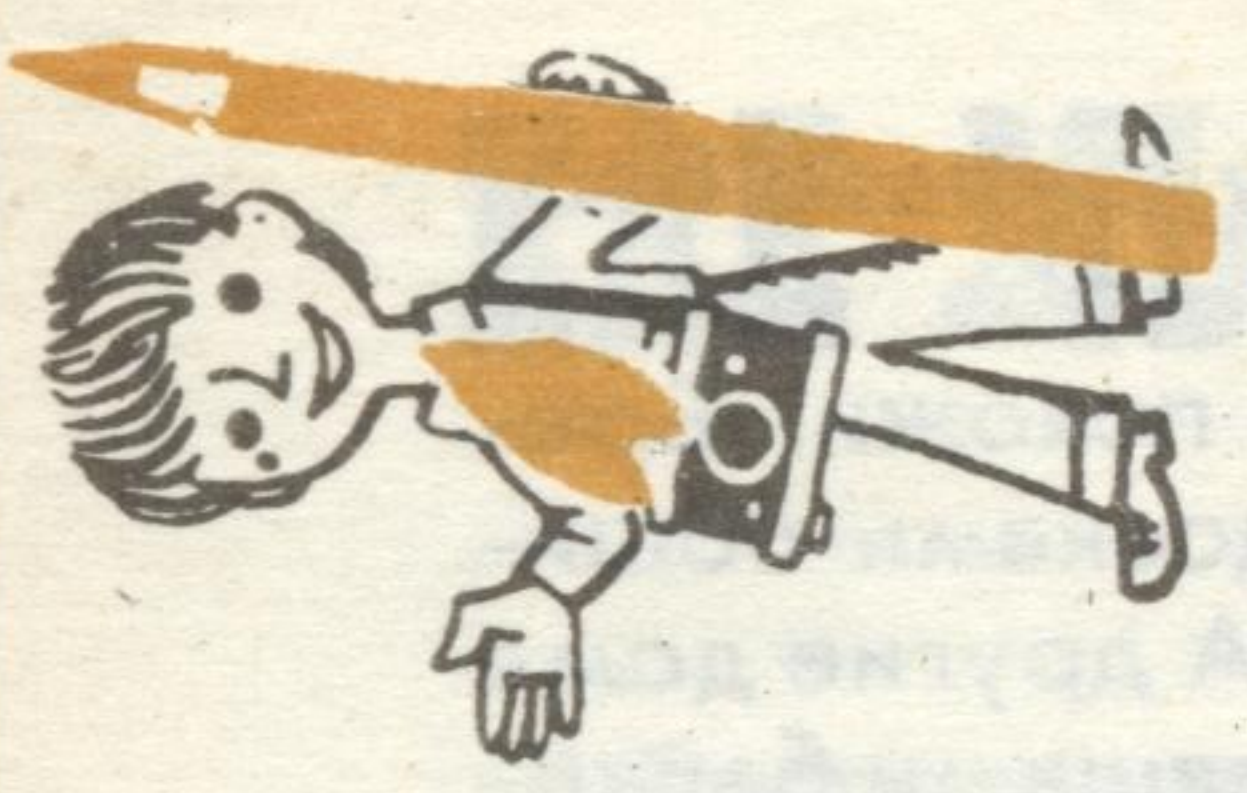
— А старых книг у вас нет, по каким читать учили?

— Теперь нет. Пионеры все в макулатуру сдали. Были бы, я уж вам бы удружила. Мне-то они зачем? Да и сколько можно на земле крутиться?

Вечер за окнами наступил незаметно, и нам надо торопиться на последний автобус. Все, что могли, мы сделали. Вся пленка в фотоаппарате отснята, блокнот исписан. А наговорились-то за день! Ну, за тем и ехали. Правда, ехали мы не только к пенсионерам, но и к пионерам. Но что тут можно добавить, если разговора с пионерами не получилось. Почему они ведут себя, как посторонние?

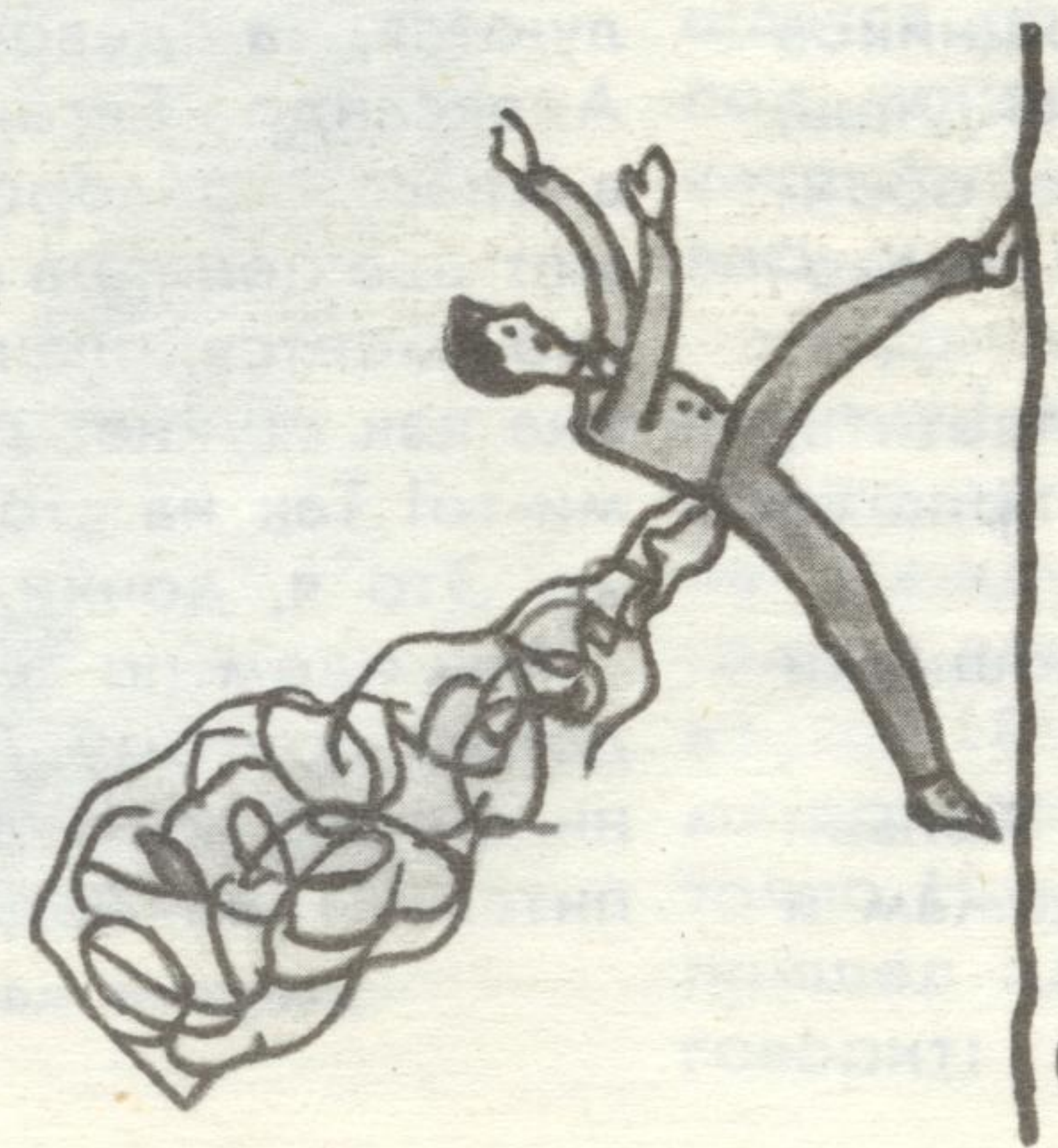
Е. ПОЖИДАЕВА
Фото автора

МАРАФАЮ



ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
РИСУНКИ
СНИМКИ

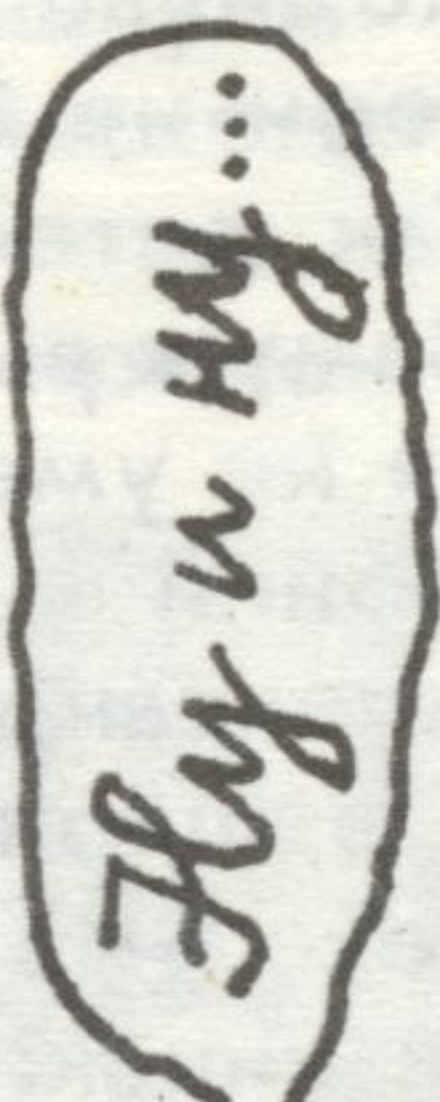
Школьная тема по-прежнему остается одной из главных в письмах юнкоров. Как из цветных стеклышек в калейдоскопе, складывается из писем замысловатый узор. И всяких красок в нем хватает: ярких и мрачных, солнечных и горьких, праздничных и тоскливых...



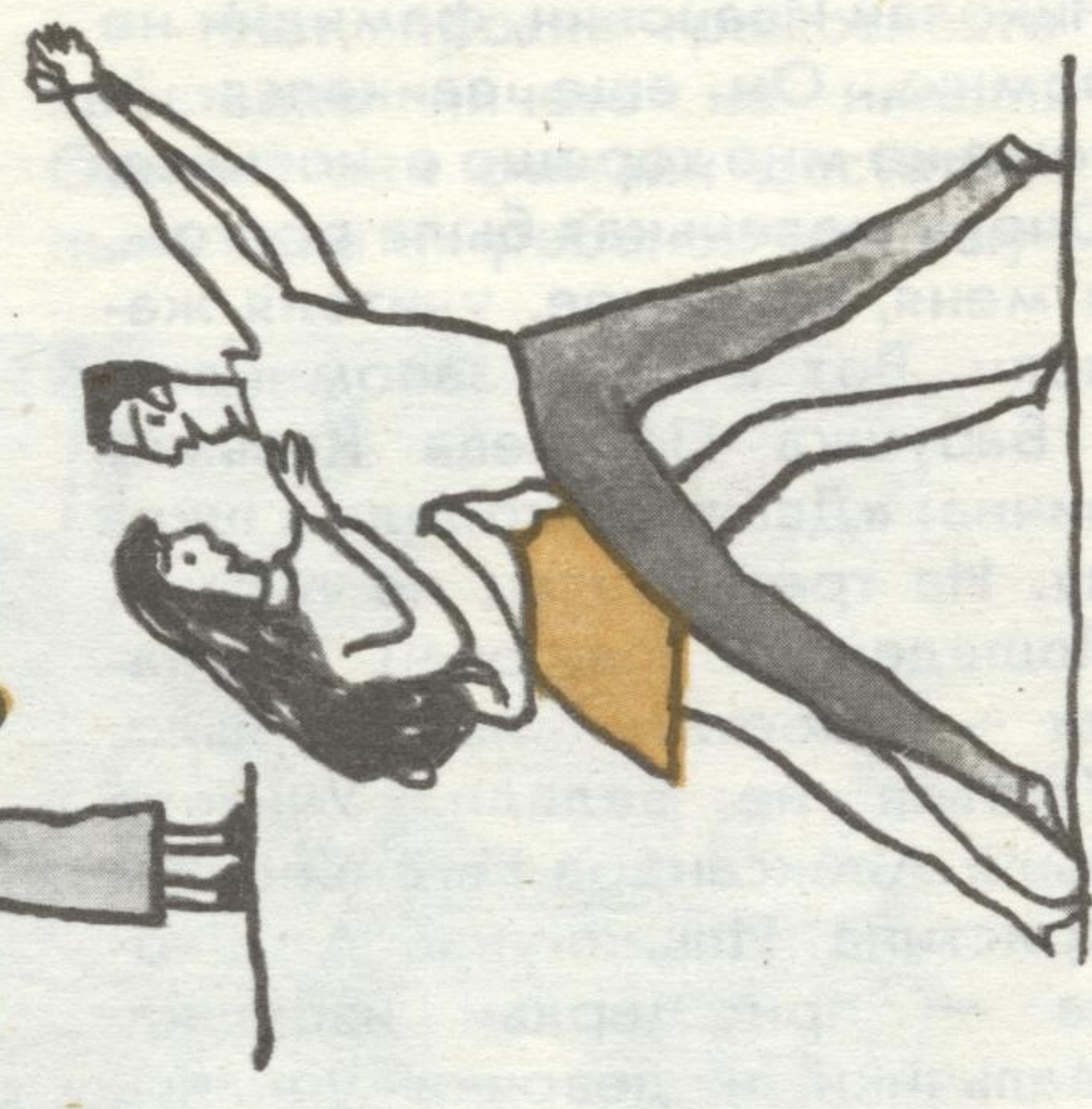
Опасное время перемена

По коридорам нашей школы нельзя пройти, не получив тычка или затрешины. Каждую пеламину в туалет набиваются старшеклассники — курить. А если ты сопротивляешься, обязательно подпалят спичками твой костюм.

И. Н.,
г. Тольятти,
школа № 56



Льу и ну...



С классным руководителем нам не повезло. У нас, например, такие порядки в классе: девочкам с хвостиком нельзя ходить, не говоря уже о распущенных волосах. Мальчикам запрещается надевать вместо рубашек свитера, даже на вечер.

Кстати, о школьных вечерах. Когда звучит медленная музыка, мальчики хотят пригласить девочек на танец, наша классная попросту выключает музыку, и мы расходимся по домам.

По-моему это глупость, а не строгость...

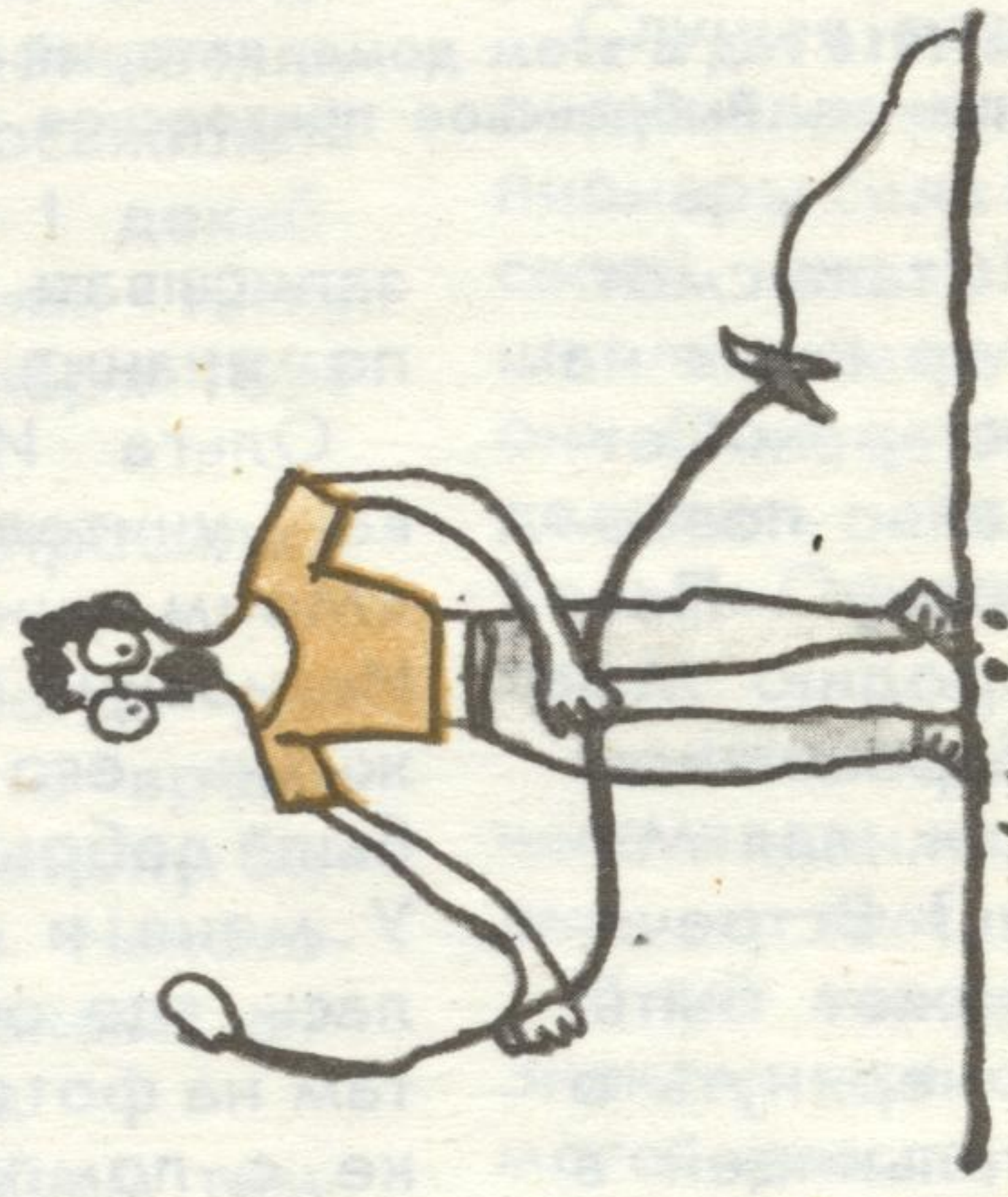
Лена Горшкова,
Алтайский край

Везет же ногам!

В нашей школе проходила практику молодая учительница истории Светлана Викторовна. С ней мы работали по карточкам, решали исторические кроссворды, играли.

И все поняли, что учиться можно с удовольствием. Завидует ребятам, которых она будет учить постоянно.

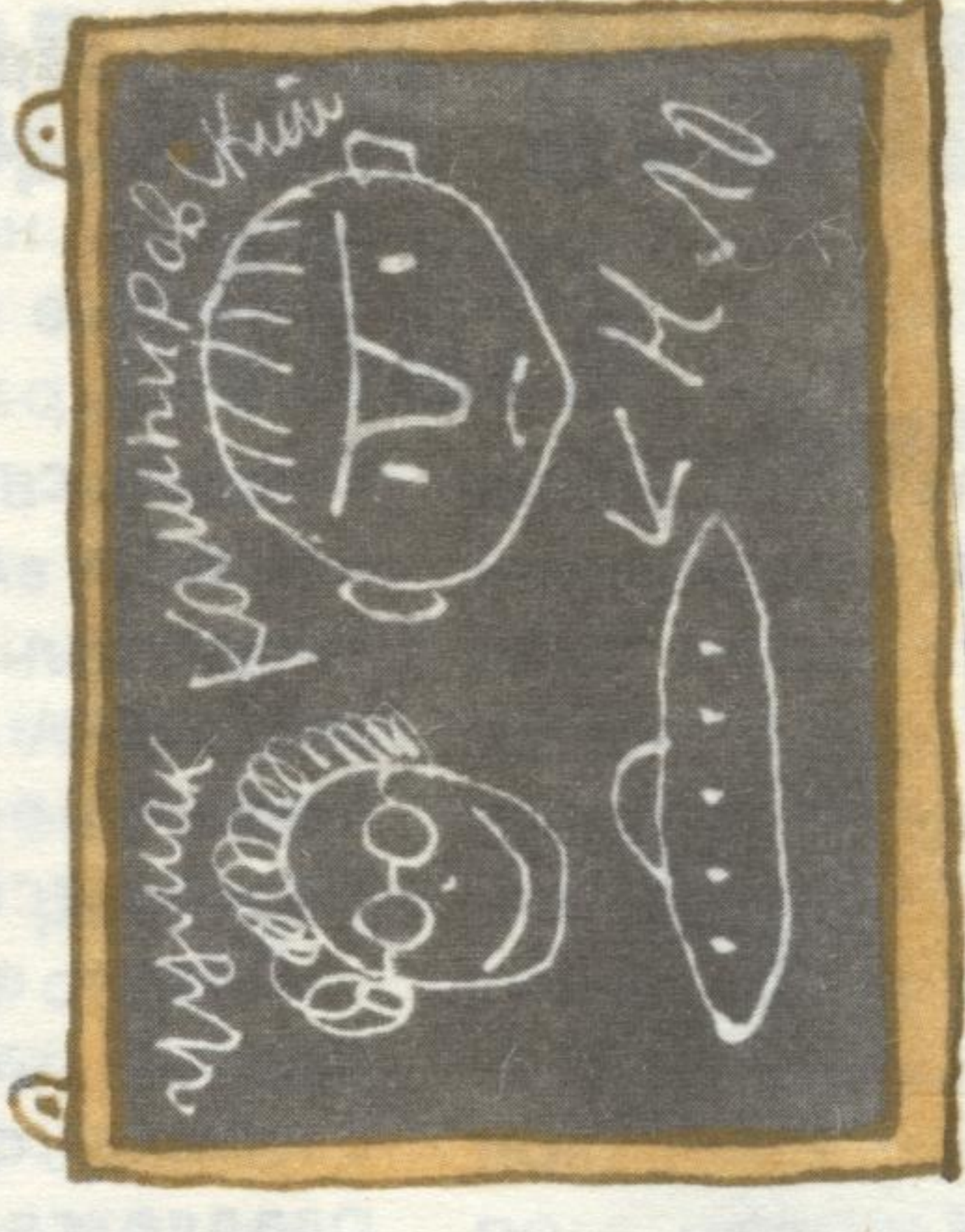
Мила Феделеш,
Алена Яценко,
г. Мары, ТАСССР



Мое предположение

Надоело ходить на пение. Там мы все время слушаем то Баха, то Моцарта, то еще что-нибудь такое. А почему бы не изучать современные группы, вроде ДДТ?

Сергей Лебедев,
пос. Усть-Омуге
Магаданской обл.



НЛО вместо ОЭП

Зачем в школе предмет «Основы производства»? Мы приходим на него и... иногда гадаем, иногда вместе с учительницей болтаем про Чумака, Кашпировского или НЛО.

Я, конечно, не подпишу свое письмо — не хочу, чтобы она пострадала.

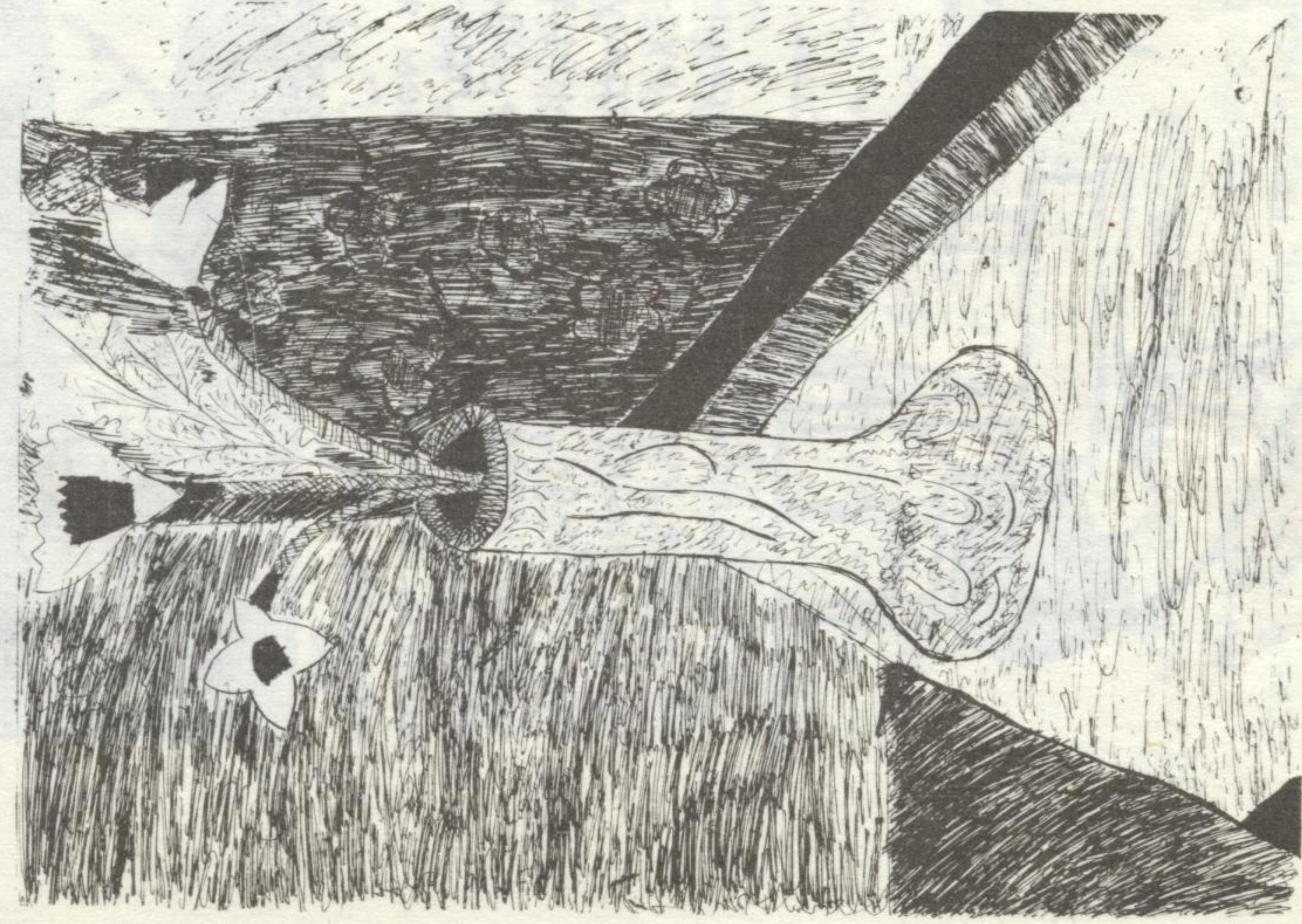
С. Л.,
Красноярский край

Кричать униженно

Некоторые учителя часто говорят на уроках: «Дети, тихо!» От Раисы Федоровны Балаянкой такого не услышишь. Она понимает: мы уже не маленькие. И старается разговаривать с нами, как со взрослыми. Некоторые учителя на нас кричат, а Раиса Федоровна считает: «Кричать униженно — это самое последнее дело».

И мы у нее учимся не только грамотно делать чертежи, но и уважать друг друга.

Светлана Н.,
пос. Мирный
Челябинской обл.



ЦВЕТЫ
Наташа Вольф

Машины метод

Раньше моя мама была преподавателем географии. Она очень хотела, чтобы ребята по настоящему полюбили ее предмет. И сумела многих увлечь географией. Однажды был та-



кой случай. Вызывает она ученика, который всегда на уроках крутился и разговаривал. Он отвечает на «три», но мама ста-



вит ему «пять». В следующий раз — опять пятерка, хотя отвечал он на «четыре». Кому-то, может, это и показалось несправедливым, но зато с тех пор этот ученик стал внимательно слушать, поверил в свои силы и полюбил географию. Вот так!

Саша Полищук,
г. Ровно

Вопросы на засыпку

Вот такой получается калейдоскоп... И все-таки в письмах о школе больше всего вопросов. Кому они адресованы? Да всем: редакции «Костра», учителям, сверстникам, высокому начальству. Трудные, а порой и каверзные вопросы. Поэтому и рубрика, которая их объединяла, называется «Вопросы на засыпку».

Ребята! Если кто-то из вас может ответить на какой-то вопрос или что-то посоветовать, пишите нам!

Для школьного конкурса стихов я выбрала стихи о рыжей дворняге Э. Асадова, но мне сказали, что больше подойдет Барто. Когда дело дошло до прозы, запретили читать Зощенко.

Почему так делают?

Р. К.,
г. Горький,
школа № 13



С тремя сережками в одном ухе ходить нельзя, с распущенными волосами — тоже, а что можно, что? Неужели ходить на цыпочках?

Наташа,
г. Красноярск,
школа № 42



Когда учителя с нами грубо разговаривают или пытаются что-то втолковать, словно мы годовалые дети, я всегда задумываюсь: интересно, а своих собственных детей они воспитывают так же?

А. Голубицкая,
г. Иркутск,
школа № 49

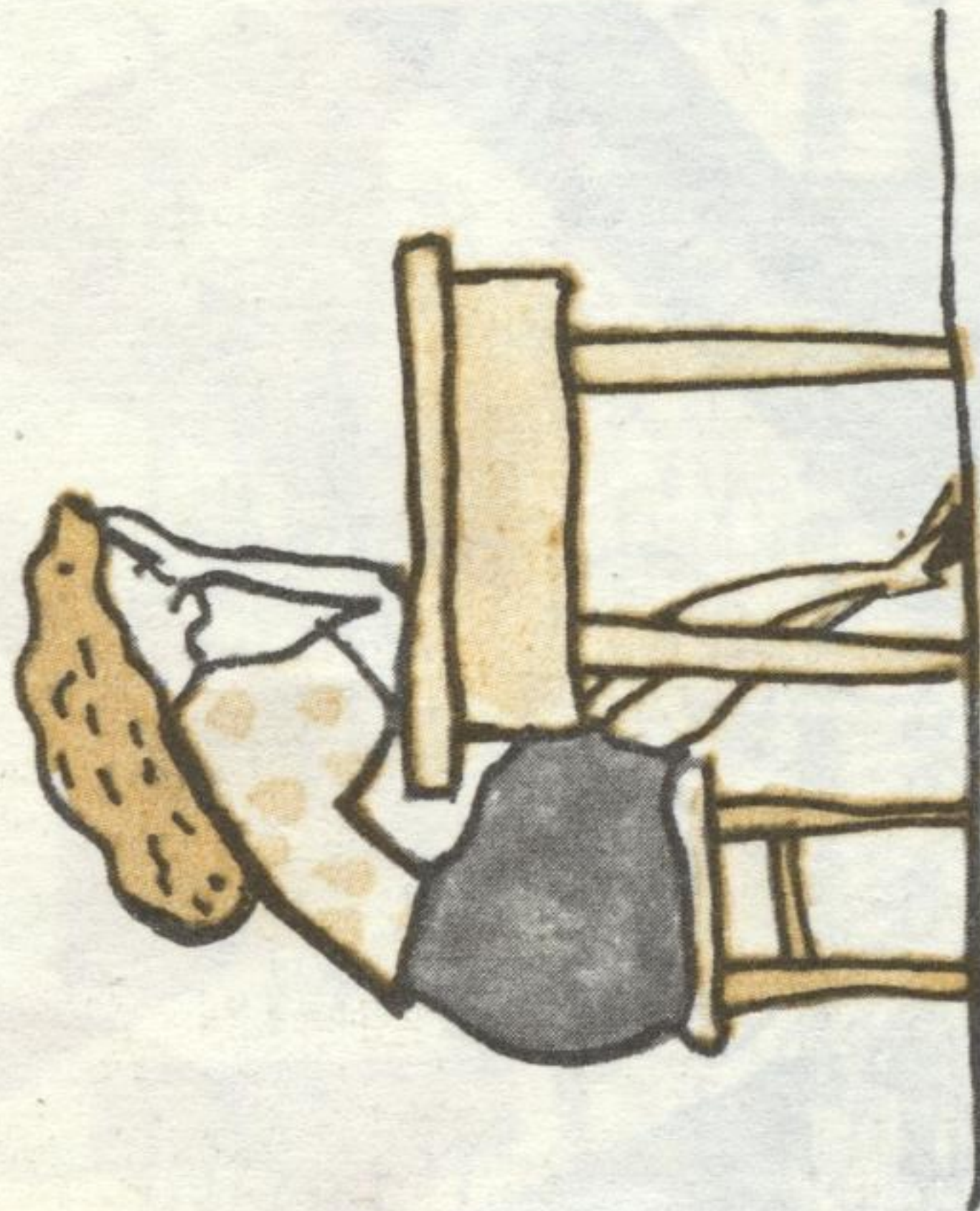


«Белобрый осел!» — так «обласкала» меня одна учительница, схватив за волосы. «Тупорылые, безмозглые ослы, носитесь по коридору, как ошалелые жеребцы!» — это уже про всю нашу компанию, которая, кстати, не так уж и носилась.

Как отвечать на подобные оскорбления? Неужели молчать?

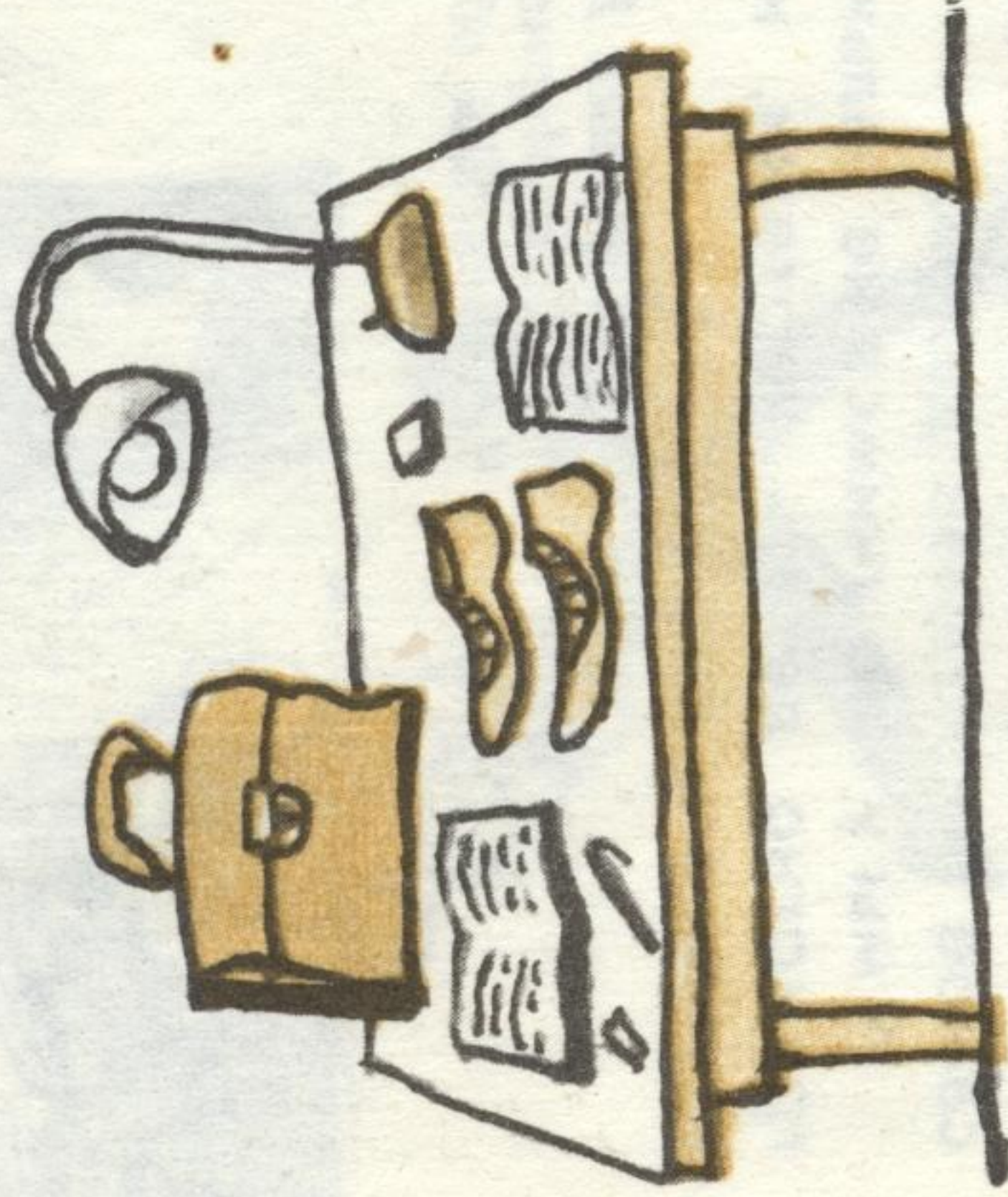
Женя П.,
г. Красноярск,
школа № 100

Вопросы на засыпку



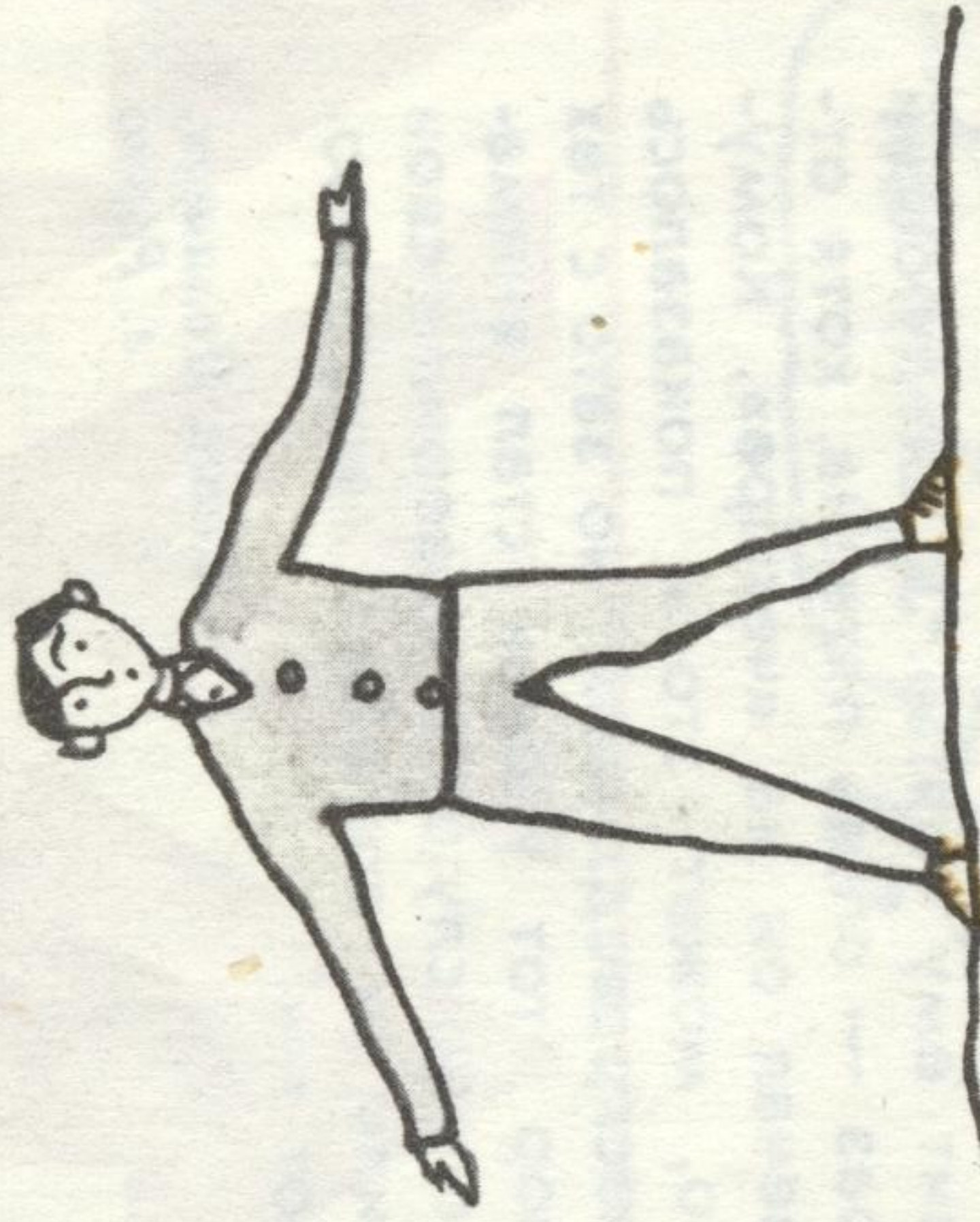
В прошлом году к нам пришла новая учительница по русскому языку, и многие сразу невзлюбили ее. Учительница даже плакала. Мне жаль ее, ведь она старается уроки проводить интересно. Как и чем я могу ей помочь?

Лена Борзда,
г. Омск, 7-й класс



Прежде чем пустить учеников в школу, дежурные смотрят, есть ли в дневнике расписание уроков, есть ли сменная обувь, чистая ли она, сделана ли домашняя работа. Кто придумал эти унизительные смотрины?

Сергея Князев и компания,
г. Павлово
Горьковской обл.



Однажды я отвечал урок без дневника — дома забыл. И учительница поставила двойку. Но ведь материал я знал хорошо! Разве это справедливо?

Женя Явтушенко,
пос. Красный партизан
Донецкой обл.

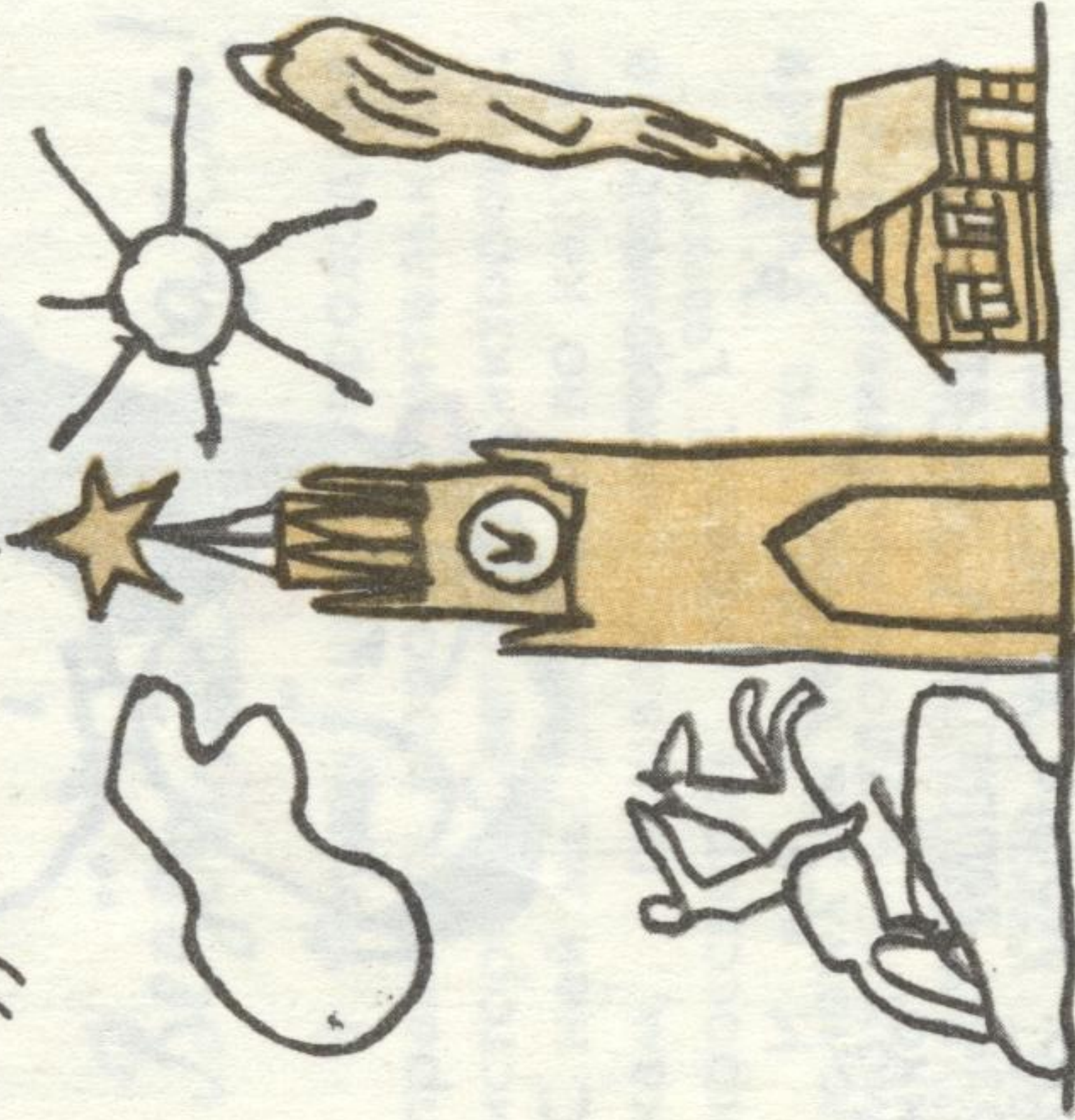


Если не придешь один день в школу, когда болит голова, и не принесешь справку, значить: «Не хочешь учиться, прогуливаешь!» Но ведь я учусь неплохо и веду себя хорошо. Почему же такое недоверие? Почему?

Наташа Струк,
12 лет,
г. Москва

Я прочитал олимпиаду в "Барабане"...

...Про девочку, которая хочет жить в Москве "Костёр" №2



Честно говоря, я не понимаю Лену Иванову из Таджикистанской ССР. Как может человек не любить город или деревню, где родился?

Прошлым летом я побывала в Ленинграде. Такой красоты я не видела никогда! И мне снова хочется вернуться в этот город. Но за 8 дней я очень соскучилась по нашему хutorу. И хоть покорила меня красота Ленинграда, радовалась, когда вернулась домой. А ведь здесь нет ни музеев, ни дворцов, ни театров. Но, несмотря на это, я не променяю свою землю, свою степь на чужие города. Даже на Москву, в которую так стремится Лена, и на Ленинград.

Аня Выпряхкина,
хutor Андроповский
Ростовской обл.

...Про то как трудно быть старшей сестрой "Костёр" №1



Я хочу дать совет девочке, которая назвала себя Леной и которая из-за плохих отношений с младшей сестрой хочет даже умереть. Не нужно тебе умирать! Не нужно болеть и уезжать от нее. А нужно на какой-нибудь праздник выполнить хоть одно ее желание. Можно, например, подарить ей куклу или что-нибудь, о чем твоя сестра мечтает.

Старайся ей помогать, а все ее дразнилки принимай со смехом, а еще лучше — вообще не замечай.

Например, меня в классе называли «мымрой», но я не обращала внимания на это, и от меня отвязались. Теперь я редко слышу это прозвище.

И еще я советую тебе прочитать книгу Железникова «Чучело». Не отчаивайся!

Анжела Неганова,
12 лет,
г. Киров

Рассказы о ВЕБЛИИ ВЕТХИИ ЗАВЕТ Авраам

После неудачного строительства Вавилонской башни люди расселились по всей земле и постепенно стали забывать истинного Бога. Они видели вокруг себя много удивительного и непонятного и стали почитать солнце, луну, звезды, огонь, различных животных, делать их изображения и строить им храмы. Такую религию называют язычеством, или идолопоклонничеством.

Вскоре почти все люди на земле стали язычниками. Только в одном семействе из потомства Симы, жившем в Халдейской стране, недалеко от Вавилона, оставался верный Богу человек по имени Авраам.

Бог повелел Аврааму: «Выйди из земли твоей и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе. Я произведу из тебя великий народ и благословлю тебя и возвеличу имя твое. И благословятся в тебе все племена земные». Бог обещал Аврааму, что в его потомстве со временем родится обещанный людям Спаситель мира.

Авраам повиновался Господу и вместе со своим семейством переселился в Ханаанскую землю, которая теперь называется Палестиной. Он остановился близ Хеврона, у дубравы Мамры.

Однажды, когда Авраам сидел под тенью дуба у входа в свой шатер, он увидел трех странников. Авраам пригласил их отдохнуть и подкрепиться пищей. Один из странников сказал: «Через год Я опять буду у тебя, и у Сарры, жены твоей, будет сын».

Сарра слышала эти слова и не поверила им. Ведь Аврааму в то время было 99, а ей 89 лет, и у них не было детей. Но Авраам понял, что перед ним не простые странники, а сам Бог говорил с ним.

Посещение Богом Авраама у дубравы Мамре изображено на многих иконах и картинах. Наиболее известная из них — икона Андрея Рублева «Троица», которая сейчас находится в Москве, в Третьяковской галерее.

Гибель Содома и Гоморры

Уходя от Авраама, Бог открыл ему, что он истребит соседние города Содом и Гоморру за то, что населяющие эти города люди не только забыли о Боге, но стали самыми нечестивыми и развратными на земле.

Авраам стал умолять Бога не делать этого, если в этих городах найдется хотя бы несколько праведных людей. Но только племянник Авраама Лот и его семейство, жившие в Содоме, оказались верными Богу. Когда они покинули город, Бог пролил на Содом и Гоморру дождь из серы и огня. В долине, где были оба эти города, образовалось соленое озеро, которое теперь называется Мертвым морем, потому что в нем не может жить ничто живое.

Исаак

Через год после явления Аврааму Бога у дубравы Мамре у Сарры родился сын, которого родители назвали Исаак.

Бог решил испытать Авраама и повелел ему принести Исаака в жертву. Когда

Продолжение. Начало см. в № 9.



Авраам был готов исполнить это, Господь изменил свое повеление, а за верность и преданность еще раз обещал Аврааму, что из его потомства произойдет Спаситель мира.

Когда Исааку исполнилось 40 лет, он женился на Ревекке. У них родились два сына: Исав и Иаков. Первый стал искусным охотником, а второй жил в шатрах с отцом и матерью.

Иаков был младшим, но, благодаря своей хитрости и помощи матери, добился права первородства и получил благословение отца. У него родились 12 сыновей, из которых произошли 12 колен (родов) израильского народа.

Иосиф

Из всех своих сыновей Иаков больше всех любил Иосифа. Братья стали завидовать ему и однажды продали его в рабство купцам, а отцу сказали, что Иосифа растерзал дикий зверь.

Купцы отвезли Иосифа в Египет и продали одному царедворцу по имени Потифар. Вскоре Иосиф стал известен тем, что разгадывал сны и отличался большой мудростью. Это стало известно фараону, который назначил Иосифа заготавливать в Египте хлеб.

В течение семи лет Иосиф заготовил столько хлеба, что его стали продавать в другие страны, в которых в то время был голод. Приехали в Египет за хлебом и братья Иосифа. Они не узнали его, а он по прошествии некоторого времени открылся им и повелел со всем семейством переселиться в Египет, потому что приближался голод.

В Египте им сначала жилось очень хорошо. Но, когда Иосиф умер, новые фараоны стали забывать его заслуги и притеснять его потомство. Постепенно дошло до того, что потомков Иосифа стали изнурять тяжелыми работами, а в конце концов вышло распоряжение фараона — убивать всех рождающихся в их семьях мальчиков.



Моисей

Когда Моисей родился, родители три месяца скрывали его от египтян. Но когда это стало невозможно, его мать взяла тростниковую корзину, осмолила ее, положила в нее младенца и оставила у берега реки.

Дочь фараона со служанками пришла купаться на это место и заметила корзинку с младенцем. Ей стало жалко ребенка, и она взяла его к себе. Моисей был воспитан при царском дворце, но любил свой народ и защищал его от египтян.

Бог явился Моисею и повелел ему вывести свой народ из Египта. Когда Моисей со своим братом Аароном пришли к фараону и потребовали от него отпустить своих соплеменников, они получили отказ. Но Господь помог им, наказывая египтян различными бедствиями. В результате Моисей все же вывел свой народ из Египта. Чудесным образом они посуху перешли Красное море и после многодневных странствий и трудностей остановились у горы Синай.

День избавления от египетского рабства стал главным ветхозаветным праздником, который называется Пасхой. Слово «Пасха» означает «прохождение мимо» или «избавление от беды».

Заповеди Божьи

По повелению Божию Моисей поднялся на вершину горы Синай. Здесь Господь возвестил ему: «Скажи сынам израилевым: если будут слушаться голоса Моего, то будете народом Моим».

Моисей наложил на весь народ трехдневный пост и в назначенный Богом день, который был пятидесятым со дня исхода из Египта, вновь поднялся на вершину горы.

Гора колебалась, сверкали молнии, густое облако покрыло вершину, раздавался сильный трубный звук. Здесь Бог дал Моисею свой закон в десяти заповедях, а также различные церковные и гражданские законы.

Заповеди Божии повелевают любить Бога и ближнего, не поклоняться ложным богам и кумирам, не произносить имени Бога праздно, в пустых разговорах, посвящать один день в неделю Богу (молиться, читать полезные книги, помогать неимущим); любить и уважать родителей, не убивать, не нарушать супружескую верность, не красть, не произносить ложных свидетельств, не завидовать чужому благосостоянию.

По повелению Бога Моисей построил скинию, то есть переносный палаточный храм. Для служения в нем были назначены особые люди: первосвященник, священники и левиты.



СОРОКАЛЕТНЕЕ СТРАНСТВОВАНИЕ ПО ПУСТЫНЕ

От горы Синай весь народ двинулся к обетованной земле. В пути люди не раз поднимали ропот на свое путешествие и на Моисея. Однажды евреи решили убить Моисея, Аарона и их верных помощников, поставить нового вождя и возвратиться в Египет. За это Бог возвестил: «Вы понесете наказание за грехи ваши сорок лет, год за день, чтобы вы узнали, что значит быть оставленным Мною».

Израильтяне были разбиты отрядами амаликитян и хананеев; отступили в пустыни Аравии и в течение сорока лет странствовали по этим местам, пока Бог не привел их в обетованную землю.

Когда Моисей умер, во главе народа стал Иисус Навин. Он взял приступом город Иерихон, а затем за шесть лет завоевал всю обетованную землю, разделив ее между двенадцатью коленами израилевыми.

Судьи

После смерти Иисуса Навина евреи, окруженные языческими народами, стали часто забывать Бога. За это Господь не раз лишал их своей помощи. Различные несчастья вразумляли народ, люди вновь вспоминали о Боге и исполняли его заповеди. Тогда Бог избирал им особых освободителей. Эти избранники Божии назывались судьями. Всего их было 14 человек. Наиболее известные из них: Геден, Самсон и Самуил.

Первый прославился своими воинскими доблестями. Второй стал известен своей необычной, сверхъестественной силой. А Самуил прославился своей преданностью Богу и пророчествами (предсказаниями будущего).

Самуил был последним по счету судьей. После него израильским народом стали управлять цари.

Саул

Первым царем в израильском народе был Саул. Он был избран народом и помазан на царство судьей Самуилом. Саул происходил из колена Вениаминова, обладал красивой внешностью и был высокого роста.

Первое время своего царствования Саул исполнял заповеди Божии, заботился о народе, но затем стал забывать о Боге и о своих обязанностях. За это Бог оставил Саула, а Самуил по повелению Божиию поставил на царство юного Давида, сына Иессея.

Продолжение следует.

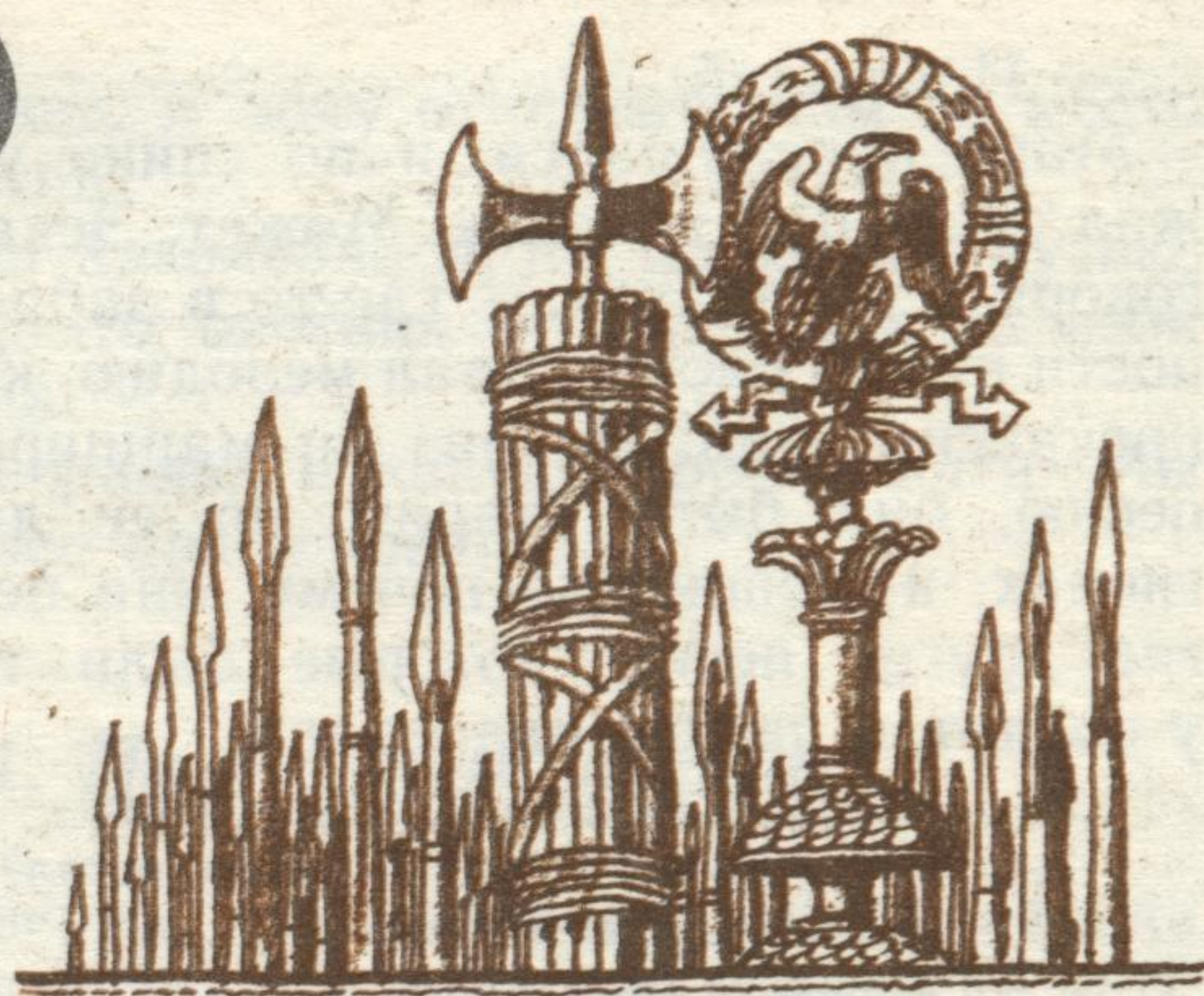
Отец СЕРГИЙ

ОРЕЛ ДЕВЯТОГО ЛЕГИОНА

ПОВЕСТЬ

Розмэри САТКЛИФ

Рисунки Бориса Аникина



12. Свист на рассвете

Все лето Марк с Эской бодили по запустелой Валенции, пересекая ее зигзагами от побережья до побережья и неуклонно двигаясь на север. Местные жители не проявляли особого дружелюбия к путникам — не в их обычаях было дружелюбно относиться к чужакам, но и неприязни тоже. В каждой деревне всегда кто-нибудь давал им пищу и кров на склоне дня. И всегда, если путь был труднопроходимый или опасный, кто-то из охотников провожал их от одной деревни до другой.

Однажды они остановились на ночь в старой крепости в Трехгорье.

Тридцать лет назад, когда Валенция была римской провинцией не только по названию, здесь кипела жизнь. Когорту удвоенного состава обучали на широком форуме; в рядах казарм жили legionеры; в конюшнях стояло множество лошадей; на пологом южном склоне ниже крепостного вала происходили кавалерийские маневры и на шлемах у всадников развевались желтые плюмажи; имелись там и всегдашние бани, винные лавки и земляные лачуги, где жили женщины. А наверху, над всем этим, расхаживали вздвперед часовые в гребенчатых шлемах. Но теперь дикая природа взяла свое: трава росла между булыжниками мостовой, тесовые крыши провалились внутрь и стены из красного песчаника голо торчали вверх, открывая нутро непогодам. Колодцы забило накопившимися за тридцать осеней листьями и ветками, а в одном из углов без кровли, где когда-то стояло под навесом знамя когорты и алтарь богов, выросла бузина, пробив себе для удобства брешь в стене. Среди всего этого запустения Марк и Эска встретили только одно живое существо — ящерицу, гревшуюся на каменной плите. Ящерица молниеносно исчезла при их приближении. На поверхности каменной плиты Марк разглядел грубо выбитого атакующего кабана — эмблему Двадцатого легиона. И сразу же зрелище этого запустения особенно больно ударило его по сердцу.

— Если когда-нибудь легионы снова придут на север, им тут немало придется поработать, — сказал он.

— В сердце моем я жалею, что мы не дошли до следующей деревни, — Эска понизил голос. — Не нравится мне это место.

— Мы разожжем костер, — отозвался Марк. — Кто может прятаться в этих развалинах? Разве кабан, но никаких его следов мы не видели.

Эска рассмеялся и тут же оборвал смех.

— Я думаю о призраках пропавшего легиона.

— Тут стояла когорта Двадцатого легиона, а не Девятого.

— Откуда нам знать, где стоял Девятый легион после того, как он ушел в туман?

С минуту Марк молчал. Он принадлежал к породе людей, которых не очень волнуют призраки, но он знал, что Эска чувствует по-другому.

— Не думаю, что они причинят нам вред, если объявятся, — сказал он наконец. — Но скажи только слово, и мы отыщем укромное местечко в орешнике и переночуем там.

— Я стыдился бы себя, — просто ответил Эска.

— Тогда пора выбирать место.

Позже вечером развалины, служившие им прибежищем, стали выглядеть гораздо веселее: у входа ярко пылал небольшой костер, дым сам нашел себе выход и вылетал, огибая край полусгнившей крыши, в темнеющее небо; в дальнем углу лежала куча папоротника, прикрытая овчиной, которая днем, в свернутом виде, служила седлом. Марк с Эской поужинали тем, что им дали в деревне, где они ночевали накануне, — ячменной пресной лепешкой. После этого Эска сразу же улегся и заснул.

Но Марк еще какое-то время сидел у костра, следя за летящими кверху искрами. Порой Марк нагибался и подбрасывал в костер хвороста. Эска спал у стены на папоротнике спокойным, легким сном охотника. Марк задумался: а хватило бы у него самого храбрости спать вот так, если бы он верил в призраков? С наступлением полной темноты пошел дождь, и шелест и шуршание мягких, тяжелых струй по старой соломенной крыше еще усилили неприютность этого места, когда-то живого, а теперь мертвого. Марк поймал себя на том, что напряженно вслушивается в тишину и воображение населяет ее призраками, которые движутся вдоль крепостных стен и пересекают пустынный форум. Наконец он заставил себя встать, сгрести в кучу уголья и улечься рядом с Эской.

Марк проснулся от легкого, но ощутимого нажатия под левым ухом. Открыв глаза, он увидел, что от костра осталось всего несколько красных угольков, а в бледном рассветном сумраке рядом с ним присел на корточки Эска. Марк прошептал:

— Что такое?

— Послушай.

Марк прислушался, и по спине у него пробежал зловещий холодок. Может, Эска и был прав, говоря о призраках,— где-то в заброшенной крепости кто-то насвистывал мелодию, которую Марк прекрасно знал. Не раз он маршировал под эту песню, она была старая, но ее любили в легионах, и, непонятно почему, она пережила многие другие песни, которые были тогда в ходу у солдат, а потом надоедали.

Когда я встал под знамя орла
(Не вчера ль я под знамя встал?),
Я девушку из Клузия
У порога поцеловал.

В песенке было еще много куплетов, перечислялись все девушки, которых герою песни довелось целовать в различных уголках империи, но в тот момент, когда Марк решительно шагнул к двери, свист прекратился, и голос — хриплый, странно медлительный — пропел сразу последние куплеты:

Поцелуй галлиек — золото губ,
А испанок — меда глоток,
А фракийки нежней лесных голубей,
Да тебя же ловят в силоч,

Но все-таки ты — из Клузия,
Оставленную в Клузии,
Тот поцелуй в Клузии
Ни на миг я забыть не мог.

Дорога, дорога и все двадцать лет позади,
Но все-таки та, что из Клузия,
До сих пор у меня в груди.¹

Завернув за угол барака, они вдруг очутились лицом к лицу с певцом. Марк и сам не знал, что или кого он ожидал увидеть. Быть может — пустоту, и это было бы хуже всего. Но то, что он увидел, приковало его к месту от изумления: человек (да, человек, а не призрак) стоял перед ними и держал под уздцы лошадь в грубой попоне.

Незнакомец при виде Марка и Эски остановился и настороженно уставился на них, вздернув голову, как олень, почуявший опасность. Охотничье копье он держал наперевес, словно для атаки.

— Я вижу, охота была доброй, друг.— Марк указал на тушу молодой косули, переброшенную через спину лошади.

— Не слишком плохая, но бывает лучше,— отозвался незнакомец.— Лишнего мяса тут нет. Что вы делаете в Трехгорье?

— Мы здесь заночевали. Мы не знали, далеко ли до ближайшей деревни. Но разве Трехгорье

не принадлежит всем? Или оно собственность только ворона, или ящерицы, или же твоя?

Человек ответил не сразу, медленно и нерешительно он перевернул копье острием вниз.

— Должно быть, ты — Целитель больных глаз? Я слышал про тебя,— сказал он наконец.

— Да, это я.

— Хорошо, я присяду к вашему костру.

Мгновение спустя все трое очутились опять в прежнем укрытии.

...Незнакомец опустил на колени перед распростертой косулей и принялся свежевать ее длинным охотничьим ножом. Марк был в недоумении. Человек этот ничем не отличался от своих соплеменников, и однако же он пел «Тот поцелуй в Клузии» на хорошем латинском, и когда-то, много лет назад, если судить по заросшему шраму, его посвятили в степень Ворона Митры.

Конечно, он мог подхватить песню у легионеров, которые стояли тут раньше, он был немолод...

Охотник отвернул большой лоскут кожи на боку и бедре косули, потом отрезал несколько толстых ломтей мяса, а бесформенный кусок с шерстью швырнул собакам, ждавшим возле. Потом он закопал в горячую золу отрезанные на одного ломти, вытер жирные руки и, присев на пятки, стал пытливым взглядом всматриваться в лица путников.

— Спасибо за жар вашего костра,— сказал он уже не таким грубым тоном.— Сдается мне, я мог перевернуть копье и раньше. Только я не ожидал никого тут встретить, в Трехгорье. Столько лет прихожу сюда охотиться и ни разу не встречал здесь людей.

— А теперь встретил сразу двоих. И раз уж мы делим один костер, не мешает узнать имена друг друга. Я — Деметрий из Александрии, путешествующий глазной лекарь, как ты уже знаешь,

¹ Перевел песню Н. Голь.



а это мой товарищ и копыеносец. Эска Мак-Куновал из племени бригантов.

— Носителей синего боевого щита. Может, ты и слышал — если не про меня, то про мое племя, — весело подхватил Эска.

— Да, я слышал про твоё племя... кое-что, — ответил охотник, глядя на огонь сощуренными глазами, и в голосе его Марку послышался намек на мрачную усмешку, хотя на суровом лице не было и тени улыбки. — А я зовусь Гверн, охотник, как сами видите. Моя усадьба лежит в одном дне пути к западу.

Все трое надолго замолчали. Почти рассвело, собаки ворчали и возились со своим куском. И тут Марк, строгавший от нечего делать прутик, начал тихонько насвистывать мелодию, так удивившую его час назад. Наблюдая уголком глаза, он убедился, что Гверн вздрогнул.

— Где ты подобрал эту песню, друг Гверн?

— Где, как не здесь? — Лицо Гверна в один миг приняло тупое выражение, но Марк подозревал, что на самом деле тот лихорадочно соображает. — Когда тут была римская крепость, тут много пелось римских песен. Этой я выучился у одного центуриона.

— А научился ли ты заодно и другим латинским словам, кроме слов песни? — Марк неожиданно перешел на латынь.

Охотник хотел было ответить, запнулся и искаса взглянул на Марка из-под насупленных бровей. Затем заговорил на латыни очень медленно, как человек, который выживает из памяти слова давно забытого языка.

— Несколько слов я помню, какие употребляют солдаты. — Он снова перешел на кельтский: — А откуда знаешь песню ты?

— Мне доводилось заниматься своим ремеслом в городах, где стояли гарнизоны и водятся не только дикие кабаны, — ответил Марк. — Я неплохо запоминаю мелодии.

Гверн потыкал ножом в мясо. Он явно на что-то решался и теперь поднял на Марка глаза, видимо, решившись.

— Я живу отдельно, сам по себе, со своей семьей, — сказал он. — И у нас не найдется для тебя больных глаз. Однако подожди, пока я кончу охотиться, и пойдем со мной. Побудьте моими гостями, а потом я выведу вас на дорогу к бли-

жайшей деревне. Я хочу отплатить вам за место у вашего костра.

Марк на миг заколебался, но, повинувшись чутью, говорившему, что охотник не тот, за кого себя выдает, сказал:

— Нам все равно, в какую сторону идти. Мы принимаем твоё приглашение.

13. Пропавший легион

Усадьба Гверна, как оказалось, представляла собой кучку невзрачных земляных хижин на унылой вересковой возвышенности.

Маленький мальчик, гнавший стадо коров от водопоя к ночному загону, отнесся к их появлению с интересом, но и с некоторым испугом. Видимо, он не привык к чужим, и пока они все вместе шли к дому, он украдкой бросал на чужаков любопытные взгляды.

— Вот мой дом, — произнес охотник Гверн, когда они остановились перед самой большой из хижин. — Он ваш, пока вам это будет угодно.

Дверной проем был так низок, что Марку пришлось согнуться чуть не вдвое. Вслед за хозяином он шагнул круто вниз, в освещенный костром мрак. Дыхание у него перехватило от синего торфяного дыма, глаза заслезились. Навстречу им поднялась женщина, сидевшая до этого у очага.

— Мурна, я привел Целителя больных глаз и его копыеносца, — сказал Гверн. — Окажи им гостеприимство, а я позабочусь об их лошадях и о плодах моей охоты.

— Гостям будут рады в нашем доме, — сказала женщина, — хотя, хвала Рогатому, больных глаз у нас нету.

— Удачи этому дому и женщинам этого дома, — учтиво отозвался Марк.

Эска последовал за хозяином, он привык сам ухаживать за лошадьми и не доверял их никому. Марк уселся на оленью шкуру, которую постелила ему женщина на груди вереска. Когда глаза его по привычке к дыму, он пригляделся и увидел, что женщина молода, много моложе Гверна, — высокая, худощавая, со спокойным лицом. Туника на ней была из грубой красноватой шерсти, какие на юге носили лишь бедняки, но она явно не была бедной, вернее, муж ее не был



бедняком — на руках у нее были браслеты — серебряные, медные и синего египетского стекла.

...А на следующее утро подозрения Марка подтвердились окончательно.

В то утро Гверн решил побриться. Как и многие его соплеменники, он ходил бритым.

Гверн начал брить подбородок снизу, для чего как можно больше запрокинул голову назад, и в этот момент Марк разглядел под нижней челюстью у охотника более бледный кусок кожи, которая здесь была толще и грубее, — след от старой ссадины. Он был еле виден, и все же ошибиться Марк не мог — слишком часто он видел этот знак — мозоль, натертую ремнем римского шлема за долгие годы ношения. Последние сомнения Марка рассеялись.

Что-то помешало ему расспрашивать Гверна о прежней жизни прямо здесь. Поэтому позднее, когда они готовились снова выйти на свою охотничью тропу, он напомнил охотнику о его обещании показать им дорогу к ближайшей деревне. Он намерен двинуться на запад, сказал Марк, и Гверн с готовностью ответил, что к западу не будет ни одной деревни целых два дня, поэтому он поедет с ними первый день и проведет с ними одну ночь.

Они вышли в путь. Вечером того же дня, проделав много миль к западу, когда тени уже удлинились, они поели, устроившись под защитой выступа в скале, и потом долго еще сидели вокруг костра.

— Скоро, очень скоро мы расстанемся, и наши дороги разойдутся, — сказал Марк. — Но прежде чем мы с тобой пойдем каждый своим путем, я очень хотел бы задать тебе один вопрос.

— Спрашивай, — отозвался охотник, лаская уши собаки.

— Как ты стал охотником Гверном, ты, служивший прежде в легионах? — медленно проговорил Марк.

Глаза Гверна сверкнули, но тут же лицо его застыло, и он долго сидел молча, глядя на Марка исподлобья с тупым видом, как принято у татуированного народа.

— Кто тебе сказал? — спросил он наконец.

— Никто. Мне подсказала твоя песня и шрам между бровями. А пуще всего ссадина под подбородком.

— Ну и что? — проворчал Гверн. — Если и так, почему я должен тебе про это говорить? Я — один из племени, а если так было не всегда, никто из моих братьев по мечу не стал бы говорить про это незнакомцу. Почему должен говорить я?

— Не должен, — отозвался Марк, — но ведь я спросил тебя со всей учтивостью.

Опять последовало молчание, затем охотник угрюмо сказал:

— Я был шестым центурионом Старшей когорты испанцев. А теперь иди, расскажи об этом ближайшему коменданту на Валу. Я тебя удерживать не буду.

Марк не спешил с ответом.

— Никакому патрулю до тебя не добраться, ты знаешь сам, — проговорил он наконец. — Но

и в противном случае все равно есть причина, почему я не стану болтать.

— Какая?

— На лбу у меня такая же метка, что у тебя, — и он быстрым движением сдвинул пунцовую ленту, прижимавшую серебряный талисман. — Гляди.

Тот пригнулся вперед.

— Вот как, — произнес он с расстановкой. — Ни разу еще я не встречал человека твоего ремесла, который молился бы по вечерам Митре.

Он не успел еще договорить эти слова, как глаза его сузились, взгляд сделался пристальным, разящим, как кинжал.

— Кто ты такой? Кто ты? — настойчиво повторил он и вдруг, схватив Марка за плечи, повернул его лицом к закатным лучам солнца.

Громадная овчарка припала к земле, не спуская с них глаз; Эска тихо поднялся, сжимая древко копья, — оба, человек и собака, готовы были убить по первому знаку.

— Я видел тебя раньше, — резко сказал Гверн. — Мне знакомо твое лицо. Во имя Света, кто ты такой?

— Должно быть, ты помнишь лицо моего отца. Он был командиром твоей когорты.

Руки Гверна медленно разжались и повисли вдоль тела.

— Я должен был догадаться сам, — пробормотал он. — Меня спутал талисман... и борода. Но все равно я должен был догадаться сам. — Он слегка раскачивался, как от боли, не сводя глаз с Марка. — Что же делаешь ты, сын твоего отца, здесь, в Валенции? Ты не грек из Александрии и, значит, ты никакой не Целитель глаз.

— Да, не целитель. Но мои мази — хорошие мази, и научил меня пользоваться ими знающий врач. Когда я сказал тебе, что пошел в ремесле по стопам своего отца, я говорил правду. Я был военным.

И Марк рассказал все.

— И когда ты показался мне непохожим на других охотников татуированного народа, — закончил он, — я подумал, а вдруг я услышу от тебя ответы на мои вопросы.

— Что же ты хочешь знать? — хмуро спросил Гверн, помолчав.

— Что случилось с легионом моего отца? И где сейчас орел?

— Я могу ответить на первый вопрос, во всяком случае — отчасти, — сказал он. — Но история эта длинная.

Он нагнулся вперед и бросил в угасающий огонь несколько веток терновника. Движения его были неторопливы, даже замедленны, как будто он оттягивал рассказ.

Сердце у Марка вдруг забилося, он почувствовал дурноту.

— Ты не знал легиона твоего отца, — начал наконец Гверн, — ты был тогда мал, и все равно ничего бы не заметил, если бы и оказался там. Слишком мал. — Гверн перешел на латынь и, казалось, одновременно сбросил с себя все, что в нем было от варвара. — В испанском легионе были посеяны семена гибели задолго до того, как он отправился в последний поход на север.

Шестьдесят лет назад, когда солдаты, выполняя приказ прокуратора, изгнали иценскую царицу. Ее звали Боудикка, может, ты слышал про нее? Как передают, она тогда прокляла их и весь легион за то, как они с ней поступили. И это было не очень справедливо, ведь они действовали по приказу прокуратора, проклясть надо было его. Но когда женщина считает, что ей причинили зло, она не будет разбираться, куда направить удар, главное — ударить побольше. Я-то сам не очень верю в проклятья, во всяком случае, не верил раньше. А поди ж ты — легион искрошили, когда поднялось восстание. Потом восстание подавили; царица приняла яд, и, может быть, ее смерть придавала силу ее проклятью. Легион сформировали заново, он опять окреп, но прежним уже не стал. Может, если бы перевести его в другую местность, это бы его спасло. А так, когда легион год за годом, поколение за поколением стоит среди племен, которые считают его проклятым, ничего хорошего не выйдет. Мелкие неприятности раздуваются в крупные, вспышки болезней приписываются действию проклятья, а не болотным испарениям. А испанцы — народ легковерный. Когда я попал в легион центурионом, за два года до его гибели, — а вышел я из рядов Тридцатого, отличного, легиона, — корка у испанцев была еще цельная, но сердцевина насквозь прогнила.

Гверн сплюнул в костер.

— Сперва я пытался бороться с гнилью в моей центурии, а потом... потом борьба стала доставлять слишком много хлопот. Последний легат был человек жестокий, твердолобый, безо всякого понимания — хуже нельзя было и поставить во главе такого легиона. Вскоре после его прибытия император Траян убрал из Британии слишком много войск сразу для вечных своих кампаний в других местах, а нас оставили удерживать границу. И сразу же мы почувствовали, как племена зашевелились вокруг нас, как перезрелый сыр. И тут Траян умер, и племена восстали. Весь север охватило восстанием. Едва мы подавили бригантов и иценов, как нас послали в Валентию усмирять каледонцев.

Две наши когорты стояли в Германии, мы уже понесли большие потери, одну когорту оставили в Эбураке, и бригантам ничего не стоило бы расправиться с нами. Так что нас, идущих на север, осталось меньше четырех тысяч. А тут еще легат, как обычно, стал вопрошать богов, и священные куры не пожелали клевать бобы. Мы решили, что обречены, а когда выступают в поход в таком настроении, ничего хорошего не жди.

Уже наступила осень, почти с первых дней этот гористый край окутывал туман, и, пользуясь туманом, племена изводили нас наскоками. До настоящих схваток, правда, дело не доходило. Они, как волки, висели у нас на флангах, пускали стрелы из-за каждой кочки с мокрым вереском, а после исчезали в тумане раньше, чем мы успевали вступить с ними в бой. Отряды, высланные им вдогонку, никогда не возвращались.

Спасти нас мог только такой легат, который сам умел бы воевать. Но наш легат бои видал

только показательные, на Марсовом поле, и был до того заносчив, что не желал слушать боевых командиров. Мы потеряли еще одну тысячу солдат — умершими или дезертировавшими. Старые укрепления разваливались, запасы воды давно истощились, а северные племена успели накопить силу. Варвары сидели под стенами крепости и выли, как волки на луну. Одну атаку мы выдержали. Потом скатили мертвецов в речку, и когда варвары отошли зализывать раны, выбрали оратора, пошли к легату и сказали: «Теперь мы постараемся договориться с татуированным народом, чтобы они нам дали уйти. Валентию оставляем в их руках, нам на нее наплевать». Больше половины легиона взбунтовалось, и многие из моей центурии тоже. — Гверн отвел взгляд от огня и повернулся лицом к Марку. — Меня среди них не было. Клянусь Владыкой легионов! Я тогда еще не покрыл себя позором, еще держал в узде тех, кто оставался мне верным. Легат посоветовал мятежникам сложить оружие, которое они подняли против своего орла, и поклялся, что никого не подвергнут немедленной расправе, даже зачинщиков; поклялся, что, если мы впредь будем выполнять свой долг, он по возвращении честно перечислит в рапорте и плохое и хорошее. Как будто могла идти речь о возвращении! Но даже если б нам и был открыт путь назад, время обещаний прошло. С того момента, как когорты взбунтовались, отступления уже не было, все отлично знали, каков будет приговор сената...

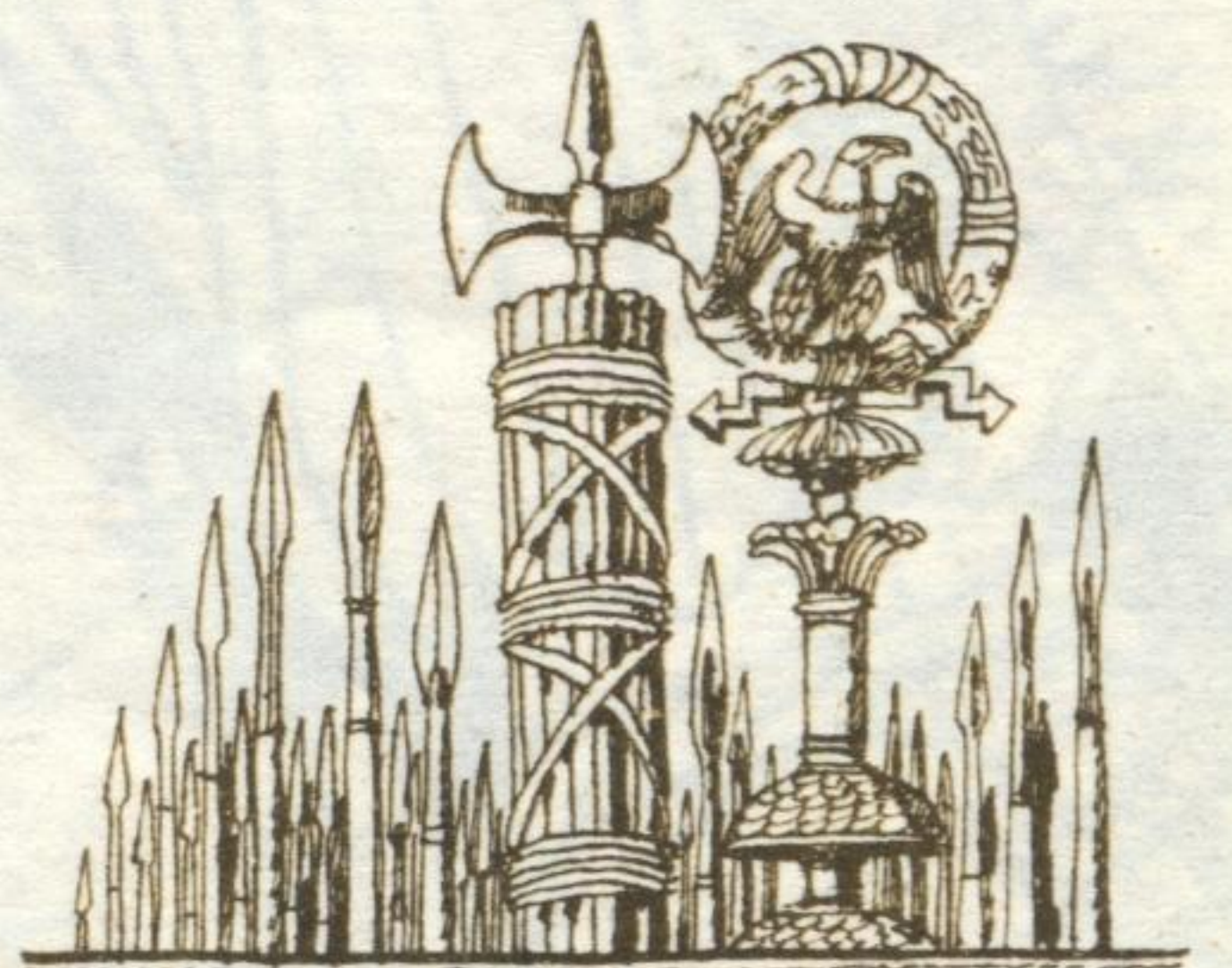
— Казнь, — тихо проговорил Марк, когда Гверн запнулся.

— Да, казнь. Страшно тянуть жребий из шлема и знать, что одна соломинка из десяти означает смерть, и того, кто ее вытянет, забьют камнями.

Так что окончилось схваткой. Вот тогда и убили легата. Он был храбрый человек, хотя и грубый. Он вышел вперед без оружия (за спиной у него стояли знаменосец и безбородые трибуны) и обратился к толпе, призывая солдат вспомнить свою присягу. Тогда один из солдат ударил его копьем, и тут уж стало не до разговоров...

Через укрепления тучами повалили бритты довершать кровавое дело. К рассвету в крепости едва набралось бы в живых на две полные когорты. Остальные погибли. Не все, нет! Многие ушли через крепостной вал вместе с бриттами. Вполне вероятно, что они сейчас живут по всей Каледонии, как я, с местной женой и сыновьями.

Едва рассвело, твой отец созвал тех немногих, кто остался; мы все стояли на площади с мечом в руке. Наспех посоветовавшись, мы решили вырваться из старой крепости, ставшей смертельной ловушкой, и постараться донести орла до Эбурака. Договориться с варварами и думать было нечего. Они нас теперь не боялись. К тому же у всех у нас жила надежда: если мы пробьемся с боем, сенат не сочтет нас опозоренными. Варвары той ночью пировали — так низко мы пали в их глазах. И пока они



пьянствовали, мы выбрались наружу, спустившись по южному склону, и прошли мимо них незамеченными, благодаря темноте и туману. Впервые туман сослужил нам хорошую службу. И мы тронулись в сторону Тримонтия.

Варвары взяли наш след на рассвете и пустились за нами в погоню — просто так, потехи ради. За тобой когда-нибудь охотились? Мы шли целый день из последних сил, тяжелораненые падали и умирали. Мы слышали, как они стонали в тумане. Скоро я тоже свалился. Меня ранило. Но я бы еще мог идти, если бы не погоня. Погоня — вот что лишало сил. В сумерках, когда преследователи ушли подальше, я сделал попытку спастись. Кажется, я брел всю ночь. А на рассвете забрел в деревню и упал на пороге первой попавшейся хижины. Меня втащили в дом и выносили. Мурна выходила. То, что я — римский солдат, их несколько не смутило — не я первый дезертировал к племенам, да и Мурна защищала меня, как львица своего детеныша.

На миг в голосе его послышался призыв смеха, но тут же голос опять зазвучал резко и мрачно:

— Несколько ночей спустя я увидел, как на север пронесли орла, с большой торжественностью — в сопровождении множества факелов.

Последовало долгое, тяжелое молчание.

— Где они погибли?

— Не знаю. Знаю только, что до Тримонтия они не дошли. Я не один раз заглядывал туда и никаких следов сражения не нашел.

— А как было с моим отцом?

— Когда меня ранили и я упал, он стоял рядом с орлом. Когда орла несли на север, пленников не было.

— Где орел теперь?

Гверн протянул руку, коснулся кинжала у Марка за поясом и посмотрел ему прямо в глаза.

— Если тебе пришла охота умереть, вот лучший способ. Зачем понапрасну совершать дальний путь?

— Где орел теперь? — повторил Марк.

— Не знаю. Но наутро, как только рассветет, я попробую показать тебе, в какую сторону идти.

Этой ночью Марк спал мало. Он лежал неподвижно, закинув руки за голову. Все эти месяцы он жил мечтой. Да, собственно, если подумать, он жил мечтой с восьмилетнего возраста. Она была яркой, согревала душу, теперь она была разбита. Каким же он был глупцом, безмозглым глупцом. Упрямо цеплялся за свою веру: раз в Девятом легионе служит отец, значит, от легиона нельзя ждать ничего дурного. Но теперь-то он знает, — легион был порченный, гнилое яблоко, треснувшее под каблуком. Бог легионов! Что же, должно быть, пережил отец!

Но надо разыскать орла и вернуть в Рим, иначе рано или поздно он превратится в угрозу для границы. Все-таки Марк докажет свою верность памяти отца.

— Вон туда, там начинается долина, — сказал утром Гверн. — Брод ты найдешь по наклонной сосне, она растет рядом. Переправитесь и держитесь правого берега, иначе между вами и Каледонией окажется широкий залив Клоты. А так — два, самое большее три дня, и охотничья тропа приведет вас к северной границе.

— А дальше? — спросил Марк, не отводя прищуренных глаз от синей туманной дали.

— Могу сказать одно: те, кто нес орла на север, принадлежали к племени эпидиев. Племя эпидиев, как я слышал, делится на множество кла-



нов, не обязательно царский клан — хранитель святилища и священных предметов.

— Ты хочешь сказать, клан может быть совсем небольшим?

— Небольшой — да, но такой же могущественный, как царский, а может, и сильнее. Больше я ничем не могу тебе помочь.

Они молчали, пока сзади не зазвякали удила — Эска привел вторую лошадь. Тогда Гверн торопливо добавил:

— Не ходи этой тропой, она ведет к вратам смерти.

— И все же я попробую! — Марк повернул голову. — Чтобы вернуть орла.

Снова наступило молчание.

— Зачем ты пришел? — спросил Гверн. — Меня уважают люди моего племени, хотя я и живу отдельно. Я часто почти забываю, что я рожден не в племени. Теперь я буду стыдиться до конца моих дней оттого, что отпустил тебя одного на охотничью тропу.

— Не стоит взваливать на себя новый стыд, — возразил Марк. — Этой тропой троим идти удобнее, чем четверым, а двоим удобнее, чем троим. Возвращайся к своему племени, Гверн. Благодарю тебя за пищу и кров.

Он отвернулся, сел на лошадь и несколько минут спустя уже ехал вдоль потока в сопровождении Эски.

14. Праздник Новых Копий

Как-то вечером через месяц Марк с Эской остановились, чтобы дать передохнуть усталым лошадям. Они очутились на крутой горе перед Запад-

ным океаном. В спокойной бухте стояли на якоре несколько торговых судов; синие паруса были убраны, словно и они спали. К северу, задумчиво глядя на эту картину, вздымался Круахан, угрюмый, в темных одеждах, в венце из тумана, — срединное острие мира.

Горы, острова, сверкающее море — все это было уже знакомо Марку. Вот уже месяц он неизменно видел либо то, либо другое, блуждая по туманным ущельям, где охотились эпидии. Вдоль побережья было много святилищ. Там, где древний народ оставил после себя длинные курганы, там эпидии, пришедшие после, устраивали святилище и молились своим богам. А древний народ оставил очень много курганов.

— Смотри, у нас появились попутчики.

Оглянувшись назад, куда показывал палец его друга и откуда они сами только что появились, он увидел на оленьей тропе группу поднимавшихся вверх охотников. Их было пятеро, двое несли подвешенную к шесту тушу черного кабана, и с ними бежала всегдашняя стая собак, похожих на волков. Люди эти очень отличались от жителей Валенции — более темнокожие.

— Охота была доброй, — приветствовал их Марк, когда они приблизились легким шагом.

— Охота была доброй, — отозвался предводитель, молодой человек с крученым золотым ожерельем вождя на шее.

Почти не раздумывая, Марк задал ему вопрос, ставший для него привычным:

— Есть ли в твоем селении больные глазами?

— А ты умеешь лечить глазную болезнь?

— Умею ли я? — Я — Деметрий из Александрии? — Марк давно постиг всю ценность самовосхваления. — Упомяни мое имя южнее Кло-



ты и в самом Царском селении, и тебе скажут, что я исцеляю любую глазную болезнь.

— В моем селении есть несколько человек, кто мучается глазами,— произнес вождь.— Но тут еще не бывал ни один, владеющий твоим ремеслом. Ты вылечишь их?

Уже смеркалось, когда они добрались до деревни.

Марк последовал за хозяином в главную хижину, нагнув голову, чтобы не задеть за низкую перемышку. Внутри было очень жарко, всегдашний синий чад перехватил горло. На теплом настиле из папоротника лежало несколько собак. Маленькая сморщенная старуха, видимо рабыня, склонилась над очагом, устроенным на возвышении, и помешивала в бронзовом котле какое-то кипящее варево. На вошедших она не взглянула. Зато сидевший по другую сторону очага исхудалый старик стал вглядываться в них сквозь едкий дым блестящими властными глазами. Из-за занавески показалась молоденькая женщина — высокая, темнокожая, даже более темная, чем это свойственно племени эпидиев.

— Я услышала твой голос,— сказала она.— Ужин готов и ждет тебя.

— Пусть подождет еще немного, Фионула, любимая,— отозвался вождь Дергдиан,— я привел с собой целителя больных глаз. Вынеси сюда малыша.

Приятный смуглый голенький малыш, как всегда, с коралловой бусиной на шейке, но когда на его личико упал свет, Марк увидел, что глаза у мальчика так распухли, покраснели и заросли коростой, что почти не открываются.

— Вот — лечи,— сказал вождь.

— Он будет слепым,— подал голос старик, сидящий у очага.— Я все время говорю, он будет слепым, а я никогда не ошибаюсь.

Марк не обратил на него никакого внимания.

— Дай мне малыша, я не сделаю ему ничего плохого,— потребовал он и, взяв ребенка у матери, с успокаивающей улыбкой неуклюже опустился у очага на одно здоровое колено. Мальчик захныкал и отвернулся от огня, свет помешал ему, значит, он еще не ослеп. Уже хорошо. Как мог ласковее, Марк повернул личико ребенка к огню.

— Не плачь, малыш, не плачь, я быстро. Только посмотрю — и все. Чем вы мазали ему глаза?

— Жабьим жиром,— ответил старик.— Я сам мазал, хотя это дело женское. Но жена моего внука глупа.

— И помогло?

Может, и не помогло,— ответил он.

— Зачем же мазать?

— Так принято. Испокон века наши женщины кладут жабий жир на больные места, но жена моего внука... Я им все время говорю: рабенок будет слепым.

— Поглядим. Жабий жир, вне всяких сомнений, полезен для больных глаз, но на сей раз он не помог, и я попробую мои собственные мази. Вдруг они помогут.— И прежде чем старик

успел вставить слово, Марк обратился к Фионуле: — Принеси теплой воды и чистых полотняных тряпок. И зажги лампу. Мне нужен сейчас настоящий свет, а не мерцание очага. Эска, а ты принеси мою шкатулку с лекарствами.

И, не сходя с места, пока мать держала больного мальчика на коленях, он приступил к делу: промывал, смазывал, перевязывал при свете лампы, которую держала рабыня, бросившая ради такого случая приготовление ужина.

Марк и Эска застряли в доме Дергдиана надолго. Обычно Марк начинал лечение, а потом оставлял комок мази, показывал, как пользоваться, и шел дальше.

Но на этот раз он изменил своей привычке. С такими запущенными глазами ему еще не приходилось иметь дела, к тому же нельзя было оставить без внимания и деда с его жабьим жиром... Словом, пришлось задержаться. Да почему бы, собственно, и не пожить здесь? С таким же успехом он мог найти или не найти орла в этом, как и в любом другом, селении.

...И вот однажды вечером, вернувшись с Эской после вечернего купания в озере, он застал вождя на пороге главной хижины; сидя на корточках в окружении собак, тот любовно полировал тяжелое боевое копье с венчиком из орлиных перьев. Марк присел рядом и стал следить за работой; ему живо припомнилось другое боевое копье — с венчиком из сизых перьев цапли. Эска тоже наблюдал, привалившись плечом к косяку двери, вытесанному из рябины.

Наконец вождь поднял голову и поймал взгляд Марка.

— Это для праздника Новых Копий,— пояснил он.— Для пляски воинов в конце праздника.

— Праздник Новых Копий,— повторил Марк.— Когда ваши мальчики становятся мужчинами? Я слышал про такой праздник.

— Увидишь в третью ночь, считая с сегодняшней, в ночь рогатой Луны.— Дергдиан опять принялся трудиться.— Будет великий праздник. Мальчики собираются отовсюду, и отцы их с ними. Даже сын царя, и тот должен являться к нам, когда настает время получать оружие.

— Почему? — Марк надеялся, что ничем не выдаст вспыхнувшего любопытства.

— Мы — люди-тюлени, хранители святилища.— Дергдиан поворачивал на коленях копье.— Мы — хранители жизни племени.

Выдержав паузу, Марк сказал как можно небрежнее:

— Так, значит. И что же, любой может стать очевидцем таинства Новых Копий?

— Нет, таинство видеть нельзя, оно совершается только между Новыми Копьями и Рогатым. Одним жрецам дозволено видеть его и остаться в живых. Но торжества на открытом воздухе разрешается смотреть всем, кто пожелает. Они скрыты только от женщин.

— В таком случае я, с твоего разрешения, непременно погляжу на праздник. Мы, греки, от природы любопытны.

НЕЗНАКОМКА·90, ИЛИ

„ДЕВОЧКА, С КОТОРОЙ Я ДРУЖУ“

Лене Сазоновой — 14 лет. У нее светлые волосы, слегка рыжеватые, стрижка «каре». А если б вы хоть раз увидели ее глаза! Чудо, а не глаза: могут быть то зелеными, то карими — меняют цвет в зависимости от освещения. Это, конечно, удивительно и прекрасно.

Лена очень любит животных, у нее живут кот Ясик и собака Дик. Еще она любит кататься на коньках. Увлекается фотографией, собирает открытки и календарики с изображением животных. Любимые предметы в школе — история, физкультура и алгебра.

Света Стенина,
с. Чемодановка
Пензенской области

Мы учимся с ней в одном классе. Зовут ее Анжела Мовсесян. Почти все время мы проводим вместе: и в школе, и после уроков. Нам так скучно друг без друга, что мы даже обедаем вдвоем. Вместе делаем домашние задания, ходим за моим младшим братишкой Андреем в детский сад. Вместе играем.

Самая любимая игра у нас — «школа». Мы сажаем на диван

кукол и начинаем их «учить». Делаем для них дневники, в которые ставим отметки. Я иногда ставлю «двойки», а Анжела почти что никогда. Она такая учительница — всегда всех хвалит.

Однажды вечером мы гуляли с ней во дворе. И Анжела увидела, как большие пацаны бьют маленького мальчика. Я еще ничего не поняла, а она уже побежала к ним. Я тоже бросилась за ней. Но пацаны были старше нас, и нам с ними было не справиться. Тогда Анжела позвала на помощь папу, и все кончилось благополучно.

Ира Харатъян,
10 лет,
г. Пятигорск

Мне 14 лет, а ей — 12, но, несмотря на это, она научила меня мыть полы и готовить обеда. Раньше я даже не думал, что смогу научиться таким вещам. Но это еще не все. Она научила меня играть в теннис и, самое главное, отучила курить. Никто не верил, я тоже не верил, а она сумела. Хотя отучить курить очень и очень трудно.

Как-то раз мы поссорились и целый месяц не разговаривали. Друзья не знали, как нас помирить, но все-таки придумали. Купив билеты, пригласили в кино, где наши места оказались рядом. Кино я не смотрел, все время думал, как заговорить с ней. И вдруг наши взгляды встретились. Тут я понял, каким я был ослом, когда с ней поссорился. Я спросил ее, нравится ли ей картина. Но оказалось, она тоже ее не смотрела. Словом, мы думали с ней об одном, как нам помириться.

Леша Пархоменко,
г. Дальнегорск
Приморского края

Меня зовут Дима, а ее — Таня Дюшкова. Мы дружим с ней уже давно. В детстве даже любили друг друга. Она повыше меня ростом, учится на 4 и 5. Когда некоторые мальчишки обижают меня, и я не могу с ними справиться, она тут же встает на защиту. И никогда никого не боится. Я даже счастлив, что у меня такая подруга. Она не красится, как попугай, а только немного губы. Говорит, что с нее достаточно. Мы вместе с ней увлекаемся спортом, музыкой. Приглашаем друг друга на день рождения. Таня очень любит читать, а я — так себе, хотя у меня дома больше книг, чем у нее.

Ее словесный портрет: волосы черные, глаза тоже, нос широкий, с веснушками. Щеки розовые. На левой руке носит часы и кольцо «поцелуйчик» — это я ей подарил. На правой руке у нее маленькое родимое пятно. Особенно мне нравятся ее волосы и крупные черные глаза.

Наши родители знают, что мы дружим, и даже называют женихом и невестой. Но мы не обижаемся.

Дима Киреев,
6-й класс,
с. Сарыево
Владимирской обл.



МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА В БОЛЬШОЙ ПЕЩЕРЕ

А. КАРДАНОВ

Жил в прошлом веке в Испании богатый и знатный человек по фамилии Саутуола. Дон Саутуола — так величали его окрестные жители. Имение дона находилось недалеко от Альтамирской пещеры, и любознательный испанец не раз спускался в нее. Там находил он кости и зубы древних животных, а как-то раз наткнулся на скелет пещерного медведя. Попадались ему и обломки камней, обточенные рукой первобытного человека. Видимо, здесь когда-то была его стоянка.

Однажды дон Саутуола взял с собою дочь — малолетнюю Марию. С фонарями в руках спустились они вниз, проползли по узкому каменному коридору и очутились в пещере. Пока отец отыскивал останки древних животных, девочка принялась осматривать подземелье, его стены и своды. Тусклый свет фонаря выхватывал из темноты то каменный наплыв, похожий на чью-то голову, то гигантскую сосульку, свисавшую с потолка.

Мария подняла фонарь повыше и вдруг вскрикнула от неожиданности. Она увидела на потолке голову быка. Рогатую голову быка. Голова была нарисованная, поэтому девочка не испугалась, а просто очень удивилась и стала обшаривать лучом света стены и своды пещеры. То, что ей открылось, привело ее в восторг.

— Папа, папа, иди скорее сюда! Здесь быки! Много быков!

Встревоженный дон Саутуола бросился на крик дочери.

Мария стояла посреди пещеры, держа над головой фонарь.

— Посмотри туда, наверх!

Отец поднял голову. На низком потолке чья-то искусная рука изобразила целое стадо бизонов — древних быков.

Кроме них были там и кабаны, и олени, и дикие лошади. Одни животные распластались, поджав под себя ноги и повернув рогатые головы, другие замерли в напряженных позах.

Вот разъяренный кабан мчится навстречу оторопевшему бизону. А в противоположном углу картины, чуть в стороне от других, застыла одинокая лань.

Особенно поразил испанца один рисунок — фигура бизона с крутым, поросшим рыжей шерстью хребтом и с налитыми кровью глазами. Могучее тело его словно трепетало от напряжения. Казалось, зверь вот-вот сорвется с места и кинется, грозно выставив загнутые вверх рога. И хотя фигуры на кар-

тине были размещены как попало, в полном беспорядке, трудно было поверить, что все это рисовал человек, живший много тысяч лет назад. Но если не он, то кто же? Вот и раковина с остатками краски.

Когда об альтамирской находке узнали ученые, они подняли испанца на смех, а кое-кто даже заподозрил его в подлоге. «Мог ли дикарь, едва владеющий речью, не знавший иных орудий, кроме костяной иглы и каменного топора, создать такое искусство? — говорили они. — Не иначе, как сам испанец разрисовал пещеру или поддался на обман, приняв за древние рисунки чью-то озорную проделку».



Один из рисунков пещеры Альтамиры

Но это все не было ни подделкой, ни обманом...

Много тысяч лет назад главным занятием людей была охота на зверей: бизонов, мамонтов, носорогов, диких лошадей и оленей. А жили эти люди — в пещерах. Только пещеры могли укрыть от зимней стужи и холодного ветра, дующего с ледников. А ледниками в ту пору была покрыта большая часть земли.

В пещере, куда ни глянь, всюду камень. Каменные стены, каменные своды, каменные глыбы, закрывающие вход в жилище. Вот камень, похожий на голову мамонта с опущенным хоботом, а этот — на горбатую спину бизона. Если кусок камня хорошенько обтесать и обточить, может получиться рубило, или топор, или наконечник для копья. Других орудий, кроме каменных, люди не знали. Потому и называют это время каменным веком.

В пещере-жилище темно и сыро. Дневной свет едва проникает сквозь узкую щель в проходе. Но вот в глубине пещеры вспыхнул огонь. Кто-то из ее обитателей раздул тлеющие угли и подбросил хворост в костер.

Человек, закутанный в волчью шкуру, поднял с земли резец — острый обломок кремня и стал водить им по стене. Послышался скрежет камня о камень, и на скале в отблесках пламени стали вырисовываться очертания быка. Мог ли он знать, что в тот момент в нем впервые проснулся художник?

...Краски человек готовил сам. Черную из угля, белую из мела или известняка, а красную и желтую из охры. Эту породу нередко находили прямо в пещере, дробили ее на куски, растирали в каменной ступе, превращая в порошок. Оставалось развести порошок на воде или смешать с жиром убитого зверя, и краска готова.

Первые рисунки, сделанные контуром, выглядели плоскими, а фигуры животных — застывшими в неподвижности. Таков, например, бизон, вырезанный на стене одной из пе-


щер во Франции. Он стоит как вкопанный на вытянутых ногах, словно врос в камень. В ту пору художник и не помышлял о том, чтобы изобразить животное в движении. Он был рад, что может одной непрерывной линией запечатлеть на камне или кости образ, который хранился в его памяти. Если он окрашивал фигуру животного в какой-нибудь цвет: красный или черный, получался силуэт более яркий, но такой же плоский и безжизненный.

Медленно текло время. Год за годом, век за веком. И ничто, казалось бы, не менялось в жизни первобытного человека. Все так же выходил он на охоту и вместе с другими охотниками устраивал облаву на зверя. И так же, как прежде, тесал и обтачивал камень, чтобы сделать из него топор или копье. Только руки его стали искуснее, а глаза острее и зорче. Сидя подолгу в засаде, он внимательно вглядывался в зверя, запоминал все его движения и повадки. А после в пещере при тусклом свете фитиля пробовал изобразить на камне то, что его особенно поразило.

Со временем на смену контуру пришел легкий прерывистый штрих — множество линий, разнообразных по длине и толщине. И рисунок стал еще живее. Теперь уже можно было разглядеть шерсть на теле животного, почувствовать, как выпуклы его бока. Художник научился изображать зверя шагающим или бегущим. Но должна была пройти еще не одна тысяча лет, прежде чем на скалах появились изображения, наподобие тех, какие увидела в Альтамирской пещере девочка из испанской провинции Сантандер...

Только спустя двадцать лет, когда в соседней Франции были найдены другие пещеры с такими же древними изображениями, ученые поняли, что дон Саутуола был прав. Поняли и приехали к его дочери, которая давно уже стала взрослой, чтобы извиниться перед ней и почтить память ее отца.





Есть на Южном Урале, в Башкирии, район Бурзян. Бурзян — это и география преданий башкирского народа, и уникальный пчелиный заповедник, и всемирно известная Капова пещера с доисторическими рисунками, и всесоюзный центр водного и конно-верхового туризма. Автору этих строк посчастливилось несколько лет прожить в Бурзяне и посвятить ему, его природе и людям не одно стихотворение.

ЗА КУК-КАРАУКОМ

Георгий КАЦЕРИК

КУК-КАРАУК

Что за Кук-Караук?
Водопадов
долгий звук?
Дятлов
гулкий перестук?
Да кукушек голоса?
Горы гулкие? Леса?..
Крикнешь: Кук-Караук!
И откликнется: Ау-к!..
А ведь Кук-Караук —
тихое местечко
возле горной речки.
Три-четыре дома
горного кордона
у тропы
на перевал —
в Белоречье! На Урал!

КАПОВА ПЕЩЕРА

Кап, кап, кап —
и тишина...
Очень тихая
она.

Только капельки
да капли
ходят там
на мокрых лапах.

Да попав
в тишайший плен,
смотрят мамонты
со стен.

КАПО-КОРЕНЬ

Капо-корень
автокраном
приподняли
над урманом!
Погрузили
в самосвал,
увезли
за перевал...

На заводе
старый мастер
распилил его
на части.
Из которых,
взяв резец,
резчик
вырезал ларец,
бьет поэта,
торс батыра,
расписную
трубку мира!

ТАШ-БОКА

Против солнца
на песочке,
в тростниковом
закуточке
черепашка
Таш-бока
греет
старые бока...

И наверно
снится ей —
лак озер,
ковыль степей,
кони дикие
тарпаны,
лотосы
и пеликаны!

Ведь сегодня,
не секрет,
этой маленькой
старушке,
этой каменной
лягушке —
ровно триста
с лишним
лет!

КУМЫС

Словно небылицы,
в утреннем тумане
бродят кобылицы
над рекой в урмане.

Дремлет на опушке
старый балаган,
вьет старик-табунщик
лыковый аркан.

А в лобастом дереве —
в кадке, словно мысль,
колобродит, зреет
молодой кумыс!

Пьют его за завтраком,
на вольном ветерке,
даже космонавты
в Звездном городке!

Рисунок
К. Почтенной

ВСТРЕЧИ С ПРИШЕЛЬЦАМИ ИЗ КОСМОСА

Геннадий ЛИСОВ

Внезапно супруги услышали странный «электронный писк». И тут же их охватила неодолимая дремота. Они очнулись в абсолютной тишине и... в бегущей машине! Дорожный знак показал им, что машина отъехала на 35 миль от места контакта с НЛО!

Барни с трудом овладел управлением и убавил ход. Ехали молча, с тревогой раздумывая, куда делись прошедшие два часа? Что было с ними в это время?

Наконец приехали домой. Сон не приходил. Забылись под утро и сразу проснулись, обоим грезилось, как их тащат куда-то силой...

Полубессонные ночи, наполненные кошмарами, вынудили Хиллов обратиться к психиатрам. Известный психиатр-гипнолог Бенджамин Саймон заподозрил, что причиной страхов и бессонницы супругов Хилл послужило загадочное происшествие на шоссе. Можно лишь удивляться терпению врача: три года он неустанно занимался гипнотестированием Хиллов! И наконец его терпение было вознаграждено самым эффективным образом! Супруги вспомнили свои приключения трехлетней давности.

Сохранились стенограммы этих «воспоминаний под гипнозом», выдумать которые, как говорят специалисты, невозможно.

«**БАРНИ:** — Бэтти! Спрячься, спрячься! О, Боже! (Барни дышит тяжело и часто). Какие-то странные люди на дороге! Я выхожу из машины и иду... Хочу остановиться, но не могу. Мы поднимаемся по сходням. Я готов броситься с кулаками на обидчиков, но не поднимаются руки... Спотыкаюсь обо что-то и оказываюсь в коридоре... Я не хочу идти. Не знаю,

где Бэтти. Не чувствую ни ног, ни рук... Меня укладывают на стол!..

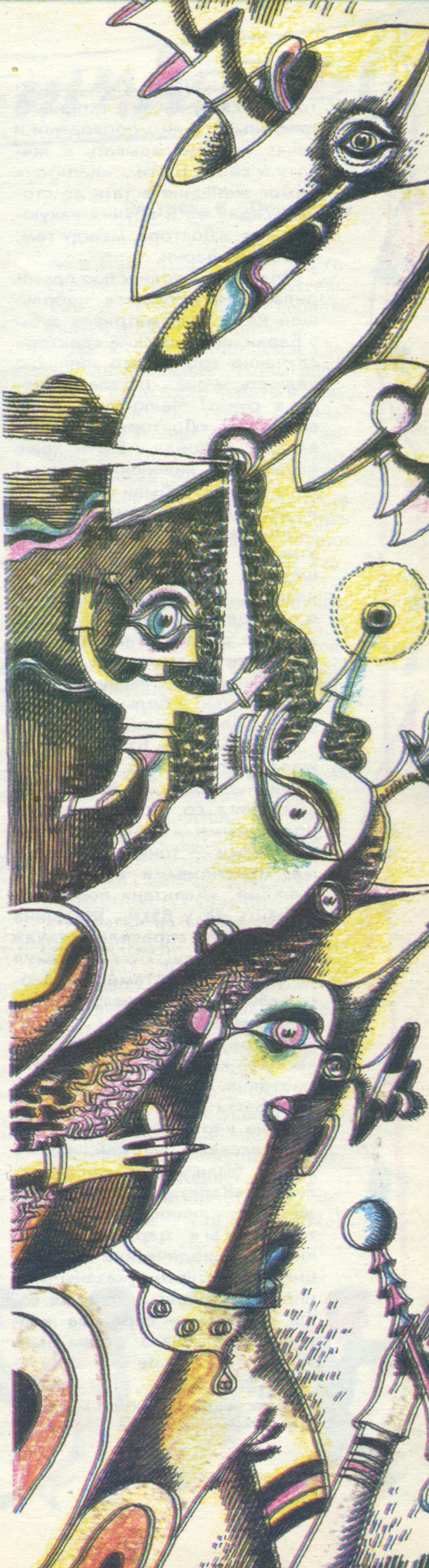
БЭТТИ: — Барни жмет на тормоза, и машина круто сворачивает влево. Мы хотели затеряться среди деревьев. Барни пытается завести машину, но тщетно... И тут из-за деревьев идут они!.. Я выскочила из машины и побежала... Их человек оказался около меня. Я кричала: «Барни, Барни, проснись!» Тот человек спросил: «Так его зовут Барни?» Я не ответила — ему-то какое дело? Потом я поняла: они хотели, чтобы мы пошли с ними. Я сопротивлялась. Мне сказали, что осмотрят нас и отпустят...

БАРНИ: — Я хотел наброситься на них. Я не знал, где Бэтти, однако, когда я порывался встать, на меня направляли яркий свет и я замирал неподвижно... Они шевелили губами, разговаривая со мной».

Весь рассказ супругов об их фантастических приключениях на шоссе занял 45 часов магнитофонных записей, из которых явствует...

Их сопроводили на корабль пятеро человекообразных существ, облаченных в одинаковую одежду. Только один, по видимому, старший из них, отличался одеждой и был похож на «капитана военно-морских сил». Пока шли, «капитан» разговаривал с Бэтти по-английски со странным, по мнению Бэтти, французским, акцентом.

На борту корабля их встретил «доктор», тоже говоривший по-английски. Он усадил Бэтти в белое кресло, достал «микроскоп» с большими линзами и через него рассматривал ее кожу. Затем он попросил женщину наклониться и открыть рот. Осмотрел горло и зубы, заглянул в уши, остриг прядь волос и спрятал в пакетик. Ту же процедуру повторил с ногтями. Затем женщи-



ну положили на стол. «Доктор» взял пучок игл с присоединенными к ним проводами и начал их прикладывать к животу и спине Бэтти... «Капитан» помог женщине встать со стола, усадил ее и вручил какую-то книгу. «Доктор», между тем, взялся за Барни.

Процедура полностью повторилась. Но случился небольшой казус. Рассматривая зубы у Барни, космический «доктор» случайно тронул его нижнюю челюсть, и она... осталась у него в руках! Челюсть-то была вставная! «Доктор» заволновался и, подойдя к Бэтти, тоже потянул за нижнюю челюсть! Но у женщины были свои зубы, и это, по-видимому, внесло смятение в умы гуманоидов! Ученые потом шутили: пришельцы, вернувшись на свою планету, могли бы доложить о посещении Солнечной системы, где обнаружена разумная жизнь, представленная черными мужчинами с вынимающейся челюстью и белыми женщинами с нормальной челюстью!

Тем временем Бэтти продолжала листать книгу, поданную ей «капитаном». Это была большая книга со страницами, заполненными вертикальными строчками — тонкими, толстыми, пунктирными и кривыми линиями. «Капитан» пообещал оставить ее у Бэтти. Женщина осмелела и спросила, откуда они прилетели? Тот протянул ей альбом с картами звездного неба. Они были изготовлены неведомым способом — давали трехмерную, голографическую картину! «Как будто смотришь в окно», — рассказывала Бэтти Хилл.

Одна карта ее особенно заинтересовала: на ней, кроме звезд, были соединяющие их линии. «Капитан» пояснил, что жирные линии обозначают торговые маршруты, тонкие — периодические экспедиции, а пунктиром указаны планируемые полеты. «Где же ваша звезда?» — спросила женщина. И услышала: «А вы знаете, где здесь наше Солнце?» — «Нет, не знаю». — «Так как же я объясню вам, откуда мы прилетели?»

Перед тем как отпустить пленников, «капитан» заявил, что экипаж возражает против того, чтобы он оставил Бэтти и Барни вещественное доказательство этой встречи. «Вы должны забыть все!» — сказал он.

Во время одного из сеансов гипнотестирования в клинике Бенджамина Саймона у исследователей возникла идея попытаться «вытащить» из долговременной памяти Бэтти показанную ей на НЛО звездную карту. Опыт гипнотестирования знает подобные случаи. И доктор Саймон с энтузиазмом принялся экспериментировать. Успех превзошел самые оптимистические ожидания. Бэтти Хилл за несколько сеансов нарисовала карту, причем каждый раз то там, то здесь подправляла и уточняла положение звезд. Когда работа была завершена, необыкновенную карту поместили в газетах в расчете на компетентное мнение астрономов.

Откликнулась школьная учительница астрономии — 36-летняя Марджори Фиш из города Ок-Харбор в штате Огайо. Она задалась целью доказать подлинность карты Бэтти Хилл. Но не думала тогда, что для этого ей потребуется целых шесть лет!

Марджори Фиш была уверена — исследуемая карта воспроизводит звездное небо той планеты, с которой прилетел космический корабль. Надо было угадать на ней наше Солнце и их планетную систему. Предположив, что наше Солнце нанесено на карте Бэтти Хилл справа сверху, Фиш определила базу пришельцев, куда тянулась двойная линия от нашего дневного светила. По мнению учительницы, корабль стартовал с планеты у звезды Зета 1 созвездия Сетки. Пять линий, соединяющих эту систему со звездой Зета 2 того же созвездия, свидетельствовали о частых контактах между ними, то есть они находятся недалеко друг от друга.

Неимоверное трудолюбие Марджори Фиш и ее настойчивость помогли ей сначала оп-

ределить 9 звезд на карте Бэтти. Дальше пошло легче. Вскоре она опознала большинство оставшихся звезд. Однако три звезды в левой части карты отсутствовали в наших каталогах, и это обстоятельство грозило погубить всю работу. Но Фиш не теряла надежды на то, что эти «неизвестные» звезды существуют в действительности. И ее надежда, как это часто бывает с праведными делами, осуществилась! Осенью 1969 года в очередном выпуске «Каталога ближайших звезд» учительница нашла «свои» звезды под номерами 95,97 и 86,1...

После этого Марджори Фиш имела полное право заявить, что только из созвездия Сетки можно видеть подобное расположение звезд. Расстояние до базы пришельцев — совершенно гигантское: более 30 световых лет! Как же они сумели долететь до Земли? Ответ один: овладели околосветовыми скоростями! Если это так, путешественники могли затратить на рейс в одну сторону примерно полтора года. Не так уж и много по нынешним космическим достижениям землян.

Думается, полезным дополнением к рассказу о расшифровке звездной карты Бэтти Хилл может служить астрономическая справка о южном созвездии Сетка. Оно расположено по соседству с Ахернаром и созвездием Золотой Рыбы. В Сетке действительно есть любопытная двойная звезда Зета. Расстояние до этой пары звезд — 37 световых лет. Обе эти звезды — Зета 1 и Зета 2 — представляют собой точные копии нашего Солнца! По своим физическим свойствам они таковы, что около них могли бы существовать обитаемые земноподобные планеты! Правда, расстояние между Зета 1 и Зета 2 в 100 раз больше расстояния от Земли до Плутона. Но согласитесь, оно вполне доступно для цивилизации, овладевшей средствами межзвездных сообщений. И не потому ли на карте Бэтти Хилл звезды Зета 1 и Зета 2 соединены пятью маршрутными линиями?

Рисунок Бориса Аникина

ДЕТИ, В ШКОЛУ СОБИРАЙТЕСЬ!

Е. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

К первому октября в Голландии, Норвегии и Швеции, например, ребята проучились уже два месяца — они пришли в школу 1 августа. В Индии учебный год в самом разгаре, он начался 1 апреля. В Австралии 1 января школьники перейдут в следующий класс. В Никарагуа 1 октября начнутся каникулы, а в Коста-Рике 31 августа прозвенел последний звонок.

Бедные ребята — неужели у них каникулы осенью! Нет, все не так ужасно. Вот в Австралии каникулы вообще с 1 января по 1 марта, но австралийские школьники сами вряд ли захотят отдыхать в июле — ведь у них это самый холодный месяц года, а самый теплый как раз январь.

А уж когда начинать учебный год в Индии, в Никарагуа или, например, на Мадагаскаре, совершенно безразлично — там вечное лето. Можно, как в Европе и США, — учиться с 1 сентября, так поступают в 122 странах мира. А можно начинать учебный год в январе, чем это хуже? Так делают в 43 странах. Еще в 16 странах дети идут в школу в марте, а в 10 других — в августе. А, скажем, в Японии дети учатся с 1 апреля по 1 марта.

Выходит, «большие» каникулы в Японии такие короткие — один месяц! Это как посмотреть. Кому-то покажется, что это у нас они слишком длинные, ведь во многих странах ребята отдыхают от школы всего один месяц: в Индонезии — в январе, в Индии — в апреле. В Мозам-

бике и Норвегии каникулы длятся 2 месяца, а в Никарагуа, Сомали и Гватемале школьники, как и наши, гуляют целых три месяца. Но это не предел. Потому что в Аргентине, Эквадоре, Панаме и Судане они отдыхают четыре месяца. А самые счастливые живут, конечно, в Алжире и Египте — каникулы здесь длятся четыре с половиной месяца!

Про счастливых школьников мы выяснили, а где живут самые несчастные? Наверно, в Гибралтаре. Дело в том, что Гибралтар — единственная страна мира, где дети должны идти в первый класс, когда им исполнится четыре года. А мы еще думаем — не трудно ли в первом классе нашим шестилеткам! Между прочим, с шести лет детей отправляют в школу в 116 странах мира и только в 62 — с семи лет. Не так уж мало стран, где в первом классе учатся и пятилетние.

Итак, первого сентября наши дети идут в школу — кто в первый, кто в одиннадцатый. У нас ведь теперь одиннадцатилетка, да притом обязательная. А как там в других странах? В большинстве обязательное — 9-ти, 10-ти или 11-летнее образование: в Европе, в США, Канаде, Австралии и еще много где. Но в 35 странах (в основном Африка, Азия) надо закончить 6 классов, а в Сенегале, Индии, Турции, Вьетнаме, Лаосе (всего в 12 странах) только 5 классов. Но больше всего заботятся о культурном уровне на Виргинских островах, на Американ-

ском Самоа, на Мальте и в государстве Сент-Китс и Невис. Там в обязательном порядке учатся целых 12 лет.

Да осталось ли на Земле где-нибудь раздолье? Чтобы вообще не надо было ходить в школу? Есть ли такие страны? Сколько угодно! Эфиопия, Гамбия, Кения, Ливан, Пакистан, Саудовская Аравия, Сингапур и некоторые другие в Азии и Африке. Там не хочешь ходить в школу — не ходи. Хорошо! Одна загвоздка — где бы научиться читать и писать? Ты говоришь: мама с папой научат, а если они сами не умеют? А если в твоей деревне или городке нет ни одного грамотного? Ты скажешь: «в наши дни так не бывает». В Европе действительно не бывает, в Северной Америке, в Австралии, в Японии не бывает, а вот в Камеруне очень даже бывает — там неграмотных 90 процентов, в Гамбии 73 процента среди мужчин и 97 процентов среди женщин! Другими словами, всего три мамы из ста могут «научить дома».

Девочки во всех странах более прилежны. Но самые выдающиеся ученики всех времен и народов — среди мальчиков. Вот, например, Вильям Томас, будущий лорд Кельвин — он поступил в университет города Глазго в возрасте 10 лет. Этот случай произошел в 1834 году. Только через сто с лишним лет в 1945 году в Йельский университет в США поступил 14-летний Мерилл Кеннет Вольф.

Но до университета еще далеко, а пока — учи нас, школа!



МАЙКЛ ДЖЕКСОН

Питер ДЖАСОН

А теперь посмотрим, что говорят о Майкле его родители.

Отец: «Когда Майкл был еще малышом, мы часто выступали по выходным дням семейным ансамблем, и не только в родном Лос-Анджелесе, но и в других городах. Майкл получал свою зарплату каждую неделю после выступления».

Мать: «Мне кажется, Майкл и сейчас не повзрослел до конца. Пример — страшная любовь к животным».

Отец: «Я давал ему 20 долларов, и он покупал на все деньги сладости. Потом приглашал своих друзей и устраивал для них пир. Это ему безумно нравилось».

Мать: «Майкл до сих пор советуется с нами по разным житейским вопросам. Он скромный и застенчивый человек. Но это только в быту. На сцене, перед многочисленной аудиторией, Майкл преобразается, и от его застенчивости не остается и следа».

Отец: «Больше всего он любил такие вечеринки и еще петь и танцевать. Уже в 5 лет он легко пел песни из репертуара популярных негритянских исполнителей».

Мать: «Популярность не испортила его. Но иногда ему приходится туго: многие жаждут встречи с ним. Ходят за ним по пятам, но Майкл все равно улыбается, хотя я знаю, что часто ему хочется плакать».

Отец: «Майкл — вегетарианец и вообще ест очень мало. Предпочитает орехи, виноград и другие фрукты. Любит устраивать детские праздники, готовить к ним угощение. У Майкла есть аппараты для изготовления воздушной кукурузы и мороженого».

* * *

Собственное личное состояние Майкла Джексона — 40 миллионов долларов. Но мало разбирающиеся в шоу-бизнесе люди чуть не в открытую издеваются над этой цифрой. Например, не так давно Джексон откупил монопольное право за несколько миллионов на издание 251 песни группы «Битлз». За два концерта в Париже ему были гарантированы 3 миллиона с лишним. Кропотливейшие переговоры о финансовых условиях гастролей затянулись на 6 месяцев. Оговаривались малейшие детали, уступив которые, Джексон мог лишиться прибыли. Но нечестно не напомнить читателю, что за славой миллионера Джексона — гигантский труд.

«Чему вы посвящаете часы отдыха, наверное не часто вам выпадающие?» — спросили его еще тогда, когда он изредка встречался с журналистами. «Работе», — ответил он без раздумий.

В 1988 году Майклу исполнилось 30 лет. Замученный известностью, одареннейший танцор, хореограф, композитор, актер кино и просто ре-

Окончание. Начало см. в № 8, 9.



жиссер, создатель видеоклипов, автор дисков, певец. Сценические «па» Джексона сравнивают с походкой Марселя Марсо. И Майкл признается, что французский мим вместе с американцем Фредом Астером — его любимые актеры.

Когда Майклу было 12 лет, Сэмми Девис так сказал журналистам:

«Хорошо посмотрите на этого пацана. Это — явление». В автобиографической книге «Мун Вокер» Майкл пишет: «Мое детство — это работа. Но я любил ее. Меня никогда не приходилось силой выталкивать на сцену».

* * *

Французский журналист из «Юманите» считает, что в диске «Бэд» ему слышится протест против социальной несправедливости. В мелодии «Чело-



век в зеркале», вошедшей в «Бэд», Джексон действительно раскрывается по-новому. Песня — об атомной бомбардировке в Хиросиме. Словно в подтверждение тому, что Джексон, не меняя имиджа, все же меняет взгляды, часть прибыли была передана в фонд американских детей, больных раком.

Неподалеку от Голливуда на деньги поп-звезды построен госпиталь «Майкл Джексон». В нем (в основном на пожертвования артиста) лечатся маленькие наркоманы.

Некоторую толику мультприбыли Джексон отдал Совету церковей ЮАР. Выступил в концерте, сбор от которого пошел на покупку продовольствия для голодающих Эфиопии.

В Риме перед первым концертом своего европейского турне Майкл согласился дать пресс-конференцию, на которую он... не явился. На все вопросы за него отвечали его ангелы-хранители — Фрэнк Дилио (который впоследствии окажется для Майкла врагом) и Квинси Джонс — его большой друг. Фрэнк Дилио — его менеджер («Мы с Майклом созванивались по 20 раз в день») никого к нему не подпускал. Майкл очень любит гулять в парках Диснейленда. Рядом с ним всегда его личные телохранители, молодые вооруженные широкоплечие люди. Особенно Майкл любит детей. Самого его называют «взрослым ребенком», у себя на ранчо по видео он смотрит мультфильмы и взхлеб смеется. Особенно он любит смотреть фильмы об инопланетянке, которая просит, чтобы ей позвонили. При этом Майкл искренне плачет, так как не знает номера ее телефона, а очень хочет позвонить ей.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

Рассказывает Жан Пьер Риф, экс-капитан сборной Франции по регби, которому удалось с великим трудом встретиться с Майклом во время его Лионских гастролей.

«Насколько же велика была разница между слухами, ходящими о нем, и живым зрелищем его спектаклей! Я был приятно удивлен. Прежде всего — его окружение. Я воображал, что вокруг него толпятся люди недобрые. Но я не почувствовал ни малейшей агрессии. Причем наша встреча происходила прямо перед началом концерта, а это, как известно, момент величайшего напряжения и нервозности.

Я увидел очень милого, чрезвычайно предупредительного юношу, спокойного, здравомыслящего, любезного. Для каждого он находил доброе слово. Ему интересны люди».

ИНОПЛАНЕТЯНИН

Майкл, говорит Квинси Джонс, хочет быть нормальной личностью. Но как это возможно? С девяти лет к нему относятся как к звезде. Сам Майкл любит сравнивать себя с инопланетянином из Диснейленда: «Его история похожа на мою. Ему хорошо только с детьми. Он любит и хочет, чтобы его любили и чтобы быть независимым от окружающего мира, он поднимается над ним. Я тоже чувствую себя чужим среди людей в их повседневной жизни».



МНЕНИЕ

«Бесспорно, гений рока и сцены, великолепнейшее воплощение черного американского танца, своими клипами он сумел поднять видео до уровня настоящего искусства. Фантастическая поп-звезда — Джексон не имеет равных за всю историю рока, кроме Элвиса Пресли», — утверждает «Роллинг Стоунс».

ИЗ КЛАССИКИ

«Я без ума от Дебюсси: «Послеполуденный отдых Фавна» и «Лунный свет». Еще Прокофьев — «Петю и Волка» я могу слушать без конца. Коплинг — один из моих любимейших композиторов. Звуки его духовых узнаваемы с первого такта. Я много слушаю Чайковского. «Щелкунчик» — одно из моих любимейших произведений», — признается Майкл в автобиографии «Мун Вокер».

КТО ЭТОТ РЕБЕНОК?

Часто рядом с Майклом можно увидеть некоего мальчика лет десяти, который держится как его младший братишка и во всем его копирует. По слухам, малыш — американец, сопровождает Майкла во всех его странствиях по миру и живет где-то неподалеку от своего старшего товарища.

* * *

Теперь Джексон говорит о себе так:

«Я изменился, и это точно. Смотрите, слушайте, насколько я изменился. Но я тот же».

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ



ОКТИЯБРЬ

Погнал ветер бесконечные тучи. Пришел хмурый октябрь — месяц листопада и первых заморозков. В щели деревьев, под опавшие листья забились бабочки, жуки. В лесу деревья сеют свои семена. Поля и сады, отдав урожай, ждут зимнего покоя. А какой будет зима, суровой или теплой, — подскажут пчелы: если они осенью леток плотнее закрывают воском — к холодной зиме, оставляют леток открытым — жди мягкую зиму.

Пастухи

Тезки (загадка)

Тезки — те, у кого одинаковые имена. Есть такие и среди растений и животных. Ты узнал их на рисунке? Назови.

В нашем саду клумба с цветами. По большим ромашкам бегают черные муравьи. Муравьев так много, что мне стало интересно, что они там делают. Вижу, что муравьи не одни. По листьям и стеблям ползают едва заметные зеленые тли. Беру палочку и дотрагиваюсь ею до тлей. Тут муравьи, сколько их было рядом, все набросились на эту палочку, стали ее кусать.

Вот оно что! Муравьи — пастухи! И все у них, как у настоящих пастухов. А пасут они тлей — своих коров. Жидкость, которую выделяют тли, для муравьев — любимое лакомство. А кто же тут волк? Божья коровка, она поедает тлей. Эх, черные муравьи! Вы, сладкоежки, ведь за вредителей застаетесь.

Миша Комаров,
3-й класс,
г. Саратов

«адреса зеленых» На наших грядках

В школьном юннатском кружке мы увлекаемся выращиванием малораспространенных овощных и ягодных культур. Эти знания всегда пригодятся ребятам, многие из них уже выращивают растения и дома. Считаю, что кто сам научился выращивать растения, увидел результаты своего труда, тот никогда не станет губить природу. Среди наших практических дел — два приведенных в порядок источника, три тысячи посаженных ив на заливном лугу. Для ив мы специально подготовили колышки, которые легко входят во влажную почву. Это позволило быстро выполнить работу, и ивы все прижились. Занимаемся мы и сбором лекарственных трав. Прошлым летом Марина Галич одного только зверобоя заготовила 96 кг. В лесах мы разыскиваем редкие растения, охраняем их. Но главная наша работа — на пришкольном участке. Здесь мы выращиваем лекарственные растения, особое внимание уделяем редким и исчезающим видам. Можем поделиться опытом по выращиванию алтея, девясила, руты садовой, облепихи, Melissa, топинамбура и других культур и обменяться посадочным материалом. Наш адрес: 315144, Полтавская обл., Зеньковский район, с. Комсомольское, школа, кружку юннатов. Не забудьте вложить конверт со своим адресом.

Об одном из таких забытых растений, которым сейчас заинтересовались ученые, мы хотели бы рассказать.

Бораго-огуречная трава

Огуречник, бораго, или бурачник лекарственный — так называют это растение. Раньше оно часто встречалось на огородах, у помещиков на усадьбах, а потом про него забыли.





Сейчас ученые открывают в нем ценные лекарственные свойства. Бораго даже используется для питания космонавтов. Это однолетнее скороспелое растение высотой до 80 см. Цветет долго и обильно сине-фиолетовыми звездочками. Листья по вкусу и запаху напоминают огурцы, за что так и названо. Используют все растение свежим для салатов и приправ. Огуречник мы сеем в апреле — через 20 см на глубину 3 см. В мае — уже готовая продукция. В сухую погоду оставшиеся растения надо поливать, иначе цветоносы появятся раньше, а это скажется на урожае листьев. Бораго можно выращивать и в комнате, и в пленочных теплицах. Сейчас это ценное салатное, лекарственное и медоносное растение нуждается в распространении.

Используют все растение свежим для салатов и приправ. Огуречник мы сеем в апреле — через 20 см на глубину 3 см. В мае — уже готовая продукция. В сухую погоду оставшиеся растения надо поливать, иначе цветоносы появятся раньше, а это скажется на урожае листьев. Бораго можно выращивать и в комнате, и в пленочных теплицах. Сейчас это ценное салатное, лекарственное и медоносное растение нуждается в распространении.

М. КЛЕКТА,
с. Комсомольское Полтавской обл.



**Юннаты Оксана Шебеда,
Марина Галич и Наташа Матус**

Газводили пчел

Я расскажу о кооперативе при нашей Краснообской юннатской станции. Работают в нем дети. Выращенные ребятами овощи продаются в овощном магазине нашего городка и даже пользуются большим спросом, чем государственные, потому что выращиваются они без применения ядохимикатов и не содержат повышенного количества нитратов.

Но главное занятие в кооперативе — разведение пчел-листорезов. Это единственный вид пчел, способный опылять люцерну — ценное кормовое растение. Цветок люцерны так устроен, что когда насекомое садится на него, свернутый в лодочку пестик цветка резко разгибается. И только пчелы-листорезы приспособились увертываться от удара пестика, чего не могут делать другие насе-

комые-опылители. Этот вид пчел, как и многие другие полезные насекомые, очень пострадал от ядохимикатов, повсю применяемых на наших полях. Поэтому очень важно помочь ему восстановиться. Разведение пчел — трудоемкое занятие: склеить для каждой пчелы трубочку, этими трубочками набить застекленные барабаны. А кроме забот по уходу, добавляется еще занятие — охранять выставленные на лужайке барабаны с пчелами от хулиганов. Размноженных пчел кооператив продает тем, кто выращивает люцерну. Кроме этого, ребята еще изготавливают специальные ловчие пояса для ловли мух. Вся продукция кооператива пользуется большим спросом, и ребята получают за работу деньги — 75 процентов выручки. Выгодно, и природе польза.

**Светлана Днепрова,
г. Новосибирск,
п. Краснообск,
станция юннатов**

«ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ» НАГРАЖДАЮТ

книгой **Аню Щербакову** (с. Семеново Горьковской обл.)
за помощь обменному семенному фонду «Зеленых страниц»

Овощ? Ягода? Гриб?

Ответить одним словом на нашу фотозагадку, помещенную в № 7, — не получится. Что за плод? Овощ, а вообще-то ягода, но и гриб тоже... Так что это? Тыква. Плодовая овощная культура. С ботанической точки зрения — ягода. Ну а называется этот сорт декоративной тыквы — «Грибок».

Удивительное растение — тыква. Известно, что родом она из Америки. В Мексике ее употребляли в пищу еще за 3000 лет до н. э. По разнообразию форм и окраске плодов тыква — чемпион в своем семействе. Тыква не только идет в пищу, из нее делают посуду, мочалки, ложки, бутылки, игрушки, причудливые коробочки. Жителям Африки большие тыквы служат поплавками для плотов. Из тыкв делают музыкальные инструменты. В Индии их используют как капканы для ловли обезьян.

Вырастить декоративную тыкву можно на своем огороде. Любит она тепло и солнце. Поэтому в грунт семена или рассаду высаживай в конце мая или начале июня, когда можно не бояться ночных заморозков. За 20 дней до посадки семена замочи на сутки в слабом растворе марганцовки, потом держи их в постоянно влажной вате, пока не наклюнутся. Проросшие семена посади в торфоперегнойные горшочки, по одному семечку корешком вниз на глубину 1,5—2 см. В грунт высаживай вместе с горшочком, разрушив его стенки. Поливай, рыхли, пропалывай, подкармливай, на ночь укрывай пленкой... А плоды можешь до следующей весны хранить и... загадывать загадки.

**Материалы подготовила Н. ИВАНОВА
Оформление Т. Панкевич**

Весёлый



Звонок

Составил и оформил Л. Каминский

Выборы директора

Выборы директора
Проходили в школе.
Выбрали директором
Двоечника Колю.
Второгодник Димка Митин
В тот же день устроил митинг.
«Он хороший парень! —
говорили некоторые. —
Потому и выбрали
Мы его директором!»
«Из журнала листики
Мы с ним вместе выдрали,
Потому директором
Мы его и выбрали!»
Два отличника молчали,
Остальные все кричали:
«Мы живем теперь свободно,
Дисциплины больше нет!
Наше «да» чему угодно,
Послушанью — наше «нет»!
Но на это Колька только
Хлопнул дверь в кабинет.
Хлопнул дверь в кабинет
И назначил педсовет.
А на завтра все читали
На стене приказ по школе.
Подписал его директор —
Лучший наш товарищ Коля.
А в приказе сообщалось,
А в приказе говорилось,
Что лениться — запрещалось,
«Подтянуться!» — говорилось,
«Подравняться!» — говорилось,
Показателей добиться,
Ну а главное — учиться!
Да, учиться и учиться!

Надо ж было так случиться!..

Михаил БАРТЕНЕВ





На уроке природоведения мы изучали дыхание человека. Учительница попросила ребят сосчитать, сколько вдохов и выдохов получается у них за минуту.

— Ну, что у тебя получилось? — спросила она Сашу.

— У меня было двадцать вдохов и двадцать четыре выдоха! — ответил Саша.

И все засмеялись!

*Таня Сидорова,
п. Тугулым
Свердловской обл.*



— Диктант! — сказала учительница.

Мы вздохнули и приготовились писать.

— В октябре у нас стоит хорошая погода... — стала диктовать учительница.

— Ничего себе — хорошая! — шепнула я соседке. — Вчера весь день дождь шел.

— ...хорошая погода, — повторила учительница. — Выделяйте сразу орфограммы.

Заскрипели пеналы: мы стали доставать карандаши. За ок-

ном полил сильный дождь. А учительница продолжала:

— Дождливых дней почти не бывает...

И все засмеялись!

*Оля Курганская,
г. Лесосибирск*



Алеша вышел к доске и стал пересказывать содержание поэмы Некрасова «Мороз Красный нос». И вот что мы услышали:

— У крестьянина была лошадь, ее звали Савраска, ей было тридцать три года и двое детей с женой Дарьей...

И все засмеялись!

*Вера Ульянова,
г. Тавда
Ульяновской обл.*



Шел урок рисования. Мы рисовали акварельными красками композицию на свободную тему. В классе стояла тишина. Вдруг раздался чей-то возмущенный голос:

— Что ты списываешь!

И все засмеялись!

*Андрей Кондрат и
Максим Маслов,
г. Калининград*

Дорогие читатели! Я рад, что многим понравилась эта рубрика. Жду от вас новых писем с остроумными репликами ваших учителей.

Учитель смеха

Ученик невнятно читал английский текст, перевирая слова.

— А теперь, — сказала учительница, — переведи это на английский!

*Саша Плющенко,
г. Моздок*

Во время объяснения учителя ученик разлегся на парте.

— Ты что делаешь?

— Я слежу.

— Правильно. Только без первой буквы!

*Ира Левушенко,
г. Донецк*

Ребята вместе с учительницей помогли в колхозе убирать картошку.

— Будете баловаться — выгоню из класса!

*Лена Крикун,
ст. Староминская
Краснодарского края*

— Кто такой «оратор»?

— Это который много орет.

— Тогда у меня в классе половина «ораторов»!

*Света С.,
ст. Крыловская
Краснодарского края*

— Петров, почему ты ленишься? Ничего, я возьмусь за тебя — к концу года ты у меня будешь работать, как японский телевизор!

*Оля Рыбакова,
г. Красногорск
Московской обл.*



Николая Михайловича Пржевальского называют великим путешественником девятнадцатого века. И действительно: если соединить одной нитью все его путешествия, а их было пять: Уссурийское (1867—1869 гг.), Монгольское (1870—1873 гг.), Лобнорское и Джунгарское (1876—1877 гг.), первое Тибетское (1879—1880 гг.), второе Тибетское (1883—1885 гг.), то эта нить, наверное, с избытком опояшет земной шар...

Через самые страшные и безжизненные пустыни прошел Пржевальский. Он поднимался на высокие горы. Побывал у истоков Желтой реки — Хуанхэ. Переваливал заснеженные хребты таинственного для европейских путешественников Тибета...

До путешествий Пржевальского Центральная Азия была европейцам известна меньше, чем поверхность Луны...

Пржевальский был рожден для путешествий — богатырского сложения, отличного здоровья, первобытной выносливости был этот добрый по нраву человек. Он отлично стрелял, мог довольствоваться в пути самой простой пищей, палатка многие годы была его домом.

И еще у Пржевальского был редкий дар — литературный. Потому обо всех своих путешествиях он написал сам. И читать его записки о путешествиях в неизведанные страны — все равно что читать приключенческие книги.

«...Перенеситесь, читатель, мысленно в центральноазиатскую пустыню к нашему биваку и проведите с нами одни сутки — тогда вы будете иметь полное представление о нашей походной жизни во все время путешествия... Ночь. Караван наш приютился возле небольшого ключа в пустыне. Две па-

латки стоят недалеко друг от друга; между ними помещается вьючный багаж, возле которого попарно спят казаки. Впереди уложены верблюды и привязана кучка баранов; несколько в стороне наарканены верховые лошади. Утомившись днем, все отдыхают. Только изредка всхрапнет лошадь, тяжело вздохнет верблюд или бредит сонный человек. В сухой, прозрачной атмосфере ярко, словно алмазы, мерцают бесчисленные звезды... А кругом дикая, необъятная пустыня. Ни один звук не нарушает там ночной тишины. Словно в этих сыпучих песках и в этих безграничных равнинах нет ни одного живого существа...»

А ведь это всего лишь — отчет об одном из путешествий...

Было у Пржевальского-путешественника вот еще какое бесценное качество, которое помогало ему преодолевать и горы, и безводные пустыни, и края, где на дорогах путников подстерегали шайки разбойников. Пржевальский умел даже вдали от родины, среди чуждых порой во всем ему людей, жить с ними как с родными братьями, вместе делить труды и опасности, тяготы пути и радости, которые подчас все-таки награждают первооткрывателей. Потому и его спутники по путешествиям навсегда сохраняли о Пржевальском благодарную память до конца своих дней... Сам же Николай Михайлович писал об этих людях так: «Ни трудности дикой природы пустыни, ни препоны со стороны враждебно настроенного населения, ничто не могло остановить нас. Мы выполнили свою задачу до конца — прошли и исследовали те места Центральной Азии, в большей части которых еще не ступала нога европейца. Честь и слава вам, товарищи! О ваших подвигах я поведаю всему свету...»

О. СТРЕЛКОВА

Рисунки В. Шаронова

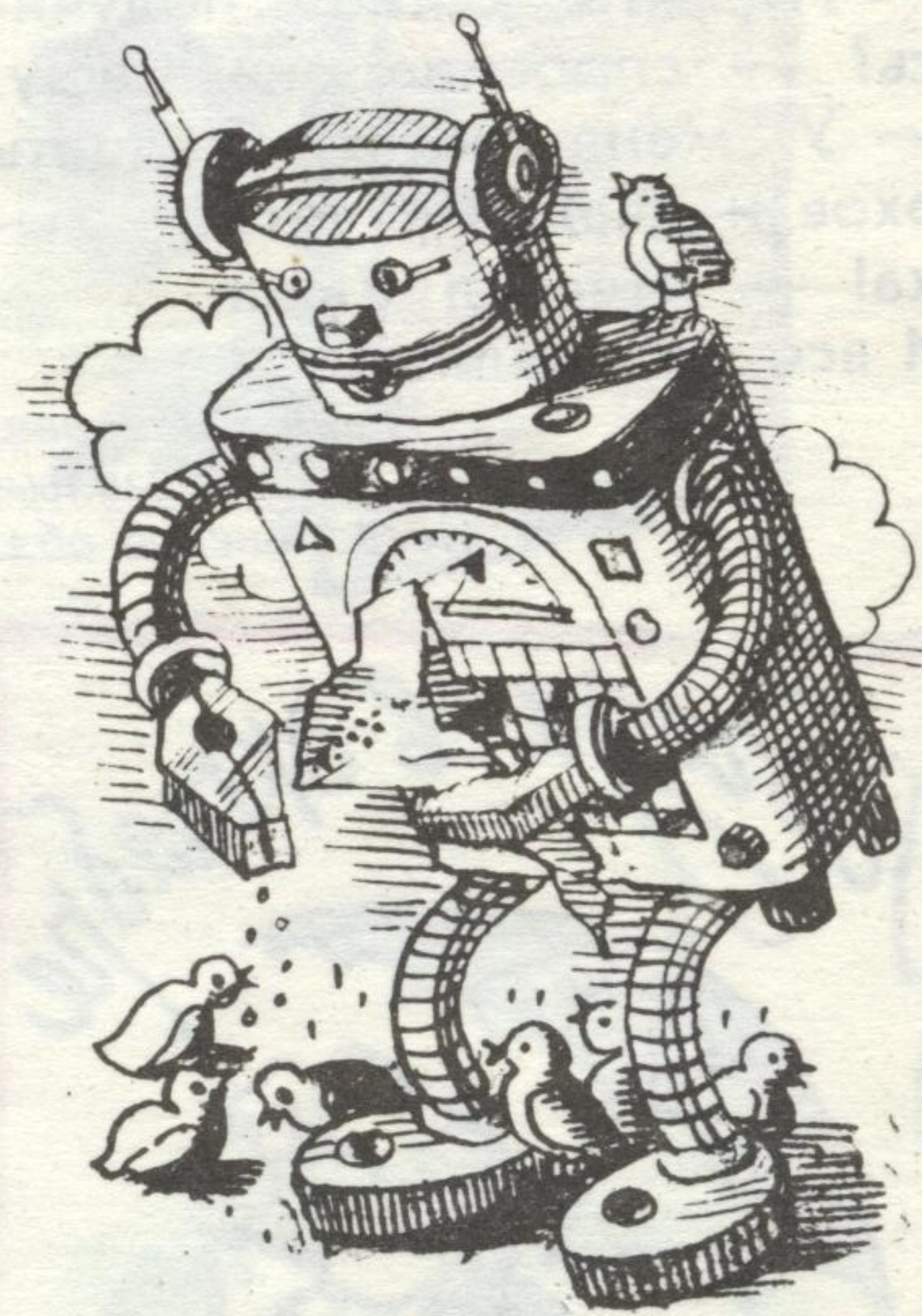
УГОЛОК ЛЮБОПЫТНЫХ ФАКТОВ

Когда ученые взяли пробы дыма от лесного пожара близ Лос-Анджелеса, то они очень удивились: горели деревья, а в дыме оказались частички металла и, в частности, свинца. Откуда? Из выхлопных газов автомобилей, которые проезжают через лес.

Свинец был в бензине, выхлопные газы осели на листья и иглы деревьев. Плохо? Даже очень.

Во Франции создан робот, который подсчитывает новорожденных цыплят и подрезает им клювы, чтобы цыплята не нанесли друг другу раны.

Робот также может делать прививки и давать лекарство.



В современном большом городе улицы забиты автомобильными пробками.

Житель Рио-де-Жанейро Клаудио Чавес продал автомобиль и купил верхового осла, теперь он добирается на работу гораздо быстрее.



ВАСИЛЕК



РОМАШКА



ГИАЦИНТ



РОЗА



ЛИЛИЯ



Искусственные цветы нужны для школьного театра, карнавала и праздников. Очень просто сделать ВАСИЛЕК. Три синих бумажных круга разрежь, как показано на рисунке. Тычинки — проволочки. На концы их намотай маленькие ватные тампончики, погрузи в клей и обмакни в манную крупу. Центральная прожилка бумажного листа приклеена узкой полоской папиросной бумаги. Надев на проволоочный стебель с тычинками венчики цветка, «присборь» их немного, оберни зелеными чашелистиками и закрепи проволочкой. Прикрути к стеблю листья. Последний этап работы — обмотка стебля узкой (1 см) полоской папиросной бумаги. Она прикроет места соединения стебля с чашелистиками и листьями. Клеем мазни только кончики этой полоски сверху и снизу. Для РОМАШКИ сделай один венчик из плотной белой бумаги. Количество лепестков сократи до двенадцати, а концы закругли. Вместо длинных тычинок собери густую короткую кисточку из желтой шерсти, мулине или других ниток. Привяжи кисточку к стеблю, распуши ее и подрежь, чтобы получилась выпуклая сердцевинка-подушечка. Дальше работай, как над изготовлением василька. ГИАЦИНТ сделан из полоски надрезанной бумаги и «завит» на карандаше. Стебель из проволоки или прутика. На него намотай «завитую» ленту и обработай стебель с листьями. Для РОЗЫ нужна папиросная или другая тонкая бумага. Прямоугольники с верхними закругленными краями — лепестки. «Завей» их по длине вокруг карандаша и сворачивай цветок. Центральный лепесток свернут туго, последующие все свободнее, слабее. Самое сложное отогнуть края лепестков наружу. Можно сразу наметить отгиб на карандаше. Но оформить его окончательно надо, собирая лепестки. При свертывании первого лепестка просунь внутрь проволоку (стебель). Последний лепесток с чашелистиками прикрепил к стеблю проволочкой. Очень оригинальны ЦВЕТЫ ИЗ ПЕРЬЕВ. Годится перо гусей, уток, кур, индюшек и т. д. Для ЛИЛИИ нужны шесть одинаковых по размеру гладких перьев с тонким стержнем. Вырежь из них шесть лепестков. Для тычинок подстриги мягкие длинные перышки с тонкой осью. Сделав связочку тычинок, собери вокруг них лепестки. Лезвием тупых ножниц проведи по стержню перьев, чтобы слегка завить концы лепестков наружу.

КРАТКИЙ ДОМАШНИЙ СЛОВАРИК

ФИЛЕ — 1. Вышивка на нитчатой сетке (филейная работа). 2. — кусок мяса или рыбы, очищенные от костей.
ФРИКАДЕЛЬКИ — шарики из мяса или рыбы, сваренные в бульоне.
ФУРНИТУРА — вспомогательные материалы, применяемые в каком-либо ремесле. Например: швейная фурнитура — кнопки, крючки, застежки «молния», пуговицы и т. д.
ХАРЧО — суп из бараньей или говяжьей грудинки с рисом, луком, томатом и толченым чесноком.
ЦУКАТЫ — засахаренные плоды, ягоды, корочки цитрусовых. Предварительно отобрав чистые, здоровые плоды или ягоды и помыв их, вари в сиропе до готовности (2 кг фруктов — 1 л воды и 700 г сахара). После варки настаивай в сиропе не менее 8 часов, откинь на сито и подсуши в духовке при температуре 40° или на солнце (в этом случае прикрой марлей). Из апельсиновых корочек готовят цукаты несколько иначе. Их нарезают, вымачивают в холодной воде 5 дней, ежедневно меняя воду. После этого корочки варят в воде до мягкости, а затем варят в сиропе до его загустения (1 кг корок — 1 л воды и 1,5 кг сахара). Вынув корки из сиропа, остужают их и складывают в банки. Цукаты используют как лакомство, для приготовления тортов и печенья.
ШПИНАТ — огородное растение с широкими нежными листьями. Используется в кулинарии в свежем виде, как зеленый салат.

Рисунки Т. Петуховой

Разбираясь в своем пестром собрании редкостей, Географ Географыч продемонстрировал нам купюру в десять американских долларов.

— Так вы еще коллекционер? — изумились мы.

— Эта купюра поддельная, — засмеялся Громыхалов. — Досталась она мне при любопытных обстоятельствах. Много лет назад в одной латиноамериканской стране я зашел в мелочную лавку. Хозяин пытался продать туристу яр-



кие национальные бусы. Сошлись на шести долларах. Покупатель вынул вот эту самую бумажку, ожидая сдачи. У лавочника не было разменных денег, он вышел к соседу, разменял купюру, отсчитал покупателю четыре доллара, и они расстались, довольные друг другом. Но минут через пять в лавку вбежал человек и стал бурно объясняться с хозяином. Как я понял из их разговора, десятидолларовая бумажка оказалась фальшивой, и сосед потребовал свои деньги назад. Хозяин схватился за голову, и ему пришлось вернуть соседу его десять долларов. Нечестного покупателя, как вы понимаете, к тому времени и след простыл. Он унес и бусы, и сдачу.

Хозяин сидел огорченный, вертя в руках поддельную купюру. Тут подошел я и предложил ему продать ее мне. «Только за те деньги, которые я потерял!» — восторженно воскликнул он. Сделка состоялась, и вот — фальшивая купюра перед вами.

Сколько заплатил Географ Географыч за десятидолларовую купюру? (15 очков).

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ №9

1. Стрелки исправных часов должны встречаться каждые $65 \frac{5}{11}$ минуты. Если они встречаются каждые 65 минут, то часы спешат на $\frac{5}{11}$ минуты в 65 минут, или на $\frac{60}{148}$ минуты в час.

2. **Конкурс кроссвордов:** По горизонтали: 2. Арктика. 5. Корова. 7. Ереван. 9. Мусор. 10. Метро. 11. Море. 12. Рука. 13. Скопа. 14. Закон. 16. Прораб. 18. Паркет. 19. Капитан. По вертикали: 1. Отвага. 3. Рота. 4. Купе. 6. Ремесло. 8. Вторник. 15. Есенин. 17. Бура. 18. Пена.

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

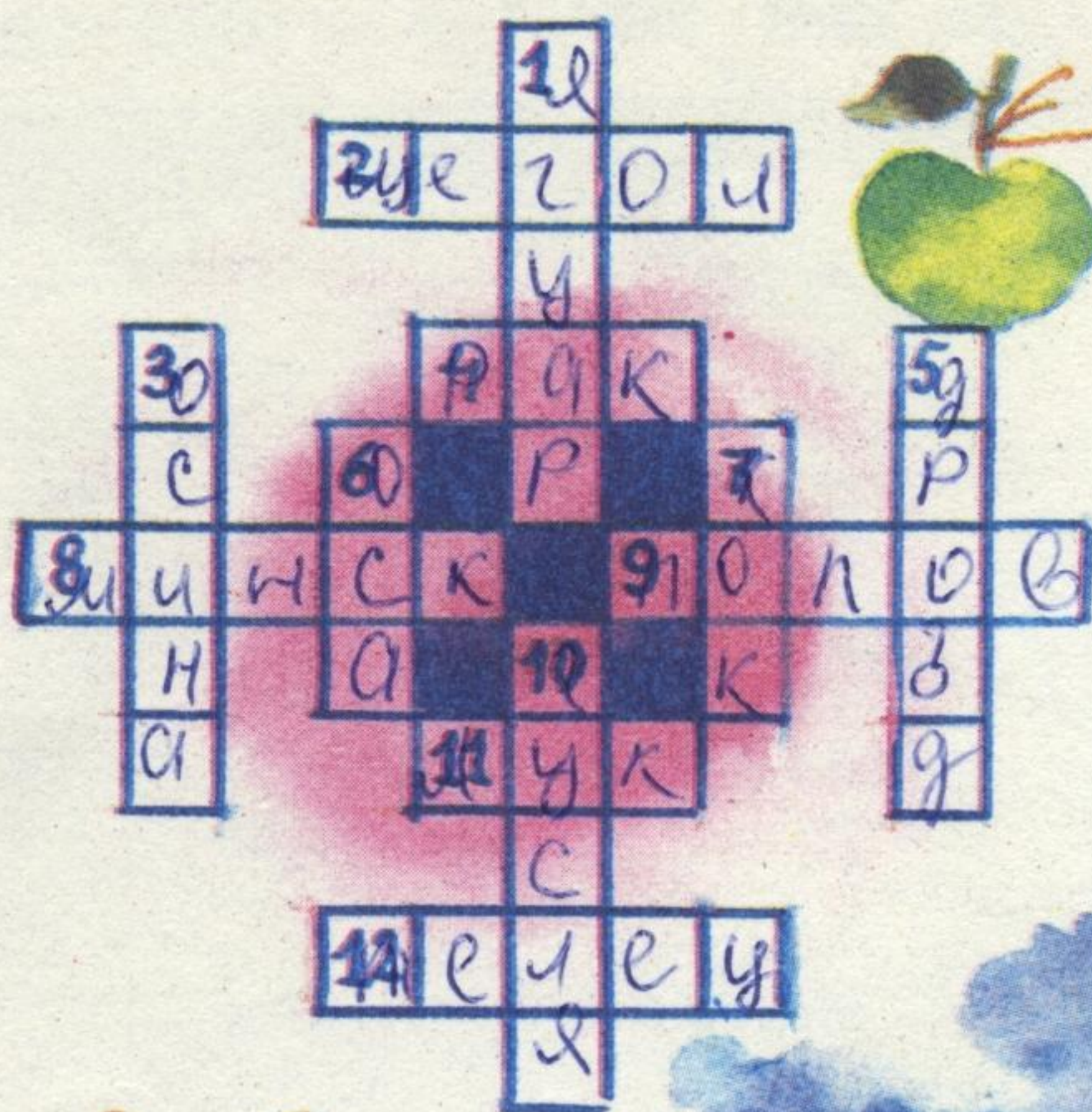
Конкурс Кроссвордов

Этот кроссворд прислала нам Кристина Юдина из станции Староминской Краснодарского края.

По горизонтали: 2. Певчая птица с красной шапочкой и желтыми полосками на крыльях. 4. Созвездие, которое дало название Северному тропику. 8. Столица союзной республики. 9. Известный артист цирка, его называют «Солнечным клоуном». 11. Полезное растение с вкусным, хотя и горьким стеблем. 12. Зодиакальное созвездие.

По вертикали: 1. Животное из семейства кошачьих. 3. Лесное дерево. 5. Певчая птица с белыми крапинками на перьях. 6. Жалящее насекомое. 7. Повар на судне. 10. Музыкант из сказки Н. Носова.

Рисунки Л. Московского



Главный редактор
О. А. ЦАКУНОВ

Редакционная коллегия:

В. М. ВЕРХОВСКИЙ
О. П. ОРЛОВ
Р. П. ПОГОДИН
Е. В. СЕРОВА
Н. И. СЛАДКОВ
А. Я. ТОЛСТИКОВ
(отв. секретарь)
Н. Т. ФЕДОРОВ
Н. Б. ХАРЛАМПИЕВ
(зам. гл. редактора)
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
В. И. ЦИКОТА

Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор
Г. А. БЕЛЬТЮКОВА

Адрес редакции:
193024, Ленинград,
ул. Мытнинская, 1/20
Телефон: 274-15-72

К сведению авторов!

Редакция рукописи не рецензирует, а только сообщает решение. Рукописи объемом свыше трех авторских листов (70 страниц машинописного текста) к рассмотрению не принимаются. Рукописные материалы объемом до одного авторского листа (25 страниц машинописного текста), рисунки и фотографии не возвращаются. Жалобы на полиграфический брак, замечания по типографскому исполнению отдельных номеров журнала следует направлять по адресу типографии.

Сдано в набор 06.06.90.

Подписано в печать 03.08.90.

Формат 60×90¹/₈

Печать офсетная

Усл. печ. л. 6

Усл. кр.-отт. 22

Уч.-изд. л. 8,2

Тираж 1 240 000 экз.

(2-й завод 50001—1 240 000)

Заказ № 4698

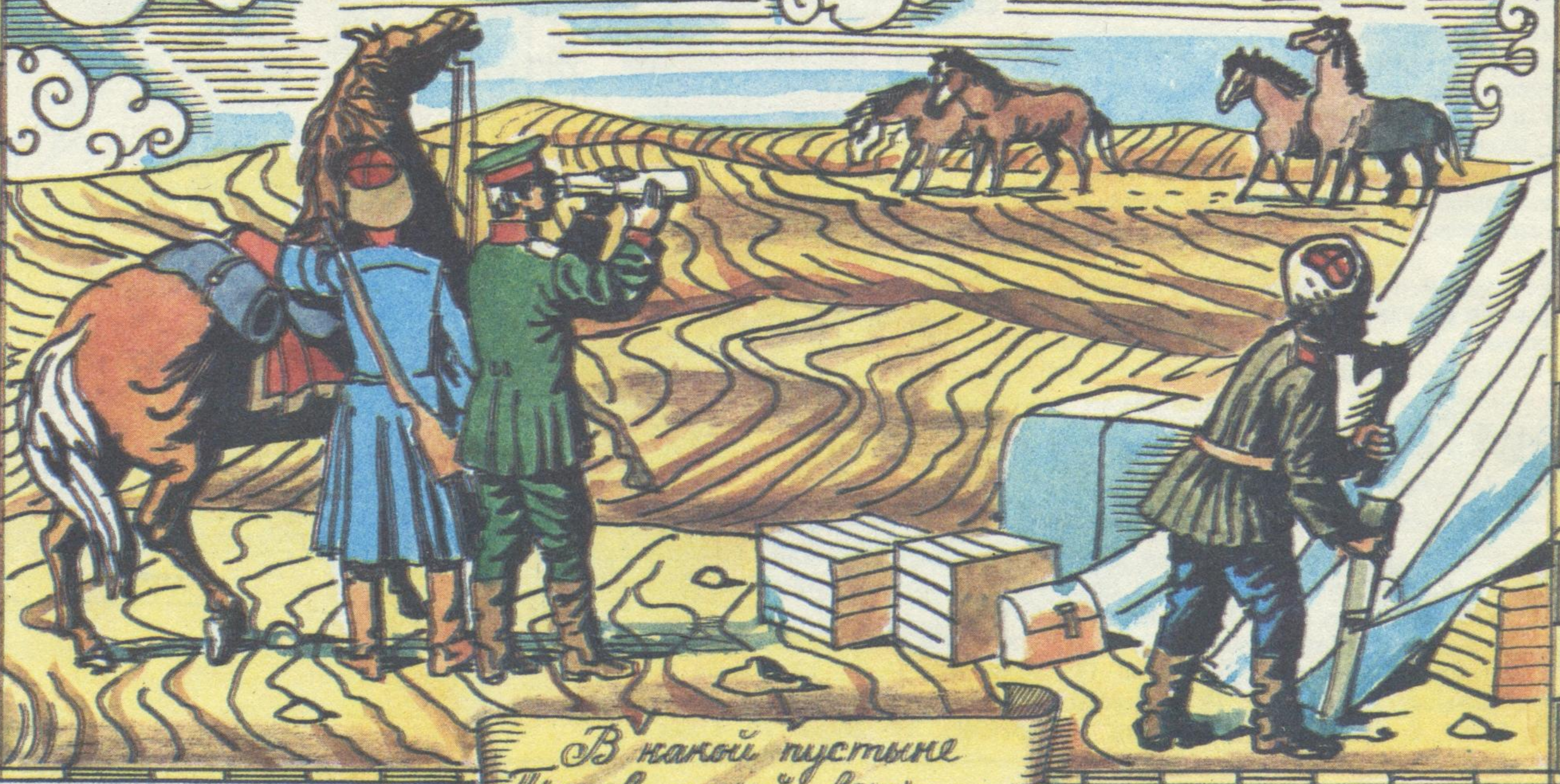
Цена 30 к.

Текстовые диапозитивы, иллюстраций изготовлены на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1 Госкомиздата СССР. Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Зак. 0-481. Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

О ВАШИХ ПОДВИГАХ ПОВЕДАЮ ВСЕМУ СВЕТУ!



1870-1873 гг.	1879-1880 гг.
1876-1877 гг.	1883-1885 гг.



В какой пустыне
Пржевальский встретил
необыкновенно дикую лошадь?